

УДК.347.9

На правах рукописи

ЖАМБУРБАЕВА САБИНА

**Представительство по поручению в гражданском процессуальном
праве: теория и практика правоприменения**

**Диссертация на соискание ученой степени доктора философии (PhD)
по образовательной программе «8D04201-Юриспруденция»**

Научный консультант:
Ильясова Г.А. — кандидат
юридических наук, профессор,
профессор-исследователь
Карагандинского университета
имени академика Е.А. Букетова

Зарубежные научные консультанты:
Лисица В.Н. — доктор юридических
наук, доцент Новосибирского
национального исследовательского
государственного университета (г.
Новосибирск, Российская
Федерация)
Расцио Н. — доктор юридических
наук, профессор Неаполитанского
университета Федерико II (г.
Неаполь, Италия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОПРЕДЕЛЕНИЯ	3
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ.....	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СУДЕ КАК ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.....	18
1.1 Институт представительства в суде: исторический аспект	18
1.2 Понятие и сущность представительства в суде по поручению	30
1.3 Субъекты института представительства по поручению в гражданском процессе, их права и обязанности	42
2 ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПО ПОРУЧЕНИЮ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	57
2.1 Возникновение и прекращение судебного представительства по поручению в гражданском процессе	57
2.2 Порядок получения статуса адвоката и юридического консультанта как представителей в судах Республики Казахстан.....	68
2.3 Совершенствование правового статуса представителя в суде по поручению в законодательстве Республики Казахстан	85
3 МОДЕРНИЗАЦИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПО ПОРУЧЕНИЮ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ	96
3.1 Сравнительный анализ классификации судебных представителей по законодательству зарубежных стран	96
3.2 Профессионализация судебного представительства в Республике Казахстан... ..	106
3.3 Применение блокчейн и иных информационных технологий современности для оптимизации судебного представительства.....	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	151
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	173
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	174
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	176
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.....	177
ПРИЛОЖЕНИЕ 6.....	178
ПРИЛОЖЕНИЕ 7.....	179

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящей диссертации применяют следующие термины с соответствующими определениями:

1. **Юридическая помощь** – деятельность лиц, оказывающих квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе, лиц, являющихся представителями по поручению согласно ч.1 ст.58 Гражданско-процессуального кодекса Республики Казахстан, и иных лиц, предоставляющих такую помощь в пределах своей компетенции в соответствии со ст.20 Закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи».

3. **Уполномоченный орган** – орган государственной власти, организующий и координирующий процесс оказания правовой помощи;

3. **Республиканская коллегия адвокатов** – организация, объединяющая территориальные коллегии адвокатов;

4. **Республиканская коллегия юридических консультантов** – организация, основанная на добровольном членстве палат юридических консультантов;

5. **Адвокат** – гражданин Республики Казахстан, обладающий в совокупности: высшим юридическим образованием, лицензией на право осуществления адвокатской деятельности и являющийся членом коллегии адвокатов;

6. **Юридический консультант** – физическое лицо, обладающее в совокупности: высшим юридическим образованием, стажем работы по специальности не менее двух лет, прошедшим аттестацию и состоящее в палате юридических консультантов;

7. **Доверитель** – лицо, которое обращается за правовой помощью;

8. **Конфликт интересов** – расхождение личных интересов лица, оказывающего правовую помощь, с интересами доверителя, которое может повлиять на ее качество;

9. **Договор об оказании юридической помощи** – двустороннее соглашение между доверителем и юридическим представителем, в котором формулируются условия, объем и порядок предоставления юридической помощи, а также взаимные обязательства сторон в целях правомерного, квалифицированного и своевременного разрешения поставленных юридических задач;

10. **Доверенность** – внешняя форма волеизъявления доверителя, посредством которого одна сторона уполномочивает другую действовать от ее имени в пределах указанной компетенции, тем самым делегируя часть своих прав и обязанностей на совершение юридически значимых действий;

11. **Блокчейн** – децентрализованная цифровая система хранения и передачи данных, которая реализуется в виде последовательной цепи криптографически защищенных блоков, где валидность каждой новой записи обеспечивается алгоритмами согласования.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

- РК** – Республика Казахстан;
- РФ** – Российская Федерация;
- СНГ** – Содружество Независимых Государств;
- АССР** – Автономная Советская Социалистическая Республика;
- РСФСР** – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика;
- ССР** – Советская Социалистическая Республика;
- ЕС** – Европейский Союз;
- ГПК РК** – Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан;
- УПК РК** – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан;
- Профильный закон** – Закон Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи»;
- ГК РК** – Гражданский кодекс Республики Казахстан;
- ТОО** – Товарищество с ограниченной ответственностью;
- Закон РК «О ТОО и ДО»** – Закон Республики Казахстан «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью»;
- Закон РК «Об АО»** – Закон Республики Казахстан «Об акционерных обществах»;
- ТК РК** – Трудовой кодекс Республики Казахстан;
- Конвенция № 135** – Конвенция № 135 «О защите прав представителей трудящихся на предприятии и предоставляемых им возможностях»;
- Налоговый кодекс РК** – Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс);
- КоАП РК** – Кодекс Республики Казахстан «Об административных правонарушениях»;
- АППК РК** – Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан;
- GDPR** – Общий регламент Европейского союза по защите данных (General Data Protection Regulation);
- МЮ** – Министерство Юстиции;
- РКА** – Республиканская коллегия адвокатов;
- ДКА** – Дисциплинарная комиссия адвокатуры;
- РКЮК** – Республиканская коллегия юридических консультантов;
- РПЮК** – Республиканская палата юридических консультантов;
- пп.** – подпункт;
- п.** – пункт;
- ч.** – часть;
- ст.** – статья;
- гл.** – глава.

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертационная работа посвящена исследованию теоретических и практических проблем правового регулирования института представительства по поручению в гражданском процессуальном праве. В рамках исследования проведен анализ нормативного регулирования представительства в законодательстве Республики Казахстан и зарубежных государств. Изучение данного института позволило проследить его историческое развитие, раскрыть правовую природу в контексте гражданского судопроизводства, и сформулировать его дефиницию. Особое внимание уделено субъектному составу, обладающему правом осуществлять представительство в суде по гражданским делам, а также основаниям возникновения и прекращения соответствующих правоотношений. Рассмотрен порядок обретения статуса адвоката и юридического консультанта в Казахстане, проведен сравнительно-правовой анализ их правового положения, изучена судебная практика по делам о лишении лицензии на занятие адвокатской деятельностью, исключении из коллегии адвокатов и реестра палат юридических консультантов, законности регистрации палат и т.д.. Определены ключевые критерии профессионализации судебного представительства, проанализированы возможности внедрения современных технологий в деятельность представителей, а также выдвинуты предложения по совершенствованию правового регулирования института представительства по поручению. Широкий спектр теоретических и практических вопросов, связанных с представительством по поручению, обуславливает важность проведенного комплексного научного анализа.

Актуальность темы диссертационного исследования. Концепция правовой политики Республики Казахстан, рассчитанная до 2030 года и включающая в себя ключевые направления развития правовой, правоохранительной и судебной систем, подчеркивает важность защиты фундаментальных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций [1]. Эти аспекты выступают в качестве приоритетных задач, требующих незамедлительного и результативного осуществления в различных секторах общественного и государственного устройства.

Учитывая обозначенные приоритеты правовой политики, особое значение приобретает эффективное и квалифицированное представительство интересов граждан и организаций в судебных процессах. Представительство по поручению в судах, как форма юридической помощи, играет ключевую роль в обеспечении справедливого разбирательства и реализации права на судебную защиту. Именно от уровня профессиональной подготовки судебных представителей, их способности грамотно и эффективно формулировать правовую позицию доверителя, вырабатывать стратегию защиты и добросовестно исполнять поручения, зависит не только качество юридической помощи, но и общее функционирование судебной системы в условиях возрастающей нагрузки.

Как отмечено Верховным судом РК, статистические показатели последних лет свидетельствуют о значительном росте числа рассматриваемых судами гражданских дел и материалов. Только за 2024 год количество рассмотренных в порядке гражданского судопроизводства дел возросло на одну треть по сравнению с предыдущим периодом (915 тыс. в 2023 г. против 1,2 млн. – в 2024 г.) [2]. Такое увеличение числа дел при неизменном количестве судей может отрицательно сказаться на работе судебной системы, усиливая нагрузку на суды и, как следствие, снижая качество судопроизводства. В связи с этим крайне важно достичь оптимального баланса между обеспечением доступа к правосудию и избыточной нагрузкой на судебные органы, что предполагает устранение проблемы необоснованных исков, обусловленных злоупотреблением правом на судебную защиту, недостаточной обеспеченности юридической грамотностью, отсутствием правовых знаний о механизмах правовой защиты, слабой практикой применения альтернативных способов разрешения споров.

В период с 2010 по 2020 годы в рамках реализации Концепции правовой политики страны [3] судебная система Казахстана прошла значительную модернизацию, что привело к принятию мер для улучшения доступа к правосудию. Вместе с тем, современные вызовы и амбициозные задачи, стоящие перед страной, требуют дальнейшего совершенствования существующей правовой системы, в том числе права на судебную защиту [1].

Право на судебную защиту – это совокупность тесно связанных прав, где каждое затрагивает реализацию и охрану других прав, и ошибочное применение одного из компонентов этого комплекса способно подорвать эффективность остальных. Взаимодействие таких прав, как доступ к правосудию и право на справедливое судопроизводство, является примером этой взаимосвязи. Отсюда следует, что государственные меры должны быть целостными и систематическими, охватывающими все аспекты обеспечения справедливого правосудия. Сосредоточение усилий только на отдельных элементах может привести к неполной реализации данной конституционно обеспеченной гарантии. В этой связи необходимо постоянное развитие отраслевых институтов гражданского процессуального права, в том числе института судебного представительства.

По общему правилу, лица совершают юридические действия в своих интересах: участник правовых отношений берет на себя обязательства, управляет своими правами или способствует их возникновению, стремясь к получению собственной выгоды. Однако в современных условиях гражданского оборота для успешной реализации этих прав и защиты интересов, возникает необходимость представления интересов представляемого лица и оказание ему помощи в осуществлении прав и исполнении обязанностей привлекаемым представителем.

Особенно актуальным представительство видится в судебном процессе в случае правовой неосведомленности доверителя в условиях многоаспектной юридической реальности. Наличие представителей помогает избежать рисков, связанных с незнанием материального права и процессуальных норм,

обеспечивает эффективную защиту прав и интересов доверителя, максимально способствуя предотвращению проигрыша дела в суде из-за недостаточной юридической подготовки или знаний. В этом свете представительство выступает ключевым инструментом в реализации принципов состязательности и равенства сторон перед законом и позволяет суду всесторонне и правильно разрешить дело. Тем самым оно вносит существенный вклад в обеспечение регламентированных пунктами 2 и 3 статьи 13 Конституции Республики Казахстан гарантий на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь [4].

С развитием гражданского процессуального права нормы гражданского процессуального законодательства Республики Казахстан подвергались корректировке в части представительства по поручению, в особенности в контексте его профессионализации. Первым шагом в этом направлении стало введение Законом Республики Казахстан от 17 ноября 2014 года № 254-V ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшего упрощения отправления правосудия, снижения бюрократических процедур» в Гражданский процессуальный кодекс требования, согласно которому лицо, допущенное судом к представительству по просьбе участников дела, обязано иметь высшее юридическое образование и предъявлять соответствующий диплом [5]. Это положение сохраняло силу вплоть до 2018 года, когда в ГПК были внесены поправки, заменившие формулировку «иные лица, имеющие высшее юридическое образование» (пп.6 ч.1 ст.58 ГПК) на «лица, входящие в состав палаты юридических консультантов и действующие в соответствии с Законом Республики Казахстан от 5 июля 2018 года «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» (далее – Профильный закон) [6]. Это изменение повлекло за собой дальнейшие законодательные новеллы, затронувшие как недавно возникших субъектов представительства – юридических консультантов, так и адвокатов, традиционно занимавшихся представительством по поручению.

Таким образом, законодательные реформы по исключению из судебного представительства лиц, не имеющих специального образования и практического опыта в юридической сфере, направлены на условную профессионализацию представительства по поручению.

Вместе с тем, внесенные изменения не полностью разрешили проблему правового регламентирования института представительства по поручению в гражданском судопроизводстве.

Проведенный в работе анализ мнений ученых, правовых норм и имеющихся в них пробелов, судебной практики, а также статистических данных о профессиональных судебных представителях, позволяют сделать вывод о недостаточности законодательного регулирования вопросов контроля и координации деятельности палат и юридических консультантов, что может негативно отразиться на качестве выполнения последними своих профессиональных обязанностей. Вызывает сомнение обоснованность положения пункта 1 статьи 78-1 Профильного закона, предусматривающего

добровольный характер вступления палат юридических консультантов в Республиканскую коллегию юридических консультантов, на которую возложена координирующая роль деятельности этих палат [7]. В результате этого, по состоянию на 31 декабря 2024 года, в состав Республиканской коллегии вошли лишь 13 из 48 палат [8].

Кроме того, множественность палат юридических консультантов порождает разрозненность стандартов оказания правовой поддержки, критериев качества, регламентов профессионального поведения и этических норм, что в конечном итоге затрудняет формирование системного и комплексного регулирования деятельности юридических консультантов. Отсутствие в законодательстве требования о наличии гражданства Республики Казахстан как обязательного условия для осуществления деятельности юридического консультанта также вызывает сомнения. Совокупность выявленных институциональных и нормативных противоречий и пробелов указывает на наличие системных дисбалансов в правовом механизме регулирования деятельности юридических консультантов, способных препятствовать реализации конституционной гарантии на получение квалифицированной юридической помощи, и затруднять дальнейшее развитие института судебного представительства на устойчивой и качественной основе.

В научной среде рассматриваются и другие, полярные правовые конструкции института представительства, с достаточно аргументированной позицией. Интересными с точки зрения влияния на изменение законодательства, регулирующего судебное представительство, являются набирающие обороты острые дискуссии между представителями адвокатуры и юридическими консультантами по реформированию организации судебного представительства на базе адвокатуры. Так, Научно-консультативным советом Республиканской коллегии адвокатов Казахстана предложен поэтапный переход к профессиональной организации юристов на базе адвокатуры с едиными стандартами и этическими требованиями. Предлагаемые изменения обосновываются примерами зарубежных стран, и, по мнению инициаторов, обеспечат гражданам и юридическим лицам квалифицированную юридическую помощь [10]. Аналогичной позиции придерживается доктор юридических наук М.К. Сулейменов, выступая на круглом столе на тему «Единая организация профессиональных судебных представителей» [11]. Схожую с Концепцией развития адвокатуры позицию выражает доктор юридических наук Ж.С. Елюбаев [12].

Предлагаемые нововведения требуют тщательного изучения, поскольку ключевая цель должна заключаться не в укрупнении самой адвокатуры как формы представительства по поручению, а в достижении максимально эффективного и квалифицированного оказания юридической помощи лицам, нуждающимся в ней.

При этом следует отметить, что государство делает особый акцент на поддержке адвокатуры, что следует из выступления Президента Республики Казахстан на заседании Национального совета общественного доверия в 2021

году, в котором отмечено, что адвокатура должна быть сильной и независимой, и это имеет принципиальное значение для демократического общества [13].

Позиция государства по укреплению роли адвокатуры получила свое отражение в стратегических инициативах Республиканской коллегии адвокатов в Концепции развития казахстанской адвокатуры на 2022-2025 годы «Новый Казахстан – Новая адвокатура», являющейся программным документом, определяющим ключевые направления модернизации и институционального развития адвокатской деятельности. Концепция направлена на формирование современной, устойчивой и эффективно функционирующей адвокатуры, способной надежно обеспечивать защиту прав и свобод граждан в условиях обновляющейся правовой системы страны [14]. Комиссия по правам человека при Президенте рекомендует учитывать этот документ при внесении изменений в законодательство, в том числе в части урегулирования деятельности судебных представителей, устраняя пробелы и несоответствия, которые могут препятствовать их эффективной деятельности [15].

С учетом значимости ориентиров, предусмотренных в Концепции, актуальным становится обращение к практике правового регулирования института судебного представительства в странах романо-германской, англосаксонской и мусульманской правовых систем. Проведенный анализ позволяет определить возможность и целесообразность заимствования наиболее приемлемых для казахстанской правовой действительности подходов к регулированию участия представителей в гражданском судопроизводстве.

Исследованный в работе мировой опыт показывает, что в большинстве зарубежных стран наблюдается ограничение непрофессионального представительства в апелляционных и кассационных судебных инстанциях. Этот аспект представляет интерес с целью изучения эффективных методов и способов обеспечения качественной юридической помощи, гарантий соблюдения правовых процедур, повышения вероятности справедливого разрешения дел, что особенно важно в вышестоящих инстанциях гражданского судопроизводства, формирующих единообразную правоприменительную практику.

Результаты исследования альтернативных моделей правового регулирования судебного представительства, имеющих практическую ценность для модернизации казахстанской правовой системы, способствуют созданию всестороннего и полного представления об указанном институте в контексте взаимодействия различных правовых традиций и насущной необходимости его развития в условиях национальной юрисдикции. Это, в свою очередь, подчеркивает научную и прикладную значимость темы диссертационной работы, направленной на совершенствование нормативного регулирования судебного представительства по поручению в законодательстве Республики Казахстан.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследование различных аспектов представительства по поручению в гражданском процессуальном праве, включая теоретические и практические аспекты, рассматривалось многими отечественными и зарубежными учеными.

Важные работы в исследуемой области принадлежат таким авторам, как: А.Ф. Козлов «Представительство в суде» (г. Москва, 1995 г.), В.М. Шерстюк «Судебное представительство по гражданским делам» (г. Москва, 1984 г.), Я.А. Розенберг «Представительство в советском гражданском процессе: учебное пособие» (г. Рига, 1974 г.), С.А. Халатов «Представительство в гражданском и арбитражном процессе» (г. Москва, 2002), Г.Б. Мирзоев и др. «Адвокатура в России» (г. Москва, 2010 г.), А.В. Егоров, Е.А. Папченкова и А.М. Ширвиндт «Представительство: исследование судебной практики» (г. Москва, 2016 г.), О.Н. Бондарь «Квалифицированная юридическая помощь – конституционная гарантия прав граждан: монография» (г. Ростов-на-Дону, 2018 г.) и др.

Нередко тема диссертационного исследования встречается в учебных и монографических трудах, рассматривающих представительство по поручению в рамках основной отрасли права – гражданского процессуального права: З.Х. Баймолдина «Гражданское процессуальное право Республики Казахстан: в двух томах. Т. 1. Общая часть (Темы 1-15). Учебник» (г. Алматы, 2001 г.), О.В. Исаенкова и А.А. Демичев «Гражданское процессуальное право России: учебник» (г. Москва, 2009 г.), Е.В. Васьковский «Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия» (г. Москва, 2016 г.), «Гражданский процесс: Учебник» под редакцией М.К. Треушникова (г. Москва, 2014 г.), И.В. Решетникова и В.В. Ярков «Гражданский процесс» (г. Москва, 2016 г.), С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др. под ред. М.С. Шакаряна «Гражданское процессуальное право: учебник» (г. Москва, 2004 г.), Т.В. Сахнова «Курс гражданского процесса» и т.д.

Вышеперечисленными авторами охвачен широкий спектр вопросов, связанных с сущностью, функциями и правоприменением института представительства.

Судебному представительству, как и представительству по поручению, посвящен значительный пласт диссертационных исследований, вносящих существенный теоретический вклад в развитие правовой науки: Сидоров Р.А. «Представительство в гражданском процессе» (г. Тверь, 2003 г.), Э.Е. Колоколова «Адвокат – представитель в российском гражданском процессе» (г. Саратов, 2005 г.), И.А. Владимирова «Особенности гражданско-правового регулирования оказания услуг адвокатом» (г. Москва, 2006 г.), В.С. Лисневский «Институт представительства в гражданском процессе Российской Федерации» (г. Томск, 2017 г.), Гладкий А.Ю. «Судебное представительство в гражданском и арбитражном процессах» (г. Белгород, 2017 г.), Э.С. Алоян «Институт представительства в цивилистическом процессуальном праве» (г. Саратов, 2021 г.) и т.д.

Учитывая, что многие из вышеуказанных научных исследований были опубликованы до принятия Закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи», соответственно, некоторые изложенные в них выводы по предлагаемым к обсуждению темам, требуют определенной актуализации с учетом законодательных изменений и требований, предъявляемых временем.

Наличие большого количества научных публикаций, учебников и диссертационных исследований по представительству по поручению в гражданском процессуальном праве, остаются нерешенными множество теоретических и практических вопросов, которые носят дискуссионный характер.

Вопросы, касающиеся роли адвокатов и юридических консультантов в гражданском процессе, требуют дальнейшего изучения. К примеру, как обеспечить высокий уровень профессионализма и этики представителей, как минимизировать риски, связанные с их недостаточной квалификацией, каким образом улучшить правоприменительную практику в этой сфере.

В настоящее время в Республике Казахстан отсутствует целостное научное исследование, охватывающее все ключевые аспекты института представительства по поручению в суде, включая анализ правоприменительной практики, выявление правовых пробелов и формулирование предложений по совершенствованию законодательства. Представляемая к защите диссертационная работа направлена на восполнение данного пробела посредством комплексного изучения актуальных проблем правового регулирования и практики применения института представительства.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении теоретических и практических проблем правового регулирования представительства в суде по поручению, проведении сравнительно-правового анализа правового положения судебного представителя по законодательству Республики Казахстан и зарубежных стран, а также в разработке научно обоснованных теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на совершенствование правового регулирования института представительства по поручению в гражданском процессуальном праве.

Достижению поставленной цели способствовали постановка и решение конкретных задач:

- изучить теоретико-правовые основы представительства по поручению как вида судебного представительства путем раскрытия его сущности, правовой природы, а также характеристики института представительства в суде с позиции теории гражданского процессуального права и сформулировать его определение;
- определить понятие «юридическая помощь», руководствуясь критериями, которым должна соответствовать деятельность субъектов, перечисленных в статье 20 Закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи»;
- исследовать специфику профессионализации судебного представительства по поручению и выявить критерии качества юридической помощи, которые соответствовали бы квалифицированности представителя в суде, дать определение понятию «квалифицированная юридическая помощь»;
- выполнить сравнительно-правовой обзор классификации судебных представителей по законодательству зарубежных стран для выявления общих тенденций и особенностей правового регулирования в различных юрисдикциях

с целью определения возможных направлений совершенствования национального законодательства;

- выявить проблемы недостаточной эффективности контроля над деятельностью юридических консультантов и разработать научно обоснованные предложения и рекомендации по оптимизации деятельности палат юридических консультантов;

- разработать рекомендации по внедрению технологии блокчейн в систему судебного представительства по гражданским делам, направленные на обеспечение прозрачности и повышение качества юридической помощи, оказываемой адвокатами и юридическими консультантами.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в области правового регулирования представительства по поручению в гражданском процессуальном праве.

Предметом является анализ правового положения судебного представителя по поручению по гражданско-процессуальному законодательству Республики Казахстан, опыта зарубежных стран, а также научных концепций, доктринальных подходов и теоретических положений, практических материалов, связанных с правоотношениями, возникающими в процессе осуществления представительства по поручению в гражданском судопроизводстве.

Методы, использованные в диссертационном исследовании. В работе применялись следующие методы исследования: для изучения уникальных характеристик и взаимосвязей различных аспектов исследуемого правового феномена применяются методы анализа и синтеза; для прослеживания эволюции института судебного представительства в рамках гражданского процесса, учитывая его историческое развитие, используется историко-правовой подход; формально-юридический метод необходим для определения терминологии и обеспечения точности в использовании юридической концептуальной системы в ходе исследования; сравнительно-правовой метод используется для сопоставления правовых норм и практики представительства в Республике Казахстан с международными стандартами и практикой других государств; статистический метод применяется с целью определения количества профессиональных субъектов, допускаемых к судебному представительству по поручению в соответствии с гражданским процессуальным законодательством; для оценки и интерпретации собранных данных, а также формирования обоснованных выводов и рекомендаций по совершенствованию института представительства использован аналитический метод.

Использование указанных методов позволило всесторонне исследовать вопросы, поставленные в диссертации, достичь цели и поставленных задач исследования, а также предложить пути развития института представительства в гражданском процессе Республики Казахстан.

Теоретическая основа диссертационного исследования. Судебное представительство является институтом самостоятельной отрасли права – гражданского процессуального права, и, как любое иное правовое явление,

имеет свою долю проблемных вопросов и пробелов, рассмотрение и доктринальное толкование которых предпринималось многими учеными, занимавшимися исследованиями в этой области на разных этапах развития науки.

Основные доктринальные положения о судебном представительстве, включая отдельные его аспекты, были разработаны в трудах следующих исследователей: З.Х. Баймолдиной, С.А. Акимбековой, М.Ж. Бектурганова, М.В. Богомолова, Л.К. Суюндикиной, А.А. Маслова, Ю.И. Соловьевой, Г.Е. Агеевой, А.В. Кокина, В.В. Момотова, Т. Нурсеитовой, А.О. Скакова, С. Деханова, Р.Р. Султанова, В.С. Лисневского, Е.Г. Тарло, Г.Т. Талаповой, С. Якушкина, З.А. Газдиевой, С.А. Халатова, Э.С. Алояна, Н.В. Ласкиной, А. Бакебаева, А.Н. Верещагина, А.А. Бердиевой, И.С. Токматова, А.Б. Сактагановой, Е.Б. Абдрасулова, Г.С. Рысжановой, А.Х. Крауста, Дж.А. Крука, С.Т. Лаурел, Т. Кирби, Л. Ригертаса и многих других.

Каждый ученый-правовед представлял собственную точку зрения на конкретную проблему или правовое явление, в ответ приводилось достаточное количество иных точек зрения и аргументов как в поддержку, так и в опровержение.

С момента принятия Закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» и внесения изменений в другие нормативно-правовые акты, вопросы представительства стали чаще подниматься в юридическом сообществе. Текущему положению дел каждый исследователь придавал индивидуальное значение, в связи с чем проводилось множество семинаров, круглых столов, научных конференций и встреч правоведов-теоретиков и юристов-практиков. Периодически публикуется большое количество научных работ, посвященных изучению состояния института судебного представительства.

В целом следует отметить, что в большинстве научных исследований внимание акцентируется на отдельных элементах судебного представительства: к какой группе субъектов гражданских процессуальных правоотношений следует относить судебных представителей, каков объем передаваемых полномочий представителю, моменты возникновения и прекращения правоотношений между субъектами судебного представительства. В связи с этим выражается мнение, что указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего дополнения и углубления научной разработки избранной темы.

Эмпирическая основа диссертационного исследования сформирована на основе нормативно-правовых актов, в той или иной мере регламентирующих общественные отношения, связанные с осуществлением судебного представительства, судебных решений и статистических данных.

Нормативную базу диссертационного исследования составили Конституция Республики Казахстан, принятая 30 августа 1995 года; Конституционный закон Республики Казахстан «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан» от 5 ноября 2022 года №154-VII ЗРК; Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года; Гражданский

процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года №377-V; Трудовой кодекс Республики Казахстан» от 23 ноября 2015 года №414-V ЗРК; Закон Республики Казахстан от 5 июля 2018 года №176-VI «Об адвокатской деятельности и юридической помощи»; Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» и др.

Научная новизна диссертационного исследования. Научная новизна состоит в том, что впервые осуществляется комплексное межсистемное изучение как теоретических, так и практических проблем правового регулирования представительства по поручению в гражданском процессуальном праве Республики Казахстан. Это позволяет систематизировать и критически переосмыслить существующий массив доктринальных подходов, судебной практики и нормативных актов, тем самым выявляя глубинные противоречия и существенные пробелы в регламентировании данного института.

В рамках проведенной работы сформулированы предложения и рекомендации, направленные на оптимизацию законодательных норм в части судебного представительства по поручению, поскольку именно эти аспекты требуют дополнительных разъяснений и уточнений. Предлагаемые меры ориентированы на достижение более высокого уровня юридической определенности и повышения эффективности судебных процедур. Таким образом, полученные результаты могут служить основой для дальнейшего совершенствования законодательной базы и судебной практики в области гражданского процесса.

На защиту вынесены следующие основные положения:

1. В связи с отсутствием в теории гражданского процессуального права определения понятия «представительства в суде по поручению» предлагается следующее авторское определение: «Представительство в суде по поручению – это вид судебного представительства, возникающий на основании норм гражданского процессуального права и подтверждаемый доверенностью либо иным предусмотренным законом документом, в рамках которого уполномоченное лицо (представитель) оказывает квалифицированную и иную юридическую помощь, обеспечивая защиту прав и интересов доверителя на всех стадиях гражданского процесса».

2. В Законе Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» имеется противоречие в определении «юридическая помощь» с субъектным составом лиц, оказывающих такую помощь. Так, исходя из подпункта 3) статьи 1 названного Закона, под юридической помощью понимается деятельность, направленная на получение квалифицированной юридической помощи. Однако, в статье 20 этого же Закона перечислены субъекты, в том числе государственные органы, нотариусы, частные судебные исполнители и физические лица, не входящие в некоммерческие организации с обязательным членством, оказывающие юридическую помощь, которая не относится к квалифицированной юридической помощи, установленной в пункте 3 статьи 13 Конституции Республики Казахстан. Данное несоответствие

обуславливает необходимость корректировки определения понятия «юридическая помощь» следующим образом:

«3) юридическая помощь – деятельность, осуществляемая субъектами, наделенными законом функциями правового информирования, консультирования и совершения иных правовых действий, направленная на защиту прав, свобод и законных интересов физических лиц и организаций.»

3. Предлагается установить в Законе Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» дефиницию «квалифицированной юридической помощи». В связи с этим считаем необходимым дополнить понятийный аппарат статьи 1 пунктом 3-1) в следующей редакции:

«3-1) квалифицированная юридическая помощь – профессиональная деятельность, направленная на реализацию права, гарантированного пунктом 3 статьи 13 Конституции Республики Казахстан, на получение квалифицированной юридической помощи в порядке, предусмотренном настоящим Законом и иными законами Республики Казахстан.»

4. Учитывая, что правоприменительная деятельность кассационной инстанции и Верховного Суда Республики Казахстан формирует судебную практику и оказывает значительное влияние на правовые позиции судов первой и апелляционной инстанций, участие в таких процессах требует высокого уровня профессиональной подготовки не только от судей, но и от судебных представителей. С учетом этого, а также зарубежного опыта (Франции, Бельгии, Исландии, Грузии, Австралии, Люксембурга, Таиланда, Пакистана и др.) целесообразно законодательно установить, что представление интересов в судах кассационной инстанции и Верховного Суда Республики Казахстан осуществляется исключительно адвокатами.

Для этого предлагается внести изменения в подпункт 2) части 3 статьи 57 ГПК Республики Казахстан: «Представителями лиц, указанных в частях первой и второй настоящей статьи, являются:

2) в судах кассационной инстанции и Верховном Суде Республики Казахстан, лица, указанные в подпункте 1) части первой статьи 58 настоящего Кодекса.»

5. Считаем целесообразным создать систему единой координации деятельности юридических консультантов, учредив Республиканскую палату юридических консультантов. На данный момент, ввиду добровольности вступления в Республиканскую коллегию юридических консультантов, не все палаты стали ее членами, что противоречит функциям данной организации, в том числе координации деятельности палат.

В связи с изложенным, предлагается:

- изменить наименование статьи 78-1 Закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи»: «Республиканская коллегия юридических консультантов» на «Республиканская палата юридических консультантов»;

- изложить пункт 1 статьи 78-1 в следующей редакции: «Республиканская палата юридических консультантов – некоммерческая организация, основанная

на обязательном членстве палат юридических консультантов областей, городов республиканского значения и столицы, ...».

Кроме того, учитывая, что множественность палат затрудняет контроль за их деятельностью, включая ведение единого Реестра юридических консультантов, предлагается сократить количество палат юридических консультантов до одной на каждую область, город республиканского значения, столицу. В связи с чем, по аналогии с коллегиями адвокатов, считаем целесообразным дополнить статью 78 пунктом 3 следующего содержания:

«На территории области, города республиканского значения, столицы образуется и действует одна палата юридических консультантов, которая не вправе создавать свои структурные подразделения (филиалы и представительства) на территории другой области, города республиканского значения, столицы.».

6. В современных условиях цифровизации для улучшения качества оказания квалифицированной юридической помощи, соблюдая профессиональную тайну, целесообразно внедрить технологию блокчейн, который будет реализован через специализированную платформу в сфере деятельности адвокатов и юридических консультантов. Данная платформа позволит обмениваться информацией с другими автоматизированными системами, включая базы судебных решений, исковых заявлений, обобщений и анализа судебной практики, используя криптографические методы шифрования для повышения уровня безопасности и надежного хранения сведений. Взаимодействие различных участников системы ускорит доступ к необходимой информации и оптимизирует процесс оказания юридической помощи.

Использование технологии блокчейн могло бы способствовать ведению реестров адвокатов и юридических консультантов, а также проведению аттестации адвокатов и юридических консультантов, обеспечивая прозрачность этого процесса.

Применение частного блокчейна предоставит возможность заключать смарт-контракты между доверителем и представителем, ускорить обмен и подписание документов, контролировать исполнение сторонами своих обязанностей, совершать прозрачные транзакции, которые проверяются и подтверждаются участниками сети с помощью электронных цифровых подписей.

Теоретическая и практическая значимость. Диссертация обладает теоретической и практической значимостью и вносит свой вклад в дальнейшее развитие доктрины гражданского процессуального права. Полученные результаты исследования, рекомендации, выводы и предложения могут быть использованы: в законотворческой деятельности для совершенствования действующего законодательства в области судебного представительства по поручению; в практической деятельности коллегий адвокатов, юридических консультантов и иных представителей по поручению в гражданском процессе; в учебном процессе при разработке и преподавании дисциплин данного правового цикла.

Имеются акты о внедрении результатов диссертации в учебный процесс дисциплин правового цикла при НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова» (Приложение 1), а также в практическую деятельность Карагандинской областной коллегии адвокатов (Приложение 2).

Апробация практических результатов исследования. Основные положения и заключения диссертационной работы получили освещение в 8 научных статьях, опубликованных в период обучения в докторантуре и на каждом этапе выполнения диссертационной работы. Из них: 1 статья опубликована в рецензируемом издании, входящем в базу Scopus, 4 статьи – в изданиях, рекомендованных Комитетом по обеспечению качества в сфере образования и науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан для публикации основных результатов научной деятельности, 3 статьи – в сборниках материалов международных научно-практических конференций.

Диссертационная работа выполнена в рамках грантового проекта, финансируемого из государственного бюджета, AP19679658 «Правовое регулирование применения технологии блокчейн в Республике Казахстан: теория и практика», предоставленного Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан на грантовое финансирование по научным и (или) научно-техническим проектам на 2023-2025 годы.

Диссертационная работа выполнена на кафедре гражданского и трудового права НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова». Результаты исследования докладывались на научно-теоретических семинарах и заседаниях данной кафедры.

Структура и объем исследования. Диссертационная работа состоит из введения, трех основных глав, каждая из которых содержит по три параграфа. Работа завершается заключением, списком использованной литературы и приложениями.

1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СУДЕ КАК ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

1.1 Институт представительства в суде: исторический аспект

В контексте значимости комплексного регулирования оказания юридической помощи в гражданском судопроизводстве необходимо тщательно исследовать истоки возникновения данного института, определить социальную, политическую, экономическую и правовую миссию с момента его законодательного утверждения.

Изначальной формой охраны прав являлась самозащита, когда человек самостоятельно осуществлял свою защиту, применяя к нарушителю меры принуждения. С постепенным развитием общества появились предпосылки для делегирования функции защиты своих прав иным лицам, представлявшим интересы правообладателя. Именно в этом контексте особое значение приобретает римское право, ставшее важным этапом в формировании правовой системы и, в частности, института судебного представительства.

Юридическая профессия в Древнем Риме возникла из жреческой касты. Римские государственные жрецы (понтифики) занимались разработкой, применением и толкованием сначала религиозного, а затем и светского права [16, с.5]. Благородство и бескорыстная преданность жрецов общественному благу обеспечили им уважение, что повлияло на становление юридической профессии как аристократического и почетного занятия с высокими профессиональными стандартами. Деятельность в этой сфере была доступна патриотичным и финансово независимым лицам, чьи достижения в обществе обогатили их практическими знаниями и способствовали развитию профессиональной компетентности.

В научной среде существует много споров о наличии у понтификов судебной власти [17, с.19], но неоспоримо, что именно они основоположники института представительства, поскольку их консультирование по правовым вопросам и разъяснения, как следует действовать, привели к тому, что их стали называть юридическими консультантами. Понтифики, будучи высшей кастой коллегии жрецов, обладали исключительным правом толковать Законы двенадцати таблиц и составлять судебные иски. Несмотря на четкую регламентацию исков, их составление представляло серьезную трудность для простых граждан, что порождало зависимость последних от государственных жрецов и заставляло обращаться к ним за юридической поддержкой.

По преданию, Гней Флавий, служивший писцом и ассистентом цензора в 304 году до н.э., сыграл заметную роль в искоренении монополии понтификов, когда украл и опубликовал их конфиденциальные документы, включая сборник формул судебных исков и календарь, содержащий дни судебных заседаний [18, с.205]. Это событие положило конец монополии в Риме, открыв юридическую деятельность для более широкого круга лиц, однако она по-прежнему

оставалась прерогативой аристократии из-за отсутствия вознаграждения за юридическую помощь [19, с.90].

Цицерон выделял четыре основные формы деятельности юристов: *agere* (предоставление рекомендаций по подаче исков и ведению судебных процессов, не являющееся судебным представительством в современном понимании); *cavere* (создание формул для различных правовых актов); *respondere* (предоставление ответов на юридические вопросы); *scribere* (написание ходатайств, заявлений и других документов) [20, с.135].

Как можно заметить, среди перечисленных отсутствует функция, которая представляет интерес темы исследования – представление лица в суде. Данное обстоятельство объясняется тем, что в римском праве долгое время не существовало института судебного представительства, что означало необходимость для сторон самостоятельно защищать интересы в процессе. Гай и Юстиниан указывали на правило «*Nemo alieno nomine lege agere potest*», подразумевавшее, что «никто не может обуславливать права для другого ни путем соглашения, ни путем стипуляции» [21, с.74].

Препятствия личного характера, такие как болезнь или старость, не освобождали от обязанности лично участвовать в судебном разбирательстве. Об этом же писал С. Муромцев: понятие замещения в суде не было распространено до поздних лет Республики. В Институтах Юстиниана упоминаются исключения, позволяющие действовать от чужого имени, но они не считались полноценным замещением. Например, опекун или куратор защищали свои интересы и власть над имуществом подопечного, виндекс выражал интересы семьи, а магистрат защищал государственные интересы, что не являлось замещением в современном понимании [22, с.76].

С течением времени, в связи со стремительным увеличением территории Рима и развитием гражданского оборота, правило, запрещающее представительство в суде, стало неудобным для участников процесса, особенно для тех, кто проживал далеко от места осуществления правосудия. Это потребовало пересмотра правила «*Nemo alieno nomine lege agere potest*» и привело к созданию института судебного представительства.

Квинт Асконий Педиан четко разграничивает представителей в судебном процессе: патроном (оратором) (*patronus, orator*) именуется тот, кто представляет интересы другого в суде; адвокатом (*advocatus*) является лицо, предоставляющее юридические консультации (*jus suggerit*), и одновременно воспринимающееся как друг, оказывающий поддержку (*praesentiam commodat amico*); поверенным – лицо, непосредственно ведущее процесс; когнитором – тот, кто берет на себя ответственность за дело и отстаивает его как свое собственное. Кроме перечисленных субъектов действовали также хвалители (*laudatores*), подобные греческим параклетам, которые высказывали заслуги ответчика; напоминатели (*monitores*), которые подсказывали оратору или участвовали в прениях; замедлители (*moratores*), помогавшие оратору отдохнуть, выступая вместо него; законники – юристы низшего уровня (*leguleii sive formulares*), занимавшиеся техническими аспектами права [22, с.48]. Среди названных представителей наибольшее сходство наблюдается между

патронами, адвокатами и когниторами, возникновение и деятельность которых как профессий будут рассмотрены ниже.

Считается, что римская адвокатура произошла из патроната (ораторства), института, который, по мнению исследователей, существует столь давно, что его происхождение невозможно точно установить, подобно происхождению самого Рима. Другие авторы рассматривают патронат как институт, который возник у арийцев еще до их миграции в Центральную Азию, то есть являющийся еще более древним, чем сам Рим.

Отношения между патронами и доверителями, по мнению Дионисия Галикарнасского, основывались на семейных узах [23, с.37]: выбирая патрона, из числа патрициев, доверитель становился частью его рода, участвовал в обрядах и использовал его родовое имя. Эта связь считалась настолько священной, что даже превосходила кровное родство. Доверители и патроны не имели права судиться друг с другом или давать показания против друг друга. При этом именно на доверителя возлагался расширенный круг обязанностей: он оказывал помощь в погашении долгов патрона, при необходимости – оплачивал выкуп из плена, участвовал в обеспечении приданого для его дочерей. В свою очередь, патрон оказывал юридическое сопровождение своего доверителя, в том числе занимался представительством в суде. Подобного рода взаимоотношения были вечными и передавались по наследству [22, с.42]. Однако с развитием общества патронат начал терять свою значимость: расширение границ и рост численности населения сделали этот институт непрактичным, что способствовало появлению свободной адвокатуры.

Э. Мецгер указывает, что в период Римской Республики *patroni* были известны своим богатством и властью, но со временем их статус изменился на *advocatio*, что отражало их новую, менее престижную роль, связанную с защитой интересов [24, с.9].

Исследование истории зарождения и существования этих юридических профессий показывает, что, несмотря на отождествление во многих источниках понятий *advocatus* и *patronus*, существует и точка зрения, что эти роли не были равнозначными.

По мнению Е.В. Васьковского, до конца Республики защитники в суде именовались патронами (*patroni causarum*), в то время как адвокаты (*advocatio*) представляли собой отдельную категорию. Слияние этих двух понятий произошло в эпоху Империи [22, с.47].

Патроны практиковались на риторике и, обладая минимальными юридическими знаниями, обращались за правовыми сведениями к юрисконсультам, которые сами почти не выступали в судах [16, с.14].

Грелле-Дюмазо утверждает, что после публикации Законов двенадцати таблиц, для судебной защиты стала актуальной поддержка *advocatio* – родственников и друзей стороны, которые сопровождали ее в суд для совета или моральной поддержки [22, с.44]. Было важно прийти с максимальным числом сторонников, что демонстрировало суду хорошую репутацию участника судопроизводства, особенно ответчика, и создавало впечатление его благонадежности.

С течением времени понятие «advocatio» приобрело широкий смысл, охватывая лиц, предоставляющих разнообразную поддержку в ходе судебного разбирательства. Это включало в себя деятельность, связанную с подготовкой документации, формированием стратегии защиты, и проведением консультаций с патронами [25].

В противовес версии о различности адвоката и патрона существует аргумент, который подтверждает элемент их схожести – они редко обладали глубокими знаниями в области права, но, благодаря своему красноречию, успешно выигрывали дела. Данное сходство заслуживает внимания, поскольку в роли представителя в суде мог выступать друг, не обладающий юридическими знаниями. Такие «акробаты красноречия», как их окрестил Квинтилиан, сами обращались за советами к юрисконсультам, чтобы разобраться в правовых аспектах дел, в которых они принимали участие в качестве представителей [16, с.14].

Что касается когниторов (cognitor) и прокураторов (procurator), то их также можно спутать с адвокатами, однако между ними имеется различие. Когнитор назначался в присутствии противоположной стороны с формулировкой: «quod ego tecum agere volo, в eam Titium tibi cognitorem do» – «поскольку я хочу судиться с вами, я назначаю Тициуса когнитором для этой цели» [18, с.206] либо через *mandatum* [26, с.140], который давал им полномочия действовать от имени доверителей в суде и заключать сделки. В свою очередь адвокаты, оказывая в судопроизводстве помощь стороне, сами не принимали за нее решений, и не получали вознаграждение, в отличие от когниторов, которые могли получать доход от своей деятельности. Предназначение прокураторов заключалось в защите казны и интересов отсутствующего лица в суде.

Исторические данные не подтверждают, что в республиканский период *cognitores* или *procuratores* существовали одновременно с адвокатами. Считается, что когниторы возникли в Республике (509-27 гг. до н.э.), когда появилась возможность передачи прав и обязанностей другому лицу, в то время как адвокаты были известны еще в период Царства (753-509 гг. до н.э.), когда римское право только начало формироваться на основе традиций и религии.

В высших кругах римского общества получение оплаты за юридическую помощь считалось недостойным, и могло навредить статусу аристократов, которые ее оказывали. Их помощь рассматривалась как выражение дружбы, уважения и чести, а не средство заработка, что отражалось в правиле «*turpe reus empti miseris defendere lingua*», что означает «позорно защищать несчастных заключенных за деньги». Цицерон также подчеркивал, что принимать поручение с целью получения вознаграждения за участие в судебном разбирательстве столь же позорно, как и кража. Иными словами, представительство по поручению воспринималось как проявление добрососедства или гражданственности, что особо ценилось в Древнем Риме.

Тем не менее, по мере преобразования Рима из простой общины в могущественную империю, юридическая профессия требовала все больше времени, усилий и профессиональных знаний, вследствие чего утратила

исключительно аристократический характер, становясь доступной для тех, кто нуждался в материальном вознаграждении за оказанную помощь.

В 203 году до н.э. был принят *lex Cincia*, запрещавший адвокатам брать плату за судебное представительство, однако на практике запрет часто нарушался из-за отсутствия санкций, а вознаграждение могло быть предложено как подарок. Это привело к определению различия между вознаграждением за юридическую помощь (*merces*) и благодарностью (*honor*), которая считалась приемлемой и не унижала представителей юридической касты.

Впоследствии император Август ввел штраф в размере четверти гонорара за нарушение запрета на его получение. Однако в императорский период этот запрет был отменен, и установлен лимит вознаграждения в размере 100 золотых или 10 000 сестерциев [18, с.209]. Исключения составляли случаи, когда представитель нес убытки, исполняя обязательства, и мог требовать возмещения от доверителя. Таким образом, взимание гонораров, изначально считавшееся неприемлемым, со временем стало распространенным.

К концу II века до н.э. римское право и судебная процедура усложнились, требуя высокой квалификации и знаний для оказания юридической помощи в судебном разбирательстве. Профессиональные консультации стали необходимы, особенно когда в состязательном споре мастерство одного представителя сталкивалось с навыками другого. В результате, судебные ораторы, не обладавшие юридическими знаниями, не могли выступать в качестве представителей.

В древнеримском обществе не существовало юридического образования, и юридические знания передавались путем наблюдения и практики. Лица, заинтересованные в профессиональной деятельности, могли учиться решать реальные правовые ситуации, участвуя в публичных консультациях, на которых давались ответы на сложные вопросы профессионалами в области права. Позднее, в эпоху заката Римской Республики, когда базовое юридическое образование стало обязательным, обучающиеся обращались за дополнительными знаниями к уважаемым практикам, часто близких семье, поскольку профессионалы неохотно делились опытом с потенциальными соперниками.

Стремящиеся к практике не только посещали консультации, но и проживали в домах своих наставников, регулярно сопровождая их на Форум, где наблюдали за их деятельностью в различных ролях: от юрисконсультов до советников в судебных процессах [27]. Такой подход позволял им погрузиться в атмосферу римского права и усвоить его принципы на практике.

Процесс вступления в коллегия, или «знакомство с Форумом», как выражались римляне, был значимым ритуалом. Кандидаты меняли детскую одежду на мужскую (*toga virilis*), и после официального представления знатными поручителями начинали свою карьеру в судах, тем самым получая статус адвоката [16, с.20].

Вместе с тем, римское право, преодолев шесть стадий своего становления, не смогло выработать четких инструментов для регулирования отношений, формируемых между представителями и представляемыми, что объясняется

историческими изменениями в праве, эволюционировавшем от простой неписаной до сложной кодифицированной правовой системы.

На сегодняшний день римское право не имеет прямого практического применения, но сохраняет огромное академическое значение. Являясь основополагающим элементом методологии современного юридического образования, римское право помогает понять фундаментальные правовые конструкции и принципы, обогащает юридический язык, и формирует общее правовое мировоззрение.

Исторически признано, что средневековая Европа унаследовала правовые традиции Рима через рецепцию законов, что сыграло важную роль в формировании правовых систем государств, особенно Италии, Франции и Германии. Впоследствии эти традиции, опосредованно через российское законодательство, оказали влияние на правовую систему Казахстана.

Развитие исследуемого правового института в Казахстане тесно связано с историей судебного представительства в России, где первые упоминания о судебных представителях встречаются в законодательных актах XV века, таких как Новгородская и Псковская судные грамоты [28, с.25]. Эти документы содержат нормы, которые позволяли сторонам в судебном процессе привлекать представителей для защиты своих интересов в суде, что явилось важным этапом в становлении института судебного представительства. Впоследствии меры по урегулированию деятельности судебных представителей были предприняты различными указами, в том числе Петра I и Екатерины II, но должного результата в практическом применении они не дали [28, с.25; 29, с.207]. Несмотря на важность этих шагов, их практическое применение оставалось ограниченным, и полноценная система института судебного представительства в российском законодательстве сформировалась только в XIX веке, что отражает сложность и длительность формирования данного института.

В Российской империи история судебного представительства начинается с судебной реформы 1864 года, заложившей основы состязательности и институт присяжных поверенных, для которых было обязательным высшее юридическое образование и пятилетний стаж работы. Декретом ВЦИК от 24 ноября 1917 года имперская судебная система и упомянутый институт были упразднены [30, с.44-48]. В дальнейшем, Инструкцией о революционном трибунале от 19 декабря 1917 года была образована коллегия правозаступников, в которую могли вступать лица с рекомендациями Совета депутатов.

Декретом ВЦИК №2 от 7 марта 1918 года были приняты меры по профессионализации представительства, включая запрет на судебное представительство для тех, кто не состоял в коллегиях адвокатов, и требование о включении в колледию только лиц, избранных Советами [28, с.26-27]. Такая практика привела к усилению подчиненности представителей коллегий местным органам власти, особенно после Декрета ВЦИК от 30 ноября 1918 года, который признал членов коллегий должностными лицами с правом на денежное содержание, равное окладу народных судей [31, с.107].

В 1920 году на Всероссийском съезде деятелей советской юстиции создание коллегий признано неоправданным, что привело к их ликвидации и установлению, что представителями по гражданским делам могут быть юрисконсульты или уполномоченные представители советских учреждений [232].

На IX Всероссийском съезде Советов в мае 1922 года было принято решение о создании новой судебной системы и прокуратуры, что в свою очередь потребовало создание профессиональной адвокатуры. В связи с этим утверждено Положение об адвокатуре, сделавшее ее подконтрольной государству [33, с.49].

В продолжение развития института судебного представительства Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 года закрепил, что участники судебного процесса могут представлять свои интересы самостоятельно или через представителей: субъектов, входящих в состав коллегии защитников, уполномоченных от профессиональных союзов, руководителей и сотрудников организаций, действующих от имени своих коллективов. Также допуск к представительству имели лица, получившие разрешение от суда на участие в конкретном деле [34].

Интерес к статусу адвоката быстро возрастал, что привело к введению в 1938 году лимита на количество юристов в коллегиях. Данное ограничение способствовало нехватке судебных представителей, особенно в отдаленных районах, ухудшению доступности юридической помощи, снижению конкуренции среди адвокатов, и усилению зависимости адвокатуры от государственных органов, которые устанавливали лимиты. В связи с этим в 1939 году постановлением СНК СССР принято новое Положение об адвокатуре, снявшее ограничение по численности адвокатов [27]. Положением также устанавливалось, что для вступления в адвокатскую деятельность допускались кандидаты с опытом работы на должностях судей, прокуроров, следователей или юрисконсультов не менее 3 лет, выпускники юридических школ с практическим опытом работы – 1 год, а также лица с высшим юридическим образованием [35].

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 года расширил перечень лиц, допускающихся в качестве представителей, и предусмотрел, что представителями в суде могут быть адвокаты, сотрудники государственных, колхозных и иных кооперативных организаций, представители профессиональных союзов, уполномоченные от организаций, один из соучастников, действующий от имени остальных, а также лица, получившие разрешение суда на участие в конкретном деле [36].

Анализируя положения ГПК РСФСР 1923 года и 1964 года, следует отметить, что оба нормативно-правовых акта содержат субъектный состав, который указывает, кто не мог быть представителями в суде, а именно, лица, являющиеся несовершеннолетними; находящиеся под опекой; адвокаты, исключенные из коллегии; судьи; следователи; прокуроры [34; 36]. Наряду с этим, ГПК РСФСР 1964 года дополнен положениями, согласно которым представителями в суде не могут быть лица, находящиеся под

попечительством, а также лица, ограниченные в правах по судебному приговору [36].

Изучение истории судебного представительства России является важным этапом проведенного диссертационного исследования, так как способствует углубленному пониманию степени влияния российского опыта на развитие судебного представительства в Казахстане, учитывая тесные исторические, культурные и политические связи, а также принадлежность обеих стран в период советской власти к единой правовой системе.

Переходя к анализу судебного представительства в Республике Казахстан, следует отметить, что исторически, традиция судебного представительства в Казахстане берет свое начало от судов биев, которые играли ключевую роль в разрешении конфликтов и защите справедливости, и олицетворяли судебную власть. Рассмотрение их деятельности позволяет восстановить реальную картину общественных отношений, глубже понять механизм и систему обычного права казахов, а также его значение в жизни общества, особенно в контексте социально-классовых отношений. Следует подчеркнуть, что обычное право казахов до 1917 года, несмотря на проникновение норм имперского законодательства, оставалось важнейшим источником права [37, с.3].

Как отмечают отечественные ученые-правоведы (Н.С. Ахметова [37], С.З. Зиманов [38], З.Ж. Кенжалиев [39]), суд казахов функционировал скорее как институт примирения, чем как институт правоприменения. Би был законодателем, знатоком источников, правил и процедур обычного права, оратором, а главное – его воспринимали как убежденного моралиста и преданного принципу справедливости.

Исследователи сходятся во мнении, что понятия «би» и «оратор» на территории Великой степи были синонимичными [38, с.73]. Однако, если ораторы в римском праве ассоциировались с красноречием и формой речи, то в обычном казахском праве их выступления также имели доказательственную силу и глубокое содержательно-смысловое наполнение.

В судебной системе того времени бии могли занимать различные ступени – от бия небольшого аула или рода до биев, чья известность и авторитет охватывали жузы, улусы и всю территорию казахского государства [38, с.13]. Их безупречная репутация являлась необходимой и достаточной гарантией правосудия.

Согласно мнению С.З. Зиманова, только «избранный Богом» мог стать бием. Би-судьей мог стать лишь тот, кто воспринимал идеи справедливости как естественные нормы должного поведения, а не как навязанные установки извне. Чтобы реализовать принципы бийского судопроизводства, би-судья обязан был обладать целым набором приобретенных качеств, в том числе мудростью, красноречием, способностью к равному диалогу, знанием правовых обычаев, прецедентной судебной практики, норм, введенных ханами, включая своды законов «Қасым ханның қасқа жолы», «Есім ханың ескі жолы», «Жеті Жарғы» Тауке хана [38, с.6].

Заметив в сыне предрасположенность к подобному служению, родители развивали его речь, знакомили с обычным правом, приучали к ведению споров

и решению логических задач, помогая находить уникальные подходы к сложным ситуациям, типичным для судебной практики. Если родители не могли взять на себя эту роль, обязанности наставников выполняли старейшины аула, обладавшие широкими знаниями и жизненным опытом. Важным считалось и то, что юноша с ранних лет сопровождал известных биев по степи, перенимая их опыт и способы отправления правосудия [38, с.14-15], что напоминает систему, существовавшую в период римского права. После демонстрации качеств, необходимых для эффективного судопроизводства, претендент на высокопоставленный статус должен был пройти испытания и в последующем получить одобрение от опытных общественных учителей, отвечая на их «философские вопросы», и особое благословение (бата) у мудрых старцев. Это свидетельствует о том, что в казахском обществе титул «би» был не столько наследственным или жалуемым, сколько заслуженным почетным званием. Бии не назначались и не избирались. По крайней мере, так было до вмешательства русской колониальной администрации в XIX веке [40, с.59].

Традиционно бии воспринимаются как лица, осуществляющие правосудие, однако, их роль не ограничивалась исключительно этой функцией, и они нередко принимали участие в судебных разбирательствах и в качестве представителей.

С.З. Зиманов указывает, что каждая сторона при необходимости являлась на суд со своим бием, иногда и не одним, которые представляли интересы своего сородича. При этом защита одним из биев интересов и претензий своих одноаульцев и сородичей считалась обычным делом, которое не препятствовало его деятельности при вынесении решения с его же участием [38, с.76]. Также в качестве представителей сторон в суде биев могли участвовать старейшины рода, т.е. аксакалы, поверенное лицо, обладающее даром красноречия (шешен), авторитетные представители-однородцы.

Л. Баллюзак также упоминает биев в качестве представителей, указывая, что во время разбирательства необходимо привлекать посторонних – почетных лиц, нейтральных к спорящим, чтобы убедить их, как членов одной народной семьи «казах», избегать открытой конфронтации и, по возможности, идти навстречу друг другу.

В период легитимности обычного казахского права существовали две формы судопроизводства: первая – когда спор рассматривается по обращению истца к суду биев; вторая – когда би, принявший жалобу одной из сторон и выступающий в качестве ее представителя, является инициатором судебного разбирательства.

При рассмотрении дела, в котором задействовано несколько биев, выступающих от имени конфликтующих сторон, и когда судебное собрание проводится в формате «кенес» либо «съезда», бии-однородцы были обязаны совмещать роли судей и защитников. В таких заседаниях суд имел право удалить всех присутствующих и провести совещание за закрытыми дверями: «их высылают, а сами совещаются», – отмечается в источниках. Кроме того, существуют упоминания о случаях, когда каждая из конфликтующих сторон

приглашала равное число биев, а те, в свою очередь, коллективно выбирали одного из них в качестве старшего [41, с.81-84].

Перед рассмотрением спора и представлением доказательств бии традиционно стремились призвать стороны к мирному урегулированию конфликта. Основываясь на принципе прощения, они старались не затягивать рассмотрение дела и разрешить спор мирным путем, избегая проведения формальных заседательных процедур [42].

В ходе прений бии стороны истца, как правило, выступали в обвинительно-осуждающем ключе, а бии стороны ответчика – в защитном формате, призывая к справедливому решению и примирению, называемому «бітім» [41, с.83].

Таким образом, процесс суда биев можно условно разделить на несколько стадий: подготовительно-примирительный этап; исследование обстоятельств дела и доказательств (выступления сторон и свидетелей, а также прения самих биев); последующая оценка представленных доказательств и вынесение вердикта; завершение судебного процесса; заключительный обряд «ала жіп», символизирующий окончание тяжбы [43, с.120].

Царское правительство, начиная с XVIII века и до Октябрьской революции 1917 года, проводило политику полной колонизации Казахстана, отменяя ханскую власть и вводя новые колониальные системы управления и суда. Царская власть активно упраздняла суды биев, понимая их прочную позицию в общественном сознании казахов, заменяя их назначаемыми судами [37, с.5]. Тем не менее значение бийских судов было настолько велико, что судебно-административные реформы России не получали должного применения и воспринимались как чужеродные. В итоге, суд биев просуществовал вплоть до 1920 года [44, с.413].

В период установления советской власти, опираясь на марксистскую идеологию, бийские суды стали воспринимать как институты эксплуататорских классов, угнетающих народ, что в конечном итоге привело к ликвидации бийских судов. Однако обычное право казахов, несмотря на эти изменения, продолжало оставаться важной частью правовой истории и культуры страны.

В последующем, на территории Казахстана начался период значительных правовых изменений, в том числе создание Киргизской АССР, позже переименованной в Казахскую АССР, в составе РСФСР, что ознаменовало начало формирования советской правовой системы.

После преобразования в 1936 году Казахской АССР и получения статуса союзной республики в составе СССР, в 1937 году была принята первая Конституция Казахской ССР, в связи с чем утратила силу Конституция РСФСР 1925 года, утвержденная Постановлением ЦИКа Казахской АССР в 1926 году.

Принятие новой Конституции ознаменовало собой формирование основ национального законодательства, развитие которого в последующем строилось в русле союзной правовой системы, что отразилось, в частности, на содержании первого Гражданского процессуального кодекса Казахской ССР 1963 года, действовавшего до 1999 года, во многом повторившего положения ГПК РСФСР 1964 года, включая перечень лиц, допущенных к представительству, а также лиц, ограниченных в участии в таком статусе. Указанная редакция ГПК также

запрещала адвокатам, исключенным из коллегии, участвовать в качестве представителей в суде. Аналогично, к участию в деле не допускались лица, чье участие могло повлечь конфликт интересов [45].

После обретения независимости Казахстан начал формировать собственную систему правового регулирования, включая создание института адвокатуры. В результате, в августе 1993 года был основан Союз адвокатов РК, устав которого определял задачи, структуру, права и обязанности его членов [46, с.174].

5 декабря 1997 года в Республике Казахстан принят Закон «Об адвокатской деятельности», который стал ключевым этапом для казахстанской адвокатуры, закрепив особое положение адвокатов как единственных на тот момент профессиональных представителей в гражданском судопроизводстве. Закон утвердил адвокатскую деятельность в качестве профессиональной юридической помощи, целью которой является защита прав и интересов физических и юридических лиц, установил критерии для обретения статуса адвоката, формы организации адвокатской деятельности, ответственность за нарушение профессиональной этики и дисциплины, гарантировал независимость и неприкосновенность адвокатов [47].

Несмотря на начавшееся формирование в условиях независимости национальной системы юридических институтов, подход к регулированию судебного представительства значительно сохранял преемственность советской модели. Так, ГПК РК 1999 года предусматривал такой же субъектный состав судебных представителей [48], как и в Кодексе КазССР [45].

Принятие в 2014 году нового Гражданского процессуального кодекса стало важным этапом в развитии института судебного представительства, поскольку впервые закреплено требование об обязательном высшем образовании у представителя, допускаемого судом к участию в деле, что свидетельствует о законодательной ориентации на повышение качества юридической помощи в гражданском процессе.

Тенденция к усилению профессиональных требований к судебному представительству получила дальнейшее развитие 5 июля 2018 года, когда в процессуальное законодательство (пп.6) ч.1 ст.58 ГПК РК) внесены изменения, согласно которым допуск к участию в судебном процессе получили юридические консультанты, действующие в рамках Закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи».

Профильным законом не только обновлен субъектный состав профессиональных представителей, но и уточнены новые термины, включая понятие «юридическая помощь», охватывающее представительство в суде, правовое информирование, консультирование и т.д.

Другим значительным новшеством стало введение требования обязательного страхования профессиональной ответственности, что направлено на защиту интересов доверителей и повышение ответственности самих представителей. В случае ошибок или упущений со стороны представителя страхование обеспечивает компенсацию ущерба, что увеличивает степень защищенности граждан и юридических лиц. В то же время, предусмотрев в ст.36 и 77 Профильного закона запрет на оказание юридической помощи без

договора страхования профессиональной ответственности [7], законодатель не определил правовые последствия нарушения такого требования, в частности, влияние на действительность договора об оказании юридической помощи и юридическую состоятельность действий судебного представителя, совершенных в отсутствие договора страхования.

Кроме того, принятие Закона отразилось и на адвокатах путем упразднения вступительных взносов в коллегия, направленное на снижение входных барьеров для молодых специалистов и повышение доступности профессии для более широкого круга претендентов.

В качестве одного из ключевых нововведений следует отметить законодательное установление предельных сроков пребывания в органах управления коллегий адвокатов. Данная мера направлена на повышение прозрачности и подотчетности деятельности руководящих органов, способствует обновлению управленческих подходов, стимулирует приток новых идей и предотвращает концентрацию власти в руках отдельных лиц за счет ограничения возможности их длительного нахождения на руководящих должностях.

Важным шагом в сторону укрепления самоуправления адвокатуры является исключение представителей МЮ из состава дисциплинарных комиссий. Преимущество таких изменений заключается в усилении независимости адвокатской профессии, увеличении общественного контроля, обеспечении более объективного и справедливого подхода в решении дисциплинарных вопросов. В результате этого в комиссии по рассмотрению дисциплинарных производств входят шесть практикующих адвокатов, три председателя общественности, рекомендованные органами юстиции, а также два судьи в отставке. Заместителем председателя дисциплинарной комиссии при РКА выступает судья Верховного суда в отставке – фигура, символизирующая высокий уровень правовой экспертизы [49].

Как указывалось выше, законодательное признание юридических консультантов в качестве лиц, оказывающих квалифицированную юридическую помощь, стало фундаментальным этапом в развитии института судебного представительства. Вместе с тем, появление юридических консультантов вызвало разнообразную реакцию, что стало причиной активных дискуссий как в научных кругах, так и среди практиков.

Положительные оценки изменений в законодательстве в основном связаны с расширением доступа к получению юридической помощи, что способствует улучшению правовой поддержки лиц, нуждающихся в ней. В то же время критики данного подхода указывают на возможное нарушение единства юридической профессии, отмечая, что вместо того, чтобы объединяться в рамках организации с единым порядком регламентирования, создается квазиадвокатура, характеризующаяся недостаточной регламентированностью. Такой подход может привести к фрагментации профессии судебного представителя, что, в свою очередь, подрывает ее стабильность и эффективность.

Кроме того, определенную правовую неоднозначность создает отсутствие в Профильном законе регламентации других, перечисленных в ст.58 ГПК РК, представителей по поручению, тогда как такие лица, действуя от имени сторон в гражданском судопроизводстве, оказывают юридическую помощь, но их статус должным образом не регулируется. Представляется необходимым провести исследование этой категории представителей, так как оно позволит определить риски и проблемы, связанные с недостаточной правовой определенностью их статуса.

Таким образом, нормы Гражданского процессуального кодекса и Закона «Об адвокатской деятельности и юридической помощи», включающие положения, упорядочивающие деятельность судебных представителей, требуют детального анализа, который будет проведен в последующих разделах настоящего исследования.

В заключение следует отметить, что вектор современных реформ в сфере правовой регламентации судебного представительства в Республике Казахстан демонстрирует стремление обеспечить более гибкое и результативное регулирование взаимных обязательств участников судебных процедур, а также реализовать конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи. Последовательно осуществляемый процесс реформирования в этой области положительно влияет на дальнейшее развитие всей правовой системы Казахстана в части достижения эффективных результатов при осуществлении справедливого правосудия, но требует дополнительного законодательного урегулирования.

1.2 Понятие и сущность представительства в суде по поручению

Гражданское судопроизводство служит механизмом, предназначенным для разрешения правовых вопросов, возникающих в сфере гражданского, семейного, трудового, земельного и иных отраслей права.

Согласно ч.1 ст.57 ГПК РК, граждане могут представлять свои интересы в суде как лично, так и через представителей, при этом личное участие не исключает возможность привлечения представителя [6].

Для определенной категории граждан, к примеру, недееспособных, существуют законные представители. Юридические лица реализуют свои права и обязанности через руководителей, которые действуют на основании предоставленных законом полномочий. В то же время существование таких уполномоченных лиц не исключает возможности наделения соответствующими представительскими функциями других субъектов, обладающих правом участия в гражданском судопроизводстве.

В целях понимания правовой сущности института представительства в судебном процессе необходимо обратиться к его содержанию в гражданском праве, поскольку процессуальное представительство базируется на материально-правовых основаниях, связанных с делегированием полномочий, регулируемых нормами гражданского законодательства.

Как справедливо отмечает Д.Д. Голубцов, представитель одновременно выступает субъектом как материально-правовых отношений, регулируемых нормами гражданского, семейного и трудового права, так и процессуальных отношений, подпадающих под регулирование гражданского процессуального права. При этом именно материально-правовые аспекты представительства служат основанием для возникновения процессуально-представительских отношений [50, с.28].

Сходной позиции придерживается А.Г. Коваленко, подчеркивая, что представительство как отдельный институт права обладает двойственной правовой природой, сочетающей в себе материально-правовые и процессуально-правовые элементы [51, с.7].

Принцип делегирования полномочий, являющийся краеугольным элементом института представительства, получил широкое применение в сфере гражданского законодательства. Его сущность заключается в том, что одно лицо, действуя на основании предоставленных ему полномочий, осуществляет юридически значимые действия от имени и в интересах другого лица. Такая правовая связь, как правило, формируется на основании доверенности, нормативно-правового акта, административного распоряжения или судебного решения, устанавливающих пределы и содержание полномочий представителя.

В рамках гражданско-правового регулирования институт представительства обладает рядом устойчивых и характерных признаков:

1. представитель совершает юридически значимые действия от имени представляемого, порождая правовые последствия именно для последнего;
2. представитель не выходит за рамки полномочий, которыми его наделил представляемый;
3. результаты совершенных сделок отражаются в правовой сфере представляемого, не затрагивая права и обязанности самого представителя [52].

Таким образом, гражданско-правовое представительство представляет собой правовой механизм, основанный на доверии и передаче полномочий, обеспечивающий эффективное участие представляемого в гражданских правоотношениях через действия и волеизъявление иного лица. Эти базовые принципы и характеристики в дальнейшем служат основой для построения модели представительства в судебном процессе, где существуют свои процедурные особенности, однако сохраняется фундаментальная связь с материально-правовой природой института.

В контексте гражданского процессуального права представительство рассматривается как один из способов защиты прав и интересов граждан и организаций, обеспечиваемый за счет их взаимодействия с судебными органами. Указанный институт, известный как судебное представительство, играет ключевую роль в правовой сфере.

Несмотря на то, что ГПК РК содержит главу 6, посвященную непосредственно представительству, в процессуальном законодательстве отсутствует дефиниция данного понятия, что обуславливает изучение мнений, изложенных в научной литературе.

К.А. Масликова подчеркивает необходимость точного определения представительства, учитывая его сложность и многообразие терминологии в процессуальной науке [53, с.116].

Для полного понимания судебного представительства, его сущности и роли в гражданском процессуальном праве, ученые отмечают необходимость рассматривать его в нескольких аспектах: как вид процессуальной деятельности, как процессуальное правоотношение и как правовой институт.

При рассмотрении представительства в качестве процессуального действия следует отметить, что его суть заключается в выполнении представителем определенных действий на основе предоставленных ему полномочий.

С.О. Королева указывает, что определение судебного представительства через призму процессуальных действий подчеркивает его динамический характер и имеет важное практическое значение [54, с.23; 55, с.15].

Е.В. Салогубова определяет деятельность представителя в гражданском процессе как направленную на достижение наиболее благоприятного результата для представляемого, оказание ему содействия в реализации и защите своих прав, а также помощь суду в осуществлении правосудия по гражданским делам [56, с.456; 55, с.14].

А.Ф. Козлов выделяет судебное представительство как процессуальную деятельность правоспособных и дееспособных лиц, направленную на защиту прав и интересов участников судебного разбирательства [57, с.96; 58, с.81].

А.А. Добровольский, разделяя мнение А.Ф. Козлова, определяет представительство как процедуру, при которой одно лицо осуществляет судебные действия от имени другого [59, с.25].

О.В. Исаенкова указывает, что судебное представительство способствует защите прав и интересов лица и обеспечивает справедливое разбирательство путем совершения процессуальных действий от имени представляемого, которые влекут для него юридические последствия в рамках гражданского судопроизводства [60, с.106; 61, с.55].

М.К. Треушников, изучая судебное представительство, отмечает, что представитель активно участвует в судебных действиях, стремясь к положительному результату для клиента, обеспечивая защиту его прав, предотвращая возможные нарушения [62, с.190; 63, с.8]. Кроме того, автор также, как и Е.В. Салогубова, считает, что посредством судебного представительства оказывается помощь суду в осуществлении правосудия.

Однако подобные трактовки авторов не полностью раскрывают суть представительства и его системные взаимосвязи.

Исследователи, в частности С.Н. Абрамов [64, с.110], Я.А. Розенберг [65, с.13], Г.Л. Осокина [55, с.15], определяют судебное представительство в качестве процессуального правоотношения, формулируя дополнительные правовые аргументы и оценки.

Так, А.Х. Гольмстен считает, что в современной науке о праве и процессе отдается приоритет правам и обязанностям, а не действиям, которые являются их объектами. Автор указывает, что представитель вытесняет представляемого, действуя таким образом, чтобы последствия совершенных им действий

приписывались именно представляемому. При этом необходимо наличие правовой основы для подобного замещения в виде правоотношений [66, с.118; 55, с.15].

Традиционно считается, что в рамках процессуального представительства возникают два вида отношений: между представителем и представляемым, когда представитель обретает процессуальные полномочия, и между представителем и судом, когда представитель допускается к участию в процессе.

В.С. Лисневский в своих исследованиях отмечает, что представительство заключается во взаимодействии представителя с судом, при этом представитель выступает в защиту интересов представляемого, устанавливая связь между этими сторонами, но не предполагая отдельной связи между представителем и представляемым [67; 68; 69, с.204].

Р.М. Кублов убежден в целесообразности подразделения правовых отношений, связанных с представительством, на три типа:

1. отношения между представителем и представляемым, где первый получает и реализует полномочия;
2. отношения между представителем и судом, когда представитель выполняет возложенные на него процессуальные функции;
3. отношения между представляемым и судом, возникающие из совокупности внутренних и внешних правовых связей [70].

Вместе с тем, указанная выше градация отношений не исчерпывает всей сути правоотношений, возникающих в ходе процессуального представительства. Так, представитель, осуществляющий публичные функции в сфере оказания квалифицированной юридической помощи, несет ответственность не только перед доверителем, но и перед государством, которое контролирует реализацию данной конституционной гарантии в силу положения ст.13 Конституции РК [4], в результате чего формируется дополнительная связь.

Таким образом, понимание процессуального представительства как правоотношения позволяет рассмотреть разнообразные грани судебного представительства комплексно, исследовать права и обязанности его участников, а также определить статус представителя в процессе как субъекта, одновременно участвующего в публично-правовых и частно-правовых отношениях.

В научной литературе представительство в гражданском процессе рассматривается и как правовой институт.

В.М. Шерстюк, определяя судебное представительство в качестве правового института, указывает на совокупность процессуальных правовых норм, регулирующих отдельные аспекты однородных общественных отношений между судом и представителем, действующим в процессе от имени представляемого [71, с.16; 72, с.125; 55, с.16].

Известный казахстанский ученый-процессуалист З.Х. Баймолдина отмечает, что данный институт регулирует отношения между представителем и судом, а также между представляемым лицом и представителем, возникающие в ходе

рассмотрения дела, что придает судебному представительству характер самостоятельного правового института [73, с.195].

Н.С. Гречкин и А.Г. Коваленко придерживаются аналогичной позиции, дополнительно отмечая, что судебное представительство регулируется нормами, гарантирующими защиту прав и интересов представляемого и оказывающими помощь суду в администрировании правосудия [51, с.6].

В свою очередь, С.А. Халатов рассматривает судебное представительство как совокупность действий, правовых отношений и правового института [74, с.132]. Такое научное определение видится более правильным, так как способствует полному пониманию сущности процессуального представительства, позволяет всесторонне анализировать его содержание, выявлять сильные и слабые стороны. Этот подход способствует выработке точных критериев для практического применения, создавая основу для совершенствования законодательного регулирования данного института, оптимизации судебной практики, направленной на защиту интересов сторон в гражданском процессе.

Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что судебное представительство следует рассматривать как многоуровневое явление, включающее материальные и процессуальные аспекты. Представительство в суде не ограничивается только фактом участия представителя в судебном процессе, а охватывает более широкую систему правоотношений, в том числе между представляемым и представителем, представителем и судом, представляемым и судом, а также представителем и государством. При этом судебное представительство одновременно выступает как форма процессуальной деятельности, осуществляемой от имени и в интересах доверителя, так и правовой институт, обладающий собственными целями и механизмом правового регулирования.

В аспекте рассматриваемых вопросов для понимания сути судебного представительства, этот институт необходимо рассматривать через призму конституционной нормы, устанавливающей обязанность государства предоставить каждому квалифицированную юридическую помощь (ст.13 Конституции РК) [4].

Применительно к содержанию данной конституционной гарантии заслуживает внимания вопрос о значении употребляемого законодателем термина «каждый». Анализ норм Раздела II «Человек и гражданин» Конституции показывает, что используются следующие обозначения: «человек», «гражданин», «каждый», «иностранец», «лицо без гражданства», «лицо (ч.5 ст.12; ч.2 ст.16)», «все», «никто» [4]. При этом согласно разъяснению высшего конституционного органа в Нормативном постановлении Конституционного Совета РК от 4 июня 2021 года № 1 «под термином «каждый» понимаются только физические лица: граждане Республики Казахстан, иностранные граждане и лица без гражданства [75]. Таким образом, обозначенная норма не распространяется на юридических лиц, что указывает на наличие определенных ограничений в осуществлении конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи.

Исходя из разъяснений, содержащихся в Нормативном постановлении Конституционного Совета РК [75], сущность представительства выходит за рамки его формальной роли, поскольку оно способствует доступу к правосудию для физических и юридических лиц путем привлечения профессионального представителя, который помогает реализовать их процессуальные права, способствуя не только восстановлению справедливости в конкретной правовой ситуации, но и повышению эффективности судебной системы. Тем самым законодатель, на всех уровнях иерархии нормативных правовых актов, подтверждает важность участия представителя в судебных процессах, что согласуется с принципом диспозитивности и другими фундаментальными основами гражданского судопроизводства, включая равенство всех перед законом и судом, принцип состязательности и равноправие участников, где главная цель – обеспечение защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов. В этой связи представляется уместным обратиться к мнению Г.Т. Талаповой и С. Якушкина, которые указывают, что принципы гражданского процессуального права определяют построение процесса и методы достижения его целей. Авторы также соглашались с мнением М.К. Треушникова, согласно которому принципы гражданского процессуального права (процесса) пронизывают все гражданские процессуальные институты и определяют такое построение гражданского процесса, которое обеспечивает вынесение законных и обоснованных решений [76].

В научных исследованиях, посвященных судебному представительству, как правило, не разграничиваются причины, по которым граждане и юридические лица прибегают к помощи представителей, что объективно не имеет существенной научной значимости и не является определяющим фактором. Однако к таким причинам могут относиться различные обстоятельства: от объективных (например, болезнь, командировки, иных обстоятельств, исключающих личное присутствие в суде) до субъективных (прежде всего, отсутствие необходимых правовых знаний).

Несмотря на то, что суд обязан разъяснить участникам процесса их права и обязанности (ст.15 ГПК РК) [6], отсутствие у лица профессиональных правовых знаний и соответствующих навыков способно повлечь процессуальные упущения. В результате формальных ошибок и неправильного толкования правовых норм исход дела может оказаться неблагоприятным лишь по причинам, связанным с несовершенной процессуальной практикой стороны.

Как указывалось, в Институциях Юстиниана болезни, преклонный возраст, поездки и другие индивидуальные обстоятельства зачастую препятствуют самостоятельному ведению дел. Следовательно, возникает потребность в передаче процессуальных полномочий лицам, способным представлять интересы участников в суде [77, с. 282]. В связи с этим необходимо содействие профессионального субъекта, способного оказать требуемую квалифицированную юридическую помощь.

Вследствие этого, в связи с закреплением права на квалифицированную юридическую помощь в качестве конституционного, на законодателя

возлагается обязанность обеспечить его реализацию, что следует из правовых позиций Конституционного Совета. В своих решениях он неоднократно подчеркивал, что признание тех или иных прав и свобод конституционно гарантированными требует от государства принятия эффективных мер для их фактического осуществления [78; 79; 80]. Для этого государством должны предприниматься нормативно-правовые, организационные и иные меры, обеспечивающие как само право каждого на юридическую помощь, так и эффективную деятельность лиц, оказывающих такую помощь.

А.О. Гордон отмечает, что сущность представительства зависит от его основания [81, с.53]. В связи с этим необходимо обратить внимание на предлагаемую учеными классификацию данного института.

Виды представительства не закреплены на законодательном уровне, поэтому в научной среде принято ссылаться на теоретические конструкции, а не на нормативно установленные факты. Учеными предлагается разделение представительства на два основных и наиболее распространенных вида: добровольное и обязательное (законное) [82, с.91].

Добровольное представительство, возникающее из договора между представляемым и представителем, а также из доверенности, считается наиболее распространенным. Оно основывается на взаимном согласии сторон и оформляется в виде договора поручения, позволяя сторонам самостоятельно определять условия деятельности представителя [83, с.547]. Помимо договора поручения, который лежит в основе взаимоотношений доверителя и поверенного, добровольное представительство может основываться на трудовых отношениях, когда уполномоченный сотрудник является работником представляемой им организации. В такой ситуации наряду с доверенностью основанием для представительства служит трудовой договор, заключенный с работником [84, с.195].

Законное представительство, исходя из самого наименования, возникает на основании закона и, как правило, не требует дополнительных действий для оформления. При этом, для осуществления функций законного представителя не всегда необходимо родство с лицом, интересы которого представляются. Законным представителем также может быть консул, организация с представительскими полномочиями или иной субъект, прямо упомянутый в законе. При этом личное согласие представляемого не является обязательным, что отличает законное представительство от добровольного [85, с.245].

В научной литературе встречается точка зрения о выделении третьего вида – представительство по назначению [86, с.53]. Так, Т.В. Сахнова, поддерживая эту идею, указывает, что оно основывается на законе и определении суда о назначении адвоката, которое направляется в адвокатскую коллегия [60, с.243]. Выделяя данный вид, автор ссылается на положения процессуального закона РФ, определяющих, что в ситуациях, когда ответчик не имеет представителя и его местопребывание не установлено, а также в иных случаях, суд назначает адвоката в качестве представителя [60; 87].

В гражданском процессуальном законодательстве Казахстана в гл.35 ГПК предусмотрены категории дел, по которым происходит назначение

представителя судом: дела об ограничении дееспособности гражданина; признании гражданина недееспособным; ограничении или лишении несовершеннолетних в возрасте 14-18 лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами. Согласно ч.1 ст.325 ГПК РК по таким делам судья назначает официального представителя-адвоката, уполномоченного защищать интересы гражданина и выступать от его имени. Полномочия такого адвоката приравниваются к статусу законного представителя, а его помощь в финансируется за счет бюджетных средств [6].

В остальных случаях участие судебного представителя «по требованию суда» усматривается через реализацию ст.112 ГПК РК, определяющей порядок оказания гарантированной государством юридической помощи для определенной категории лиц: ч.1 определяет категории лиц, которых суд обязан освободить от оплаты юридической помощи и возмещения расходов, связанных с представительством; ч.4 устанавливает направление судом определения об освобождении лица от уплаты за юридическую помощь и возмещении расходов в территориальную коллегия адвокатов и палату юридических консультантов, которые обязаны обеспечить участие представителей [6].

Таким образом, казахстанское законодательство назначение судом представителя по указанным категориям гражданских дел относит к законному представительству.

Помимо упомянутых выше видов судебного представительства, некоторыми учеными предлагается более широкая их классификация с выделением таких видов, как: консульское, общественное и специализированное представительство.

Консульское представительство, как отмечает О.В. Исаенкова, рассматривая его в качестве особого вида в гражданском судопроизводстве, связано с участием иностранного элемента.

Т.Н. Нешатаева указывает, что такой представитель действует от имени иностранного гражданина без доверенности, поскольку данное представительство базируется на нормах международного права [88, с.442; 89, с.38].

О.В. Исаенкова также подтверждает возможность действий консула без доверенности, если законодательство не требует специального упоминания об этом в доверенности [60, с.110].

Согласно Указу Президента РК «Об утверждении Консульского устава Республики Казахстан», консул может представлять казахстанских граждан без доверенности в случаях их отсутствия или невозможности личного присутствия, вплоть до назначения ими своих представителей, либо до момента, когда они сами смогут защищать свои права (п.45 гл.5) [90].

Общественное представительство в гражданском процессе осуществляется уполномоченными лицами от общественных объединений в интересах их членов и других граждан, чьи права и интересы защищаются данным объединением [91; 92]. Применение такой формы представительства, как правило, ограничено определенными категориями споров, связанными с уставными целями объединений.

Формой общественного представительства является также защита прав и законных интересов субъектов, осуществляемая профессиональными союзами в рамках их компетенции. Согласно п.8 ст.17 Закона РК «О профессиональных союзах» профсоюзные объединения предоставляют юридическую помощь не только членам профсоюза, но и иным лицам, состоящим в трудовых отношениях с работодателем, при условии их письменного обращения [93].

При этом, возлагая на общественных представителей функции по оказанию юридической помощи, законодатель не предусмотрел в качестве обязательного условия – наличие юридического образования у представителей таких объединений (ответ Министра (от 12 мая 2022 года на запрос от 27 апреля 2022 года №737396) [94].

Уникальной формой судебного представительства является специализированное (уставное) представительство, которое объединяет элементы различных видов представительства и не соответствует классическим определениям законного или добровольного представительства. Некоторые авторы используют термин «уставное» представительство, подразумевая, что полномочия представителя закрепляются в уставе юридического лица.

Так, Г.Л. Осокина определяет уставное представительство как ведение дел юридических лиц без доверенности, когда исполнительные органы действуют на основании устава или иных учредительных документов [95, с.245].

Э.С. Алоян, напротив, использует термин «специализированное», указывая, что, помимо устава организации, основу представительства могут составлять положения ГК, законы, касающиеся деятельности юридических лиц и другие подзаконные акты, регулирующие корпоративные отношения. Полномочия исполнительных органов, включая процессуально-представительские, определяются уставом организации, а правоотношения между товариществом и исполнительным органом возникают на договорной основе [96, с.120].

В некоторых случаях такое представительство может характеризоваться сложной структурой реализации, когда для представления интересов помимо наличия уставных полномочий исполнительному органу требуется другие документы. К примеру, п.5 Нормативного постановления Верховного суда РК от 10 июня 2008 года №2 «О некоторых вопросах применения законодательства о товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» разъясняет, что право на предъявление иска о принудительном выкупе доли участника принадлежит товариществу, действующему через исполнительный орган. При этом подача такого иска возможна исключительно на основании соответствующего решения общего собрания участников, что фактически исключает право самостоятельного инициирования данного вопроса отдельным участником. Невозможность обратиться в суд с заявлением о принудительной ликвидации товарищества без решения общего собрания вытекает и из ст.68 Закона РК «О ТОО и ТДО» [97]. Таким образом, полномочия исполнительного органа по представительству товарищества обусловлены обязательным наличием решения общего собрания участников.

При исследовании практических аспектов уставного представительства необходимо рассмотреть его закрепление в процессуальном законодательстве, а

также проанализировать нормы, регулирующие порядок осуществления представительства в гражданском процессе.

Пункт 2 ст.57 ГПК РК устанавливает, что в судебных процессах от имени юридических лиц выступают их руководители или уполномоченные представители, которые действуют на основании полномочий, определенных в законодательстве и учредительных документах, представляемых суду для подтверждения их статуса, прав и обязанностей [6].

Лицо, исполняющее функции представителя, может быть руководителем или иным уполномоченным сотрудником, которому организация доверила представление своих интересов в суде.

Длительное время доминировала «теория органа юридического лица», согласно которой директор не является представителем, а выступает органом самого юридического лица. Предполагается, что действия органов считаются действиями организации, поскольку невозможно разграничить «представителя» и «представляемого» (теория тождества).

Вместе с тем существуют иные взгляды. В этом аспекте представляет интерес разрешение спорных ситуаций по представительству юридического лица, сложившихся в судах РФ. Согласно п.121 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года №25, на органы юридического лица распространяются положения ГК РФ (например, ст.182, 183), а при наличии нескольких единоличных исполнительных органов действует ст.185 [98]. Это подразумевает, что, несмотря на отсутствие прямого упоминания, по смыслу ряда правовых норм директор может признаваться законным представителем.

Отнесение данного представителя к законному объясняется тем, что он получает объем полномочий вместе с назначением на должность. Избрание директора не делает его добровольным представителем, так как это являлось бы чрезмерным упрощением, поскольку аналогичным образом родители, осознанно принимая на себя такую роль, также не становятся добровольными представителями.

Дискуссия между «теорией органа» и «теорией представителя» существует не только в России, но и в Германии. Разногласия между теориями вытекают из различного восприятия сущности юридического лица.

Отто фон Гирке, являясь сторонником теории органа, считает, что юридическое лицо обладает полной дееспособностью и действует через свои органы, а представители представительской теории, включая Ф.К. Савиньи, Х. Вольфа и В. Флуме, утверждают, что юридическое лицо нуждается в представителе для создания прав и обязанностей.

Если первая теория отождествляет действия органов с действиями самого юридического лица, то вторая объясняет их через механизм полномочий. В соответствии с комментарием к ГГУ, теория органа преобладает ввиду ее способности устранять пробелы в законодательстве. Она позволяет объяснить способность директора не только вступать в договорные отношения от лица компании, но и распоряжаться имуществом и информацией от ее имени, что выходит за рамки обычного представительства.

Изначально §26 ГГУ подразумевал представительский характер полномочий директоров, при этом использование выражения «имеет статус законного представителя» вместо «является законным представителем», демонстрирует стремление избежать отождествления с обеими теориями. В настоящее время в комментариях к ГГУ возобладает теория органа, поскольку она позволяет более полно восполнить пробелы в правовом регулировании. Ее ключевое преимущество перед представительской теорией заключается в способности объяснить, как директор не только заключает сделки от имени общества, но и совершает иные действия, не охватываемые традиционным институтом представительства. При этом необходимость применения норм о представительстве к действиям органов юридического лица по-прежнему сохраняется на основании прямого указания закона [99, с.44-48].

Различные мнения вызывают также вопрос о характере представительства организации при ее ликвидации.

Ликвидационная комиссия создается учредителями или органом, принявшим решение о такой процедуре, добровольно, но в соответствии с законодательством. Поэтому В.В. Ярков считает такое представительство законным, а М. Ларченкова – добровольным [96, с.80-81].

При этом члены ликвидационной комиссии, временные администраторы, реабилитационные или банкротные управляющие не определены как «законные представители» в нормативных актах Республики Казахстан, однако, по факту назначаются на основании закона, что позволяет трактовать их деятельность как разновидность специализированного представительства.

Процедуры реабилитации или банкротства в Казахстане имеют преимущественно принудительный характер. Дела о реструктуризации задолженности, реабилитации и банкротстве рассматриваются судами по правилам гражданского судопроизводства с учетом особенностей, установленных Законом РК «О реабилитации и банкротстве». Согласно п.1 ст.69 данного Закона, управление должником в реабилитационной процедуре может осуществляться самим должником или уполномоченным лицом, а также реабилитационным управляющим [100].

Реабилитационный или банкротный управляющий назначается приказом Департамента государственных доходов по предложению кредиторов из числа лиц, включенных в реестр администраторов. С момента своего назначения он берет под контроль имущество должника, а органы управления прекращают свою деятельность [101]. Аналогично, финансовый управляющий назначается уполномоченным органом из государственного реестра со дня вынесения судом определения о восстановлении платежеспособности или о банкротстве [102].

В связи с этим закономерен вывод, что вышеприведенные положения подтверждают специфические особенности отдельных форм представительства, которые сочетают элементы классических видов, но не укладываются в полной мере в рамки законного или добровольного представительства.

В научной среде также предлагается классифицировать представительскую деятельность на профессиональную и непрофессиональную в зависимости от принципов ее осуществления.

Профессиональные или специализированные представители – это лица с юридическим образованием и опытом в правовой сфере, обладающие соответствующим статусом, лицензией либо иным документом, позволяющим оказывать юридическую помощь. Такие лица считаются более подготовленными и профессиональными, несут повышенную ответственность и располагают более широкими возможностями выбора методов защиты доверителей. К таким представителям, к примеру, можно отнести лиц, осуществляющих адвокатскую деятельность.

Напротив, непрофессиональные представители, или неспециализированные, не обладают указанными выше характеристиками. Обычно в их роли выступают лица без специальных правовых знаний, навыков и образования. К данной категории следует отнести лиц, упомянутых в пп.5 ч.1 ст.58 ГПК РК, – одного из соучастников по поручению других соучастников по гражданскому делу [6].

Оба упомянутых выше вида представительства расширяют доступ к правосудию и отражают определенную гибкость гражданского судопроизводства, создавая предпосылки для дальнейшего более глубокого изучения статуса лиц, допущенных к представительству по поручению.

Таким образом, исследуя судебное представительство, следует отметить его существенные отличия от гражданско-правового представительства, заключающихся в целях, природе отношений, субъектном составе и юридических последствиях. В отличие от гражданско-правового представительства, целью которого является защита интересов доверителя в рамках частных правоотношений, судебное представительство направлено на участие представителя в процессе в интересах стороны и регулируется нормами публичного права, где акцент делается на соблюдении норм и принципов правосудия.

Разнообразие правовых связей, возникающих в гражданском процессе, требует детального анализа отдельных форм судебного представительства для систематизации правового материала и более точного определения содержания и границ полномочий представителей.

В этой связи особую актуальность приобретает изучение представительства по поручению как наиболее распространенной формы участия представителей в суде, что предполагает необходимость определения его понятия следующим образом: «представительство в суде по поручению – это вид судебного представительства, возникающий на основании норм гражданского процессуального права и подтверждаемый доверенностью либо иным предусмотренным законом документом, в рамках которого уполномоченное лицо (представитель) оказывает квалифицированную и иную юридическую помощь, обеспечивая защиту прав и интересов доверителя на всех стадиях гражданского процесса».

Сущность судебного представительства переоценить сложно: в гражданском процессе оно позволяет сторонам, нуждающимся в юридической помощи, эффективно отстаивать свои права и интересы через профессионала, что в свою очередь повышает справедливость судебных решений, помогает избежать процессуальных и судебных ошибок.

Судебное представительство одновременно выступает процессуальной деятельностью, правоотношением и правовым институтом. В контексте правоотношений, формируемых в данном институте, оно включает отношения не только между представителем и представляемым, но и между представителем и судом. При этом представитель несет ответственность как перед доверителем, так и перед государством.

Обобщая проведенный анализ научного определения видов судебного представительства, нам видится верным разделение представительства по поручению в суде на основные виды: добровольное (из договора поручения, доверенности) и обязательное (законное).

Наличие помимо вышеуказанных видов более широкой классификации, включающей консульское, общественное и специализированное (уставное) представительство, объясняется тем, что данные представительства не подпадают под классическое понимание основных видов. Общественное не следует отождествлять с добровольным представительством, так как уполномоченные представители действуют в интересах членов объединения, но не вступают с ними в договорные отношения. Уставное, в свою очередь, сочетает элементы как законного, так и добровольного представительства, что затрудняет его отнесение к одному типу.

Кроме того, в ходе исследования отмечено, что судебное представительство по поручению подразделяется на профессиональное и непрофессиональное, в зависимости от квалификации представителя.

1.3 Субъекты института представительства по поручению в гражданском процессе, их права и обязанности

В юридической науке отсутствует единый подход к определению категории судебных представителей в классификации участников гражданского судопроизводства. Существуют различные взгляды на этот вопрос: одни исследователи предлагают выделить судебных представителей в самостоятельную группу участников процесса, другие – склонны относить их к лицам, участвующим в деле, учитывая специфику их процессуального статуса и объема полномочий, третьи – проводят аналогию с лицами, содействующими правосудию, акцентируя внимание на вспомогательном характере выполняемых ими функций. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть различные подходы и аргументы по данному вопросу.

В рамках казахстанской юридической доктрины, по мнению З.Х. Баймолдиной, которая выделяет судебных представителей в отдельную группу, участники гражданского судопроизводства классифицируются следующим образом:

1. лица, осуществляющие правосудие;
2. лица, участвующие в деле, в соответствии со ст.43 ГПК РК, к которым относятся стороны, третьи лица, прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления, юридические и физические лица, вступающие в процесс по основаниям, указанным в ст.55 и 56, а также заявители и иные заинтересованные лица по делам, рассматриваемым в порядке особого производства, указанным в ст.302 [6].
3. судебные представители;
4. лица, содействующие правосудию, не имеющие интереса в исходе дела и выполняющие вспомогательные функции (свидетели, эксперты, переводчики, специалисты и др.) [73, с.119-126].

Термин «лица, участвующие в деле» используется в главе 5 ГПК РК, которая не раскрывает определение данного понятия, а описывает состав лиц, принимающих участие в гражданском судопроизводстве, и устанавливает, что такие участники должны обладать процессуальной правоспособностью и дееспособностью, иметь определенный объем прав и обязанностей и личный, материально-правовой или процессуальный интерес. Например, третьи лица и стороны имеют одновременно материально-правовую и процессуальную заинтересованность, тогда как прокурор и государственные органы обладают лишь процессуальным интересом.

К лицам, участвующим в гражданском процессе, относят лиц, которые:

1. действуют в суде от собственного имени (для сторон и третьих лиц характерна материально-правовая и процессуальная заинтересованность, для прокурора – это интерес государства или общества, а для государственного органа, предоставляющего заключение по делу, – это интерес служебного характера) [73, с. 195];

2. обладают личной юридической заинтересованностью в исходе дела [91].

Приведенный выше в Комментарий к ГПК РК перечень лиц, участвующих в гражданском процессе, определенный по признакам участия и заинтересованности, не является исчерпывающим. Представляется возможным дополнить данный список следующими характерными признаками:

3. наличие прав на осуществление действий, влияющих на ход процесса;
4. распространение на них юридической силы судебных решений или определений о прекращении процесса;
5. наличие комплекса общих и индивидуальных процессуальных прав и обязанностей.

Большинство участников гражданского судопроизводства обладают правом передавать часть своих полномочий другому лицу, обладающему специальным набором знаний и опыта.

Представитель по поручению, согласно ч.4 ст.60 ГПК РК, введенной в действие 8 апреля 2023 года, обладает процессуальными правами и несет процессуальные обязанности лица, интересы которого он представляет в пределах предоставленных ему полномочий [6; 103]. Таким образом, несмотря на «замещение» доверителя, у представителя не формируется идентичный набор прав и обязанностей, а решение по гражданскому делу не

распространяется лично на представителя. Например, полномочие на признание иска (при наличии специальной доверенности) не означает, что представитель обязан самостоятельно выплачивать все, что присуждено по исковым требованиям. Формулировка «в пределах предоставленных полномочий» отражает ограниченный характер прав представителя и ясно определяет правовую природу его роли в гражданском процессе, выражающуюся в осуществлении только процессуальных действий в интересах и от имени своего доверителя, а не в переходе к нему прав и обязанностей в материальном аспекте.

В этой связи З.Х. Баймолдина считает, что судебные представители образуют самостоятельную категорию, поскольку им не присущи все признаки лиц, участвующих в деле. В частности, они не имеют собственных правовых интересов (их деятельность направлена на защиту интересов представляемого), выступают не от своего имени, а от имени доверителя, а объем их полномочий уже, чем права других участников дела (например, без специальных полномочий они не могут менять предмет иска, за исключением законных представителей). По этой причине их не следует относить к числу лиц, участвующих в деле [73, с.125].

А. Рихт, выделяя представителей в суде в отдельную категорию, отмечает, что такой подход позволяет более точно и четко определить процессуальное положение каждого субъекта [104, с.9].

Р.А. Сидоров аналогично придерживается позиции, согласно которой представитель является самостоятельным участником, что обосновывается реализацией им собственных процессуальных прав и обязанностей и действиями в пределах предоставленных полномочий [105, с.154].

В свою очередь позиция М.В. Гуськовой свидетельствует о стремлении приравнять процессуальное положение судебного представителя к статусу представляемого лица. Так, автор предлагает переименовать гл.4 ГПК РФ в «Лица, участвующие в деле, и другие участники гражданского процесса» по аналогии с нормами Арбитражного процессуального кодекса РФ, полагая, что это позволило бы четче разграничить лиц, непосредственно участвующих в деле, и всех прочих субъектов [106, с.28]. Представляется, что подобное изменение в казахстанское гражданское процессуальное законодательство не требуется, поскольку законодатель уже выделил представителей по поручению в отдельную гл.6 ГПК РК.

С.П. Гришаева также полагает, что представитель не является самостоятельной фигурой в процессе, так как его назначение – заменить отсутствующего участника [104, с.10]. Тем не менее, подобная характеристика не полностью распространяется на судебных представителей, учитывая отсутствие у них личной правовой заинтересованности и то, что они действуют не от своего имени. Кроме того, как было отмечено, круг полномочий представителей узок по сравнению с правами участников процесса [73, с.197].

Подобную позицию разделяют и другие исследователи, в числе которых С.Н. Абрамов [107, с.67], М.А. Гурвич [108, с.47], Э.Е. Колоколова [109, с.13], Т.И. Евстифеева [110, с.68]. С их точки зрения, представитель не обладает

статусом субъекта гражданских процессуальных правоотношений и, следовательно, не имеет собственного комплекса процессуальных прав и обязанностей, поскольку его деятельность осуществляется исключительно от имени и в интересах лица, которое он представляет [96].

Так, М.А. Гурвич подчеркивает, что участие представителя в процессе лишено автономности: несмотря на его отнесение к особой категории участников разбирательства, в юридико-процессуальном смысле он не может рассматриваться в качестве полноценного субъекта процесса [111, с.153].

Существует и иная точка зрения, согласно которой ряд исследователей, в частности И.В. Решетникова [112, с.37], М.С. Шакарян [113, с.73], Д.Х. Валеев [114, с.101], Н.В. Ласкина [115, с.96], отстаивают позицию, подразумевающую, что представитель приравнивается к числу лиц, содействующих осуществлению правосудия, что основано на анализе объема предоставленных представителю процессуальных прав и обязанностей, а также характере совершаемых им действий, которые, по мнению авторов, направлены, прежде всего, на поддержку и реализацию задач правосудия.

Примечательно, что указанная концепция находит свое подтверждение и в судебной практике РФ в пункте 17 Постановления Пленума Верховного Суда от 24 июля 2008 года №11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», где указано, что в зависимости от особенностей конкретного дела судья рассматривает, в том числе, вопрос об участии лиц, способствующих рассмотрению спора. К числу таковых отнесены представители сторон и третьих лиц, а также эксперты, специалисты, переводчики и свидетели [96].

В данном случае интересной видится точка зрения Т.В. Сахновой, утверждающей, что судебный представитель выступает в качестве самостоятельного субъекта гражданского процессуального правоотношения, при этом его деятельность направлена на оказание содействия стороне или третьему лицу в реализации судебной защиты, а не на помощь суду [116, с.268; 111, с.153-154].

Мы согласны, что судебных представителей нельзя причислить к лицам, помогающим администрировать правосудие, как это принято в РФ, Китае, Сербии и других странах [117, с.142], поскольку функции и полномочия представителей отличаются от деятельности экспертов, свидетелей и т.д.. Хотя представители также не имеют личной заинтересованности в исходе дела и действуют во многом вспомогательно, их роль направлена на реализацию прав граждан и юридических лиц на защиту их прав и интересов.

Таким образом, несмотря на различные подходы к определению места судебных представителей среди участников гражданского судопроизводства, следует признать, что они образуют отдельную категорию субъектов. В этой связи возникает необходимость более глубокого изучения субъектного состава института судебного представительства, включая как самих представителей, так и представляемых ими лиц.

Как правило, представитель представляет интересы в суде на основании доверенности, которая согласно п.1 ст.167 ГК РК выдается доверителем [118].

Вместе с тем, в отечественном законодательстве нет четкого определения понятия «доверитель».

В Профильном законе для обозначения физического или юридического лица, которое обращается за получением юридической помощи, используется термин «клиент» [7]. При этом, в Кодексе профессиональной этики адвокатов применяется понятие «доверитель», под которым подразумевается: лицо, оформившее соглашение с адвокатом о предоставлении юридической помощи; лицо, получающее юридическую помощь по письменному соглашению, подписанному третьим лицом; лицо, пользующееся юридической помощью по назначению [119].

Относительно понятия «представитель», в ч.2 ст.57 ГПК РК определено, что в качестве представителя может выступать дееспособное лицо, обладающее полномочиями на ведение дел в суде, которые основаны на доверенности, законе, судебном постановлении или административном акте [6].

Часть 1 ст.58 ГПК РК устанавливает перечень лиц, имеющих право быть представителями по поручению:

- 1) адвокаты;
- 2) работники юридических лиц: по вопросам данных юридических лиц, а для государственных органов – по вопросам этих органов и их территориальных подразделений, а также по вопросам других юридических лиц, находящихся под (прямым или косвенным) управлением одного лица;
- 3) уполномоченные профессиональных союзов – по вопросам работников, служащих, а также других лиц, чьи права и интересы защищаются этими союзами;
- 4) уполномоченные организаций, которым закон, устав или положение дают право защищать права и интересы своих членов, а также других лиц;
- 4-1) Уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан;
- 5) один из участников по поручению остальных участников по гражданскому делу;
- 6) члены палаты юридических консультантов [6].

Представляется целесообразным начать детальное рассмотрение правового статуса субъектов, указанных в п.п.1) и 6), поскольку, несмотря на то, что они, с одной стороны, относятся к категории профессиональных представителей, обладают общими чертами в исполнении возложенных на них законом обязанностей, с другой – имеют существенные различия.

Как ранее указывалось, до законодательного установления профессионального представительства система правосудия Казахстана позволяла в качестве представителей, наряду с адвокатами, участвовать в процессе другим лицам, не имеющим высшего юридического образования. Такие лица могли быть допущены по устной просьбе сторон или на основании письменной доверенности, что предоставляло сторонам широкий выбор лиц, имеющих право быть их представителями. Суд принимал решение о допуске таких лиц к судебному разбирательству с учетом установленных законодательством ограничений, в частности ст.59 ГПК РК, определяющей круг лиц, не имеющих права выступать в роли представителей [6].

Введение требования о наличии у представителя высшего юридического образования, на взгляд многих юристов, не смогло существенно повлиять на повышение уровня профессионализации судебного представительства, так как деятельность этих представителей по-прежнему не подпадала под координацию со стороны профессиональных объединений и не подлежала проверке на соответствие определенным стандартам.

Новшества, внесенные Профильным законом, и изменения в ст.58 ГПК РК, призваны не только обеспечить высокие стандарты представительства и защиты прав доверителей, но и ужесточить требования к лицам, допущенным в качестве судебных представителей, а также повысить их ответственность.

Следует отметить, что установление таких требований обусловлено необходимостью реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. В этой связи особое значение приобретает само понятие «юридическая помощь», трактуемая как набор мер, обеспечивающих реализацию гарантированного п.3 ст.13 Конституции РК права на получение квалифицированной юридической помощи [7]. Данная позиция получила подтверждение в разъяснениях Конституционного совета РК, который в Нормативном постановлении от 4 июня 2021 года №1 подчеркнул, что государство, руководствуясь собственными обязательствами в данной сфере, обязано принимать соответствующие нормативно-правовые, организационные и иные шаги для создания оптимальных условий как для защиты обозначенного права граждан, так и для повышения эффективности деятельности субъектов, уполномоченных оказывать профессиональную правовую помощь. Исходя из этого, Парламент РК наделен правом определять конкретные варианты правового регулирования системы оказания юридической помощи, включая установление обязательных критериев, условий и ограничений для лиц, которые намерены вести подобную публично-правовую деятельность [75].

В то же время предельная свобода усмотрения законодателя не может быть безграничной, но должна вести к гармоничному сочетанию частных и публичных интересов, балансу между государственным регулированием и саморегулированием, а также обеспечивать разумное использование императивных и диспозитивных методов регламентирования.

Правовые подходы Конституционного совета соотносятся с положениями международных актов. В частности, Международный пакт о гражданских и политических правах налагает на каждое государство-участника обязанность предоставить эффективные средства правовой защиты всем лицам, чьи права и свободы по данному Пакту были нарушены, а также гарантировать, что правовая защита осуществляется компетентными органами судебной или законодательной власти либо другими структурами, предусмотренными национальным законодательством [120].

При рассмотрении нормативных положений, регулирующих деятельность адвокатов и юридических консультантов, стоит отметить, что, несмотря на формальное приравнивание их функций по оказанию квалифицированной помощи, Профильный закон закрепляет различные условия получения соответствующего статуса, а также особенности организации и координации их

деятельности. Вместе с тем высший конституционный орган отмечает, что принципы организации, заложенные в регламентировании деятельности юридических консультантов и их объединений, во многом совпадают с теми, что применяются в отношении адвокатуры, включая ряд характерных для адвокатской деятельности инструментов и мер [75].

Сходство между адвокатами и юридическими консультантами проявляется в некоторых совпадающих квалификационных требованиях: оба должны иметь высшее юридическое образование, профессиональный стаж и не иметь непогашенной или неснятой судимости [7]. Последнее обусловлено необходимостью соответствовать высокому морально-этическому облику представителя юридического сообщества. Также к деятельности не допускаются лица, признанные недееспособными или ограниченно дееспособными, поскольку профессия требует высокой квалификации, осознанное принятие решений и готовность нести ответственность за сложные правовые заключения. Более того, адвокат и юридический консультант имеют доступ к конфиденциальным данным, и недееспособность может поставить под угрозу сохранность такой информации.

Вместе с тем анализ законодательства демонстрирует наличие разных подходов к допуску лиц к данным профессиям, свидетельствующих об установлении более жестких требований и ограничений, предъявляемых для получения статуса адвоката, по сравнению с юридическими консультантами.

Адвокатом не может стать лицо, уволенное с государственной службы по негативным основаниям; совершившее административное, коррупционное либо уголовное правонарушение; лишенное лицензии или исключенное по отрицательным поводам из реестра палаты юридических консультантов – в течение трех лет со дня наступления вышеперечисленных событий [7].

Для вступления в палату юридических консультантов установлены менее строгие ограничения. Из перечисленных выше ограничений препятствием к получению статуса юридического консультанта является только исключение из реестра палаты юридических консультантов за нарушение законодательства, правил и стандартов предоставления юридической помощи или Кодекса профессиональной этики [7].

Существенным отличием является установление к адвокатам требования о наличии гражданства Республики Казахстан, не предъявляемое к юридическим консультантам. Указанное свидетельствует не только о существенном различии в законодательном закреплении правосубъектности представителей по поручению, но и предоставлении иностранным лицам и лицам без гражданства права на оказание квалифицированной юридической помощи.

Рассматривая допуск иностранных адвокатов к представительству в судах РК, следует учитывать, что их полномочия возможны лишь при наличии ратифицированного международного договора [6], который на сегодняшний день нашим государством заключен. Кроме того, отсутствует нормативная процедура регистрации иностранного адвоката в государственных органах, аналогичная национальным реестрам российской или иной зарубежной правовой системы [121]. При этом, даже в случае ратификации соглашений и

устранении процедурных пробелов, иностранный гражданин не может на постоянной основе заниматься адвокатской деятельностью, поскольку для получения статуса адвоката необходимо гражданство Республики Казахстан.

Другой отличительной от адвокатов особенностью вступления юридических консультантов в профессию является отсутствие в Профильном законе требования о необходимости лицензии на осуществление деятельности по оказанию юридической помощи.

Сравнивая полномочия адвоката и юридического консультанта, можно отметить, что их права по оказанию юридической помощи в сфере гражданских, административных дел и в делах об административных правонарушениях идентичны. Оба консультируют, составляют правовые документы, представляют интересы доверителей, участвуют в примирительных процедурах, защищают права в органах государственной власти и общественных институтах, а также принимают участие в исполнительном производстве. Такая схожесть полномочий обусловлена общей задачей этих субъектов – оказание квалифицированной юридической помощи в защиту прав и законных интересов граждан и организаций. Исключение в полномочиях составляет право адвоката выступать в качестве защитника в уголовном судопроизводстве, в котором юридический консультант может только участвовать как представитель потерпевшего.

Адвокаты и юридические консультанты обязаны соблюдать профессиональную этику, обеспечивать конфиденциальность и высокое качество оказываемой юридической помощи. Это предполагает добросовестное исполнение предусмотренных обязанностей, уважение к правам и интересам доверителей и участников процесса, соблюдение тайны сведений, полученных в рамках профессиональной деятельности, а также представление точной и обоснованной правовой поддержки в отношении принятых обязательств.

С целью соблюдения этических и профессиональных стандартов адвокаты и юридические консультанты обязаны постоянно поддерживать высокий уровень профессиональной подготовки путем курсов повышения квалификации. Это необходимо для сохранения профессиональной компетенции в условиях изменяющегося законодательства и правоприменительной практики. Кроме того, для них установлено обязательное страхование профессиональной ответственности, что служит дополнительной правовой и финансовой гарантией для доверителя.

При наличии имеющихся схожих обязательств законодатель не установил в отношении юридических консультантов обязанности регулярно отчитываться перед доверителем об исполнении условий договора, в отличие от адвокатов, на которых такое требование возложено пп.11 п.6 ст.33 Профильного закона [7]. Отсутствие нормы, обязывающей юридических консультантов предоставлять отчеты о выполнении договора об оказании юридической помощи, ставит не только в неравное положение указанных лиц по сравнению с адвокатами, но и ограничивает доверителей в их праве на получение информации об исполнении договорных обязательств.

Адвокат, обладая широким перечнем обязанностей, сталкивается с запретами и ограничениями. Например, ему запрещено занимать государственные должности, участвовать в коммерческой деятельности, получать оплату за иной труд, за исключением участия в Высшем Судебном Совете РК, наблюдательном совете коммерческой организации, выступления в качестве арбитра, осуществления деятельности, связанной с преподаванием, наукой и творчеством. Для юридических консультантов таких ограничений не установлено, при том, что Профильный закон возложил на указанных субъектов одинаковые функции, что является необъективным и может привести к риску конфликта интересов с доверителями.

В связи с тем, что рассмотренные представители юридической профессии вызывают особый интерес ввиду специфики их правового регулирования, не присущей иным субъектам, способным выступать в гражданском судопроизводстве в качестве представителей по поручению, целесообразно вернуться к анализу адвокатов и юридических консультантов в дальнейших разделах настоящего исследования.

В продолжение анализа субъектного состава представителей по поручению следует рассмотреть работников юридических лиц, определенных пп.2 ч.1 ст.58 ГПК РК, в совокупности с положениями ст.57 этого Кодекса, согласно которым интересы юридических лиц в суде защищают их руководители или представители, действующие в рамках полномочий, предоставленных законом или учредительными документами [6].

Юридическое лицо, обладая правоспособностью и являясь самостоятельным субъектом гражданско-правового оборота, тем не менее, выступает стороной или третьим лицом в гражданском судопроизводстве через физических лиц [118]. Права и обязанности организация приобретает и принимает через свои органы, функционирующие на основании норм законодательства и учредительных документов. Такими органами выступают физические лица, которые в зависимости от организационно-правовой формы, могут быть руководителями (должностными лицами в государственных органах) или лицами с управленческими функциями в коммерческих или иных организациях [122].

В этой связи особый интерес представляет правовое положение руководителя как ключевого субъекта, через которого осуществляется деятельность юридического лица. Рассмотрим термин «руководитель» на примере товарищества с ограниченной ответственностью, где исполнительная власть может быть коллективной или индивидуальной и подчиняется общему собранию участников.

Закон РК «О ТОО и ДО» не употребляет термин «руководитель» для обозначения единоличного исполнительного органа. По ст.41 данного Закона члены исполнительного органа ТОО или единоличный исполнитель, а также члены наблюдательного совета считаются должностными лицами. Единоличный исполнительный орган (например, директор) вправе действовать от имени организации без доверенности, издавать приказы по управлению персоналом и выполнять другие полномочия, не отнесенные к компетенции

общего собрания [123]. Руководитель коллегиального органа координирует деятельность и обладает аналогичными правами. При этом, если управление поручено нескольким руководителям, каждый из них может действовать от имени организации без доверенности.

В акционерных обществах, согласно п.16 ст.1 Закона РК «Об АО», члены совета директоров, исполнительного органа или единоличные исполнители также признаются должностными лицами [124].

В банковской сфере руководители и члены органа управления, исполнительного органа, а также другие лица, координирующие или контролирующие деятельность подразделений и имеющие право подписи, признаются руководящими работниками по ст.20 Закона РК «О банках и банковской деятельности» [125].

Термин «руководитель как орган предприятия юридического лица» присутствовал в Законе РК «О государственном предприятии» (ст.9), который признан утратившим силу [126]. На данный момент положения о названном субъекте регулируются ГК РК [118], Законом РК «О государственном имуществе» [127], Приказом Министра национальной экономики «Об утверждении Правил назначения и проведения аттестации руководителя государственного предприятия, а также согласования его кандидатуры» [128], а также другими нормативно-правовыми актами.

Согласно п.7 ст.139 Закона РК «О государственном имуществе», руководитель государственного предприятия действует от лица этого предприятия без доверенности, представляет его интересы, управляет имуществом, заключает различные сделки, выдает доверенности, открывает счета, а также издает приказы и указания для сотрудников [127].

Допускается одновременное участие в деле как органа юридического лица, так и его представителя (например, директора и работника юридического отдела, либо директора и адвоката, юридического консультанта). От лица государственных органов, органов местного самоуправления, их подразделений, а также других юридических лиц, определенных в ч.2 ст.57 ГПК, в суде могут выступать их представители, указанные в пп.2 ч.1 ст.58 ГПК, то есть их сотрудники [91].

Как определено в пп.43 п.1 ст.1 ТК РК, работник – это физическое лицо, находящееся в трудовых отношениях с работодателем и выполняющее работу на основании соответствующего договора [129]. Как правило, представителями в суде выступают лица с юридическим образованием из профильных отделов. Если штат небольшой, функции могут выполнять сотрудники без специального образования, но обладающие необходимыми знаниями по делу, например, бухгалтер в финансовых вопросах.

Несмотря на утверждение С.М. Айтбаева, что, в отличие от работников ТОО, с банковских работников суды редко требуют документы, подтверждающие их полномочия [130], ГПК РК и Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 20 марта 2003 года №2 «О применении судами некоторых норм гражданского процессуального законодательства» (п.8) [131] обязывают суд удостоверить полномочия

представителей путем проверки содержания доверенности, выданной от имени юридического лица руководителем либо уполномоченным лицом.

В некоторых случаях необходимо истребовать дополнительные документы, подтверждающие, что организация, работником которого является представитель, и организация, интересы которой он представляет, находятся под контролем одного и того же лица (прямым или косвенным) [6]. При этом особое значение приобретает надлежащее подтверждение трудовой деятельности самого представителя, которое, согласно ст.35 ТК РК, может осуществляться посредством выписки из актов работодателя, трудовой книжки, трудового договора, выписки из платежной ведомости, послужного списка, подписанного и заверенного работодателем, выписки из пенсионного фонда о взносах или сведений о социальных отчислениях [129].

Аналогичный подход применяется и в отношении иностранных граждан, представляющих интересы юридического лица в суде. Гражданское процессуальное законодательство не содержит ограничений на участие в судебном представительстве иностранного лица, являющегося руководителем или работником юридического лица. Для подтверждения полномочий такого представителя необходимо предоставить в суд доверенность, приказ о приеме на работу либо трудовой договор, а также выдаваемые трудовому иммигранту органами внутренних дел и исполнительными органами документы (разрешение на временное проживание, виза, разрешение на трудовую деятельность), оформленные в соответствии с требованиями Закона РК «О миграции» [132].

Рассматривая следующую категорию представителей по поручению – уполномоченных профессиональных союзов, необходимо отметить, что пп.3 ч.1 ст.58 ГПК предусматривает их участие в суде для защиты прав и интересов рабочих и служащих, представляемых этими профсоюзами [6].

Нормативные акты, коллективные соглашения или судебные решения могут устанавливать категории профсоюзных представителей, наделенных правами в соответствии с Конвенцией №135, которая обеспечивает защиту представителей работников от дискриминации, включая увольнение, по причине их статуса или деятельности в профсоюзе [133].

Правила, регулирующие представительство профсоюзов, опираются на Закон РК «О профессиональных союзах» и ТК РК, особенно в части, касающейся общественного контроля за соблюдением норм безопасности и охраны труда. Статья 16 названного Закона закрепляет ряд прав, связанных с участием профсоюзов в судебной защите и представительстве своих членов. В частности, профсоюзы вправе участвовать в досудебном урегулировании трудовых конфликтов, осуществлять защиту и представление интересов своих членов в судебных и государственных органах, в трудовом арбитраже и медиации и оспаривать в судебном порядке решения государственных органов, нарушающих права и законные интересы членов профсоюза. Кроме того, в обязанности таких организаций входит представление интересов работников, не являющихся членами профсоюза, на основании их письменных заявлений на тех же условиях, что и для членов профсоюза [93].

Профсоюзы, защищая интересы работников в трудовых спорах, освобождаются от уплаты государственной пошлины и судебных издержек согласно ст.616 Налогового кодекса РК [134]. При их обращении в суд в роли истца, ст.117 ГПК РК предписывает взимание государственной пошлины с ответчика, который не освобожден от ее уплаты [135].

Схожим по вышеизложенным функциям представительства по поручению является деятельность уполномоченных организаций, предусмотренная в пп.4 ч.1 ст.58 ГПК РК, которым предоставлено право защищать права и интересы своих членов и других лиц законом, уставом или положением [6].

Согласно ст.19 Закона РК «Об общественных объединениях», такие общественные объединения действуют через руководящие органы в пределах полномочий, закрепленных в уставе и законодательстве [91]. Как и в отношении профессиональных союзов, к общественным организациям в соответствии с ч.2 ст.61 ГПК РК установлены требования о предоставлении суду документов, подтверждающих поручение на осуществление представительства по конкретному делу [6].

В предыдущем параграфе упоминалось письмо МЮ [94], в котором разъяснялось об отсутствии законодательного требования о необходимости наличия у представителей профсоюзов или уполномоченных организаций юридического образования для участия в гражданском судопроизводстве. Таким образом, для подтверждения полномочий представителям указанных организаций надлежит представить в суд только доверенность от представляемого лица, оформленную в соответствии со ст.61 ГПК РК.

Включение в перечень представителей, участвующих по поручению, Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан является новеллой в институте судебного представительства.

В соответствии с ч.1 ст.55 ГПК РК Уполномоченный по правам человека вправе обращаться в суд с иском в интересах третьих лиц, а также для защиты общественных либо государственных интересов. Часть 3 этой же статьи гласит, что Уполномоченный обладает всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права отказываться от иска, заключать мировое соглашение, соглашение об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации и соглашение об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры [6].

Данную норму следует рассматривать в системной взаимосвязи с положениями Конституционного Закона РК «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан», где закреплено право Уполномоченного по правам человека рассматривать вопросы, связанные с нарушением прав и свобод человека и гражданина, в случае, если имеются сведения об их массовом нарушении, либо если такое нарушение имеет общественное значение или затрагивает интересы лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты [136]. В качестве реализации указанных функций предусмотрено право Уполномоченного по правам человека подавать иски, затрагивающие не только права конкретных физических лиц, но и множественность лиц.

Несмотря на наличие отдельных процессуальных норм, касающихся участия Уполномоченного по правам человека в качестве судебного представителя, в процессуальном законодательстве отсутствует возможность привлечения данного лица для дачи заключения по делам, связанным с нарушением прав человека. В соответствии со ст.56 ГПК РК такими полномочиями наделены государственные органы и органы местного самоуправления, тогда как Уполномоченный по правам человека не относится к таковым, поскольку согласно Конституционному Закону является должностным лицом, на которого возложены функции содействия восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина. В связи с чем, представляется целесообразным дополнить ст.56 ГПК РК нормой, допускающей привлечение судом Уполномоченного по правам человека для дачи заключения по рассматриваемым делам.

Затрагивая вопрос привлечения Уполномоченного по правам человека для дачи заключений по гражданским делам, невозможно не обратить внимание на пределы процессуальных полномочий лиц, перечисленных в ст.56 ГПК РК. Частью 3 названной статьи они наделены всеми правами, предусмотренными ст.46 ГПК, включая право на обжалование судебных актов, тогда как согласно ч.1 этой же статьи данные субъекты привлекаются судом для дачи заключений по делу и не имеют собственного интереса в исходе дела [6]. Вследствие этого, усматривается противоречие в обозначенных процессуальных нормах, которое не получило широкого отражения в судебной практике и требует дополнительного научного осмысления и теоретического обоснования.

В продолжение исследования субъектного состава представительства по поручению, представляется целесообразным рассмотреть процессуальное соучастие в гражданском судопроизводстве.

Согласно пп.2 ч.2 ст.49 ГПК РК, основаниями для процессуального соучастия служат общие права и обязанности нескольких сторон либо единое основание для этого, а также однородные права и обязанности [6]. Суд проверяет отсутствие противоречий в возражениях соучастников и соблюдение полномочий, отраженных в доверенностях, прежде чем допускает соучастника к осуществлению представительства.

Соучастники, защищая свои права, одновременно могут представлять других участников, что экономит процессуальное время и сокращает число сторон, вызываемых в суд. Это удобно для тех, кто не может участвовать в процессе лично, но имеет схожие интересы и доверяет представителю, наделенному официально оформленными полномочиями. Например, работники с одинаковыми требованиями по выплате заработной платы могут быть представлены одним лицом, заявившим такие же требования к работодателю, или дольщики по договорам жилищного строительства вправе поручить представление их интересов одному лицу по искам к застройщику.

Представитель-соучастник вправе участвовать в судебных заседаниях только в первой и апелляционной инстанциях и не обладает таким правом в кассации. Ограничение такого процессуального представительства правом на участие в кассационной инстанции объясняется как возможностью

возникновения как объективных, так и субъективных обстоятельств. К примеру, представитель может столкнуться с трудностями при отстаивании интересов доверителя (соучастника) из-за личного интереса или риска злоупотребления чужим правом, особенно если удовлетворение исковых требований одного соучастника влияет на объем требований другого [91]. В связи с этим исключение представителей среди соучастников обусловлено необходимостью обеспечения беспристрастности и независимости процесса, что позволяет минимизировать конфликт интересов и обеспечить справедливость кассационного рассмотрения.

Таким образом, завершив анализ субъектного состава, необходимо перейти к рассмотрению ограничений, установленных законодательством в отношении лиц, которые не могут выступать в суде в качестве представителей. Этот аспект играет не менее важную роль в обеспечении легитимности и эффективности правосудия.

Гражданский процессуальный кодекс РК определяет круг лиц и ситуаций, при которых представители не могут выступать в суде (ч.1 ст.59 ГПК РК). Такое ограничение распространяется на судей, прокуроров, следователей и депутатов, что необходимо для обеспечения их независимости и подчинения только законодательству [6]. Указанные ограничения устраняют риск конфликта интересов и способствуют объективности судебного разбирательства. Однако из этого правила существуют исключения, когда перечисленные лица официально уполномочены представлять государственные учреждения либо выступают законными представителями в соответствии со ст.60 ГПК РК.

Помимо этого, в числе лиц, которые не допускаются к участию в деле, упомянуты представители по поручению, принявшие обязательства с нарушением требований законодательства (п.п.1 и 6 ч.1 ст.58 ГПК РК) [6]. К примеру, адвокат или юридический консультант не вправе оказывать юридическую помощь без наличия договора страхования профессиональной ответственности, который покрывает риск потенциального ущерба для лиц, получающих эту помощь. В связи с этим действия суда, направленные на проверку наличия указанного договора в ходе судебного разбирательства, являются оправданными и соответствуют требованиям ч.2 ст.59 ГПК РК [6].

Также законодатель императивно установил запрет на участие в качестве представителей лиц, которые: представляют или ранее предоставляли юридическую помощь лицу, чьи интересы находятся в конфликте с интересами представляемого лица; ранее участвовали в рассмотрении данного дела в роли судьи, прокурора, эксперта, специалиста, переводчика, консультанта, свидетеля или понятого; имеют родственные связи с противоположной стороной, третьим лицом, судьей, прокурором, консультантом, секретарем судебного заседания, экспертом или специалистом, принимающим участие в деле; по причине психического здоровья, возраста или других обстоятельств не способны осуществлять представительство [6].

Перечисленные выше лица подлежат исключению из числа участников гражданского разбирательства в качестве представителей по ходатайству

стороны либо по инициативе суда. Если имеются основания для отстранения представителя, суд наделен правом отложить разбирательство на срок до 5 рабочих дней для замены представителя.

Процедура отстранения представителя от участия в гражданском процессе сопровождается рядом неурегулированных процессуальных вопросов, в частности, касающихся возможности обжалования соответствующего судебного решения. Согласно нормам ГПК РК, представители, действующие на основании поручения, могут быть отстранены от участия в деле по ходатайству стороны или по инициативе суда путем вынесения судебного определения, которое фиксируется в протоколе судебного заседания. Однако действующее законодательство не содержит четкого регулирования порядка обжалования такого решения, включая его процедурные аспекты и субъектный состав лиц, имеющих право на его оспаривание.

Завершая приведенный анализ субъектного состава судебного представительства по поручению, необходимо отметить, что в казахстанской юридической доктрине участники гражданского судопроизводства делятся на четыре категории: лица, осуществляющие правосудие (представители не входят в эту категорию, так как только суд может вести судебное разбирательство); лица, участвующие в деле (участвуют от своего имени, выполняя процессуальные действия и имея материально-правовую или процессуальную заинтересованность); судебные представители (отдельные субъекты, вступающие в гражданский процесс в целях защиты и представления интересов граждан и юридических лиц на основании доверенности, закона или административного акта); лица, содействующие правосудию (не имеют интереса в исходе дела и выполняют вспомогательные функции).

Законодатель в ч.1 ст.58 ГПК РК определяет лиц, которые могут выступать представителями по поручению, при этом они могут быть отнесены к профессиональным и непрофессиональным представителям.

Каждый из обширного перечня представителей по поручению, приведенного в вышеуказанной статье Кодекса, обладает определенными сходствами в порядке вступления в гражданский процесс и по функциональному назначению. Однако правовые пробелы, затрагивающие отдельные аспекты правового регулирования их деятельности, требуют детального рассмотрения в следующих разделах диссертационного исследования.

2 ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПО ПОРУЧЕНИЮ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

2.1 Возникновение и прекращение судебного представительства по поручению в гражданском процессе

Ученые расходятся во мнениях относительно оснований возникновения судебного представительства: одни считают, что основанием служат отдельные юридические факты, такие как договор (добровольное представительство) или судебное определение (представительство по назначению), другие придерживаются мнения, что для данного института необходим комплекс юридических фактов, формирующих фактический состав.

Вторая точка зрения представляется более обоснованной и юридически корректной, так как для возникновения интересующих нас правоотношений недостаточно одного юридического факта, поскольку основу представительства составляют такие факторы, как волеизъявление доверителя, согласие представителя на принятие поручения, заключение договора, наличие доверенности.

Для представления интересов доверителя представитель обязан предоставить суду доверенность, выданную от имени доверителя, что корреспондируется с ч.1 ст.61 ГПК РК. Данное требование в силу ч.2 ст.58 ГПК РК распространяется на всех представителей по поручению, за исключением Уполномоченного по правам человека Республики Казахстан.

Отмечая важность установления в доверенности объема полномочий представителя, следует отметить, что суд отказывает представителю в праве совершать отдельные действия, если в доверенности отсутствует указание на полномочие, позволяющее осуществить эти действия от имени доверителя [6].

Доверенность, наделяющая представителя определенным кругом прав и обязанностей, не может заменить договор об оказании юридической помощи. В соответствии со ст.ст.47 и 76 Профильного закона, заключение такого договора обязательно [7], и игнорирование этого положения является основанием для отстранения адвокатов и юридических консультантов от участия в процессе (ч.2 ст.59 ГПК) [6].

В силу п.1 ст.169 ГК РК доверенность по своей правовой природе представляет собой одностороннюю сделку [118], которая определяет объем передаваемых представителю полномочий и упорядочивает взаимодействие представителя с третьими лицами (в рассматриваемом случае – с судом), данный документ не свидетельствует о возмездности поручений доверителя, не предусматривает ответственность за их неисполнение и не устанавливает условия оплаты помощи представителя.

В отличие от доверенности договор на оказание юридической помощи является двусторонним соглашением, регулирует отношения непосредственно между представителем и доверителем, предусматривает права и обязанности сторон, определяет возмездность поручений и другие правовые регламентации взаимоотношений сторон.

Каждый из обозначенных документов играет свою определенную роль в урегулировании отношений между доверителем, представителем и третьими лицами, и не может подменять друг друга.

Доверенность, выдаваемая представителю от лица доверителя, для физических лиц оформляется письменно или с использованием электронной подписи, а для юридических лиц установлена обязательность подписания доверенности уполномоченным лицом организации (ч.1 ст.61 ГПК РК) [6]. Исходя из п.1 ст.170 ГК РК, смена руководителя юридического лица не аннулирует доверенность, и, если она не отозвана, поверенный вправе продолжать выполнять действия, оговоренные в этом правоустанавливающем документе [118].

Законодатель допускает участие представителя в судебном процессе не только путем доверенности, оформленной в надлежащей форме, но и на основании устного заявления, занесенного в протокол судебного заседания, при условии личного присутствия доверителя (ч.5 ст.61 ГПК РК) [6].

Особый интерес вызывает тема исследования полномочий, которыми доверитель наделяет своего поверенного путем выдачи доверенности.

Как отмечает С.А. Халатов, полномочие судебного представителя представляет собой одновременно и субъективное право на совершение процессуальных действий от имени и в интересах представляемого, и обязанность реализовать такие действия, которые направлены на достижение правовых последствий для доверителя [111, с.155].

К.И. Скловский и М.И. Брагинский придерживаются схожей позиции, рассматривая полномочие как самостоятельное правовое явление, не тождественное субъективному праву. К.И. Скловский указывает, что полномочие не подлежит передаче ни в порядке цессии, ни в рамках традиции, что подтверждается институтом передоверия: даже при его наличии изначальное полномочие у представителя сохраняется [137, с.110]. М.И. Брагинский также отмечает, что полномочие выходит за рамки классической конструкции субъективного права, и следует его сопоставлять с категорией секундарных прав [138, с. 59].

В научных трудах отмечается сложная природа полномочий представителя, которые сочетают в себе элементы как субъективного права, так и обязанности. Эти полномочия направлены на совершение юридически значимых действий от имени и в интересах доверителя, однако нередко выходят за рамки классической правовой конструкции. Иными словами, представитель – это «продолжение» доверителя в правовом поле, а сам механизм сводится к тому, что доверитель наделяет представителя правом совершать юридические действия и представитель обязан действовать в соответствии с этими полномочиями. Однако у представителя появляется не только субъективное право выступать от имени доверителя, но и комплекс обязанностей (перед судом, профессиональным сообществом, законом и т.д.), в результате чего возникает более сложная модель, в которой у представителя могут быть дополнительные ограничения (например, следовать нормам профессиональной этики). В данном случае можно проиллюстрировать ситуацию, когда адвокат

обязан защищать интересы доверителя, однако он не может использовать заведомо ложные доказательства или нарушать требования законодательства об адвокатской тайне. Если доверитель настаивает на обратном, адвокат обязан отказать в таких действиях, тогда, соответственно, «классическая» схема правоотношений не работает, поскольку модель выходит за рамки «доверитель уполномочил – представитель сделал».

Таким образом, содержание полномочий часто зависит не только от воли доверителя, но и конкретных условий представительства, что делает его гибким инструментом правового регулирования.

Особенности полномочий представителя в гражданском процессе включают: действие исключительно в интересах представляемого; только те действия, которые соответствуют полномочиям представителя, могут порождать юридические последствия; представитель обладает процессуальными правами и несет обязанности в рамках полученных полномочий (как в материальной, так и процессуальной плоскости).

Полномочия представителя в суде подразделяются на общие и специальные. Такая классификация позволяет определять границы возможностей осуществления представителями процессуальных действий и призвана служить защитой от возможных злоупотреблений.

Общие полномочия разрешают представителю от имени доверителя выполнять перечисленные в ч.1 ст.46 ГПК РК процессуальные действия, в том числе знакомиться с материалами дела, делать выписки из них и снимать копии; заявлять отводы; представлять доказательства и участвовать в их исследовании; задавать вопросы другим лицам, участвующим в деле, свидетелям, экспертам и специалистам; заявлять ходатайства; давать устные и письменные объяснения суду; приводить свои доводы по всем возникающим в ходе судебного процесса вопросам; возражать против ходатайств и доводов других лиц, участвующих в деле; участвовать в судебных прениях; знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него письменные замечания; обжаловать решения, определения и постановления суда; пользоваться другими процессуальными правами, предоставленными законодательством Республики Казахстан о гражданском судопроизводстве [6].

Перечень специальных полномочий на совершение процессуальных действий закреплен в ч.1 ст.60 ГПК РК. К ним относятся: подписание иска, передача дела в арбитраж или суд Международного финансового центра «Астана», заключение мирового соглашения, медиации или партисипативной процедуры, отказ или признание иска, изменение исковых требований, передоверие, обжалование судебного акта, подача заявления о пересмотре судебного акта, требование принудительного исполнения, получение присужденного имущества, отказ от апелляционной жалобы, ходатайства о пересмотре в кассационном порядке судебного акта. Согласно ч.3 указанной статьи право представителя на совершение любого из перечисленных процессуальных действий должно быть отражено в доверенности [6].

С учетом положений п.8 Нормативного постановления Верховного Суда РК №2 от 20 марта 2003 года «О применении судами некоторых норм

гражданского процессуального законодательства», отсутствие в доверенности специальных полномочий свидетельствует о том, что представитель вправе совершать только общие процессуальные действия [131].

Следовательно, разграничение общих и специальных полномочий представителя имеет принципиальное значение для определения допустимого объема его процессуальных действий в рамках судебного разбирательства.

В этом контексте актуализируется вопрос расширения процессуальных механизмов защиты прав и законных интересов граждан, в том числе посредством развития института коллективных исков, законодательное внедрение которых Указом Президента РК от 8 мая 2024 года поручено изучить Правительству РК [139].

В основном такие иски касаются злоупотреблений в сфере рыночной деятельности и подаются в целях защиты прав отдельных категорий потребителей, получивших некачественные услуги, работы или товары. В качестве примера председатель РКА А. Бикебаев упоминает антимонопольное расследование в отношении авиакомпании «Air Astana», которая необоснованно включала в стоимость билетов топливный сбор. В результате компания была оштрафована, но пассажиры не получили компенсацию, так как индивидуальные судебные разбирательства оказались экономически нецелесообразны. По мнению эксперта, похожие иски могут появиться в табачной индустрии, транспортных перевозках, в сфере мобильных операторов, топлива и угля [140].

Коллективные иски, получившие широкое распространение в США, Японии, России, представляют собой эффективный механизм защиты прав большого числа лиц, пострадавших от аналогичных нарушений. Данная форма судебного разбирательства призвана объединить однотипные требования в одном процессе, тем самым существенно снижая процессуальные издержки и нагрузку судов.

Таким образом, законодательное внедрение коллективных исков способствует реализации судебной защиты и осуществления полномочий судебных представителей без оформления множественности доверенностей благоприятно отразится не только на интересах доверителей, но и позволит ускорить процесс судопроизводства по гражданским делам, выработать единообразную практику разрешения споров по этой категории. По мнению А. Бикебаева, коллективные иски увеличат объем работы для адвокатов и юридических консультантов [140].

Во исполнение поручения Президента РК разработан проект Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам конкуренции», в котором предлагается внести изменения в ГПК РК посредством включения главы 26-1, регламентирующей порядок рассмотрения коллективных исков. В рамках такого иска истец-инициатор (физическое лицо) представляет интересы участников группы без доверенности на основании письменных заявлений и заключенного между ними договора присоединения, а в случае иска, поданного общественным объединением – согласно положениям устава [141].

Внесение вышеуказанных изменений исключит необходимость оформления от каждого истца доверенности при подаче в суд и рассмотрении коллективных споров.

При этом участие в коллективном иске одного истца-инициатора не исключает возможность привлечения представителя, что повышает востребованность профессиональной юридической помощи.

Следует отметить, что действующее процессуальное законодательство уже содержит нормы, позволяющие суду объединить однородные дела, которые можно в определенной мере приравнять к коллективным. Так, согласно ч.3 ст.167 ГПК РК, судьи, выявив в производстве суда несколько однородных дел с участием одних и тех же сторон либо несколько дел, по которым один истец предъявляет требования к разным ответчикам или разные истцы – к одному ответчику, вправе по собственной инициативе или по ходатайству сторон объединить эти дела в одно производство, если сочтет это целесообразным [6].

Помимо этого, в гражданском процессуальном праве предусмотрена специальная процедура рассмотрения однотипных исков вышестоящей судебной инстанцией. В соответствии со ст.27-1 ГПК РК, областной и приравненный к нему суд может с согласия сторон истребовать одно из однородных дел, находящихся в производстве районных (городских) судов или приравненных к ним судов данной области, принять его к своему производству и рассмотреть по правилам суда первой инстанции [6].

Вместе с тем, в вопросе оформления судебного представительства, объединенные в одно гражданское дело иски, наверняка будут отличаться от дел, возбужденных в порядке коллективного иска. Этот вопрос, безусловно, требует более тщательного изучения и регламентации.

Немаловажное значение имеет правовая природа отношений между представителем и представляемым, которая напрямую зависит от условий договора, служащего основой для определения прав и обязанностей сторон. Договорные рамки устанавливают правовой режим взаимодействия и устанавливают механизмы, обеспечивающие исполнение обязательств, которые в свою очередь влияют на стабильность и предсказуемость правовых отношений. Необходимость надлежащего исполнения этих обязательств не только способствует защите интересов сторон, но является основой для эффективного правового взаимодействия в рамках представительства.

Согласно ст.17 Профильного закона, юридическая помощь физическим и юридическим лицам предоставляется на основании письменного договора, если иное не предусмотрено законодательством [7]. Такой договор регулируется общими положениями гражданского права, за исключением случаев, когда специальные нормы предписывают иное.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению договора об оказании юридической помощи, что обусловлено его сложной структурой, вариативностью содержания и особенностями субъектного состава.

Исследователи по-разному трактуют правовую природу такого договора, выделяя в нем как общие черты с традиционными видами обязательств, так и элементы, требующие специальной регламентации.

Так, А.В. Орлов рассматривает договор об оказании юридической помощи как разновидность договора возмездного оказания услуг [142, с. 1].

М.В. Кратенко также наблюдает в договоре об оказании юридической помощи основу в виде договора возмездного оказания услуг, но при этом не ограничивается только этим договором, отмечая также, что исследуемый договор может быть непоименованным и смешанным договором [143, с. 6].

Схожую позицию занимает И.С. Токматов, который, наряду с договорами подряда и поручения, считает наиболее адекватной моделью для определения договорных отношений в сфере юридической помощи – договор возмездного оказания услуг. Он указывает, что такая модель наиболее полно отражает специфику правоотношений: наличие профессионального элемента со стороны исполнителя, возмездность и ориентация на достижение результата [144, с. 11].

В свою очередь, Ю.В. Романец обращает внимание не только на смешанную правовую природу рассматриваемого договора, но и на необходимость специальной правовой регламентации. Автор обращает внимание, что в договоре об оказании юридической помощи присутствуют элементы договора подряда, поручения и возмездного оказания услуг, и при этом действующее регулирование не в полной мере отражает специфику содержания возникающих правоотношений [145, с. 286].

Такой же комплексный подход предлагает И.А. Владимирова, указывая, что в зависимости от содержания правоотношений, данный договор может быть определен как договор на оказание услуг, договор поручения, подряда, либо как смешанный договор, особенно в тех случаях, когда речь идет об отношениях между адвокатом и доверителем [146, с. 87].

Аналогичной точки зрения придерживается В.Р. Дюкина, которая на основе сравнительно-правового анализа приходит к выводу, что юридическая помощь может оформляться в виде поименованного, непоименованного или смешанного гражданско-правового договора. В этом контексте подчеркивается свобода сторон в выборе правовой конструкции, наиболее соответствующей их интересам [147, с. 18; 148, с. 40-43].

Таким образом, некоторые исследователи видят в договоре об оказании юридической помощи элементы договора поручения или подряда, в то время как другие считают его договором возмездного оказания услуг, смешанным или непоименованным договором.

Если брать в основу диспозитивно-разрешительный характер гражданского права, то допускается объединение элементов различных договоров в одном, что актуально для договора оказания юридической помощи. Часто заключаются договоры, сочетающие черты договора поручения (представительство в суде) и договора возмездного оказания услуг (составление документов и т.п.). Можно прийти к выводу, что, хотя договор оказания юридической помощи сам по себе не охватывает все аспекты юридической помощи, он может быть дополнен элементами других договоров в соответствии с требованиями конкретной ситуации, что делает его смешанным договором.

Обоснованным представляется разграничение договоров об оказании юридической помощи, заключаемых адвокатом и юридическим консультантом.

Статья 47 Профильного закона выделяет пять основных условий для договора об оказании юридической помощи, заключаемого адвокатом: личные данные адвоката или название адвокатской конторы; форма организации адвокатской деятельности; содержание принимаемого поручения; размер и условия оплаты помощи и возмещения расходов; условия и порядок расторжения договора [7].

Следует отметить, что в связи с отсутствием законодательного закрепления требований к содержанию договора на оказание юридической помощи, заключенного юридическими консультантами, последние, как правило, ориентируются на условия, предъявляемые к договору, заключаемому адвокатами, хотя их условия не всегда совпадают. Так, на юридического консультанта не распространяется применяемый к адвокатам запрет на заключение договора, ставящего зависимость вознаграждения от исхода дела, и получение части от присужденной суммы. Кроме того, на него не возлагается обязанность отчитываться перед доверителем о выполнении условий договора.

Для заключения договора, согласно п.1 ст.393 ГК РК, нужно достижение согласия по всем ключевым условиям, к которым относятся: предмет договора и условия, признанные законодательством и сторонами необходимыми для данного вида договоров. Отсутствие хотя бы одного из них делает заключение договора невозможным [118].

Рассматривая основания возникновения правоотношений между представителем и представляемым, стоит уделить внимание содержанию договора об оказании юридической помощи.

Концептуальные подходы к определению предмета договора об оказании юридической помощи представляют особый интерес.

Так, В.И. Сергеев, делая акцент на процессе оказания юридической помощи, усматривает предмет в совершении определенных юридических действий или осуществлении профессиональной деятельности, в независимости от наличия или отсутствия материального результата [149, с.188].

Схожую позицию занимают А.М. Ярошевская и З.Р. Бахриева, которые подчеркивают значимость самой деятельности исполнителя, рассматривая в качестве предмета результат, обладающий полезными свойствами, способными удовлетворить потребности доверителя в процессе выполнения юридических действий. При этом особое внимание уделяется тому, что юридическая услуга потребляется заказчиком непосредственно в ходе ее оказания, а не по достижении какого-либо итогового результата [150, с.165].

М.Ю. Шарапов также обращает внимание на то, что судебная практика, как правило, исходит из позиции, согласно которой принятие судом благоприятного для доверителя решения не входит в предмет договора об оказании юридической услуги. Вместе с тем автор подчеркивает, что материальное выражение результата (составление иска), может быть частью предмета договора юридической помощи [151, с.624].

Также представляется целесообразным обратить внимание на то, что в теоретической плоскости до настоящего времени отсутствует единая позиция относительно однозначного определения юридической помощи в качестве

услуги, что, в свою очередь, порождает необходимость выработки особого правового подхода к ее правовой природе.

В развитие этой дискуссии следует отметить, что некоторые исследователи, в частности Г.К. Шаров, О.Н. Бондарь и К.Е. Михайленко, не разграничивают понятия «юридическая помощь» и «юридическая услуга», рассматривая их как взаимозаменяемые в правовом обороте. В то же время ряд авторов, включая Д.В. Музюкина, напротив, подчеркивают принципиальное различие между этими категориями, указывая на отсутствие коммерческой заинтересованности при оказании юридической помощи [152, с.145; 153, с.225].

Для более глубокого понимания природы этих различий необходимо обратиться к нормативным основаниям, определяющим правовой статус субъектов, осуществляющих юридическую деятельность в РК.

Тем самым проводится линия разграничения между профессиональной деятельностью, направленной на защиту прав и свобод, и предпринимательской деятельностью. Особо следует отметить, что адвокатская деятельность прямо исключает возможность ее осуществления наряду с предпринимательством, в то время как юридические консультанты таким ограничением не обременены, и, тем не менее, оба субъекта наделены возможностью реализации конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь. В этой связи представляется обоснованным вывод о том, что адвокаты и юридические консультанты не предоставляют «услугу» в традиционном гражданско-правовом понимании этого термина, где ключевым элементом выступает получение определенного и измеримого результата. Их деятельность имеет иную специфику, обусловленную уникальностью судебного представительства, необходимостью индивидуального подхода к каждому делу и влиянием множества правовых и фактических факторов. В этой связи более корректным представляется использование термина «юридическая помощь», которое подчинено особому правовому режиму и регламентации соответствующими нормативно-правовыми актами.

С учетом особого порядка оказания юридической помощи и ее нормативной базы, логичным продолжением исследования представляется обращение к правовому регулированию ее оплаты.

Так, исходя из положений ст.47 Профильного закона, вопросы оплаты юридической помощи, оказываемой адвокатами, регулируются договором [7].

Н. Канестрини считает, что этические нормы требуют разумного размера гонорара: представитель, запрашивающий чрезмерную оплату, несоразмерную объему работы, нарушает профессиональную этику, подрывая принципы справедливости и честности [154].

Чтобы избежать подобных злоупотреблений и обеспечить соблюдение принципов разумности и честности в получении вознаграждения за оказанную юридическую помощь, в Профильном законе и Кодексе профессиональной этики адвоката РК установлены дополнительные требования к содержанию письменного договора между адвокатом и доверителем.

В Профильном законе установлен запрет на принятие адвокатом или адвокатской конторой наличных денежных средств, без оформления и выдачи

надлежаще оформленного финансового документа [7]. Аналогичные условия содержатся в п. 17 Кодекса профессиональной этики адвокатов РК, с дополнительным указанием о возможности третьих лиц выступать в роли плательщиков [119]. Такой подход к регулированию оплаты направлен на обеспечение прозрачности и добросовестности в отношениях между адвокатом и доверителем. В продолжение этого устанавливается, что адвокату запрещено принимать имущество в качестве обеспечения исполнения договора и приобретать предмет спора в счет оплаты за оказание юридической помощи.

Обратим внимание, что правовые акты, регламентирующие оказание юридической помощи, не устанавливают систему и структуру определения стоимости юридической помощи. Вместе с тем, в публикации «О средней стоимости услуг адвокатов (по видам услуг) по результатам мониторинга» РКА уточняет критерии определения гонорара: сложность и категория дела; объем требований; время на подготовку; срочность; способ оплаты (фиксированная, помесечная, почасовая); квалификация и опыт адвоката, его известность; регион оказания помощи; конкуренция, инфляция [155].

В странах СНГ аналогичные нормы включены в Кодекс профессиональной этики, что представляется более логичным, по сравнению с размещением подобной информации в источниках, не регулирующих оказание юридической помощи. В РФ, согласно Кодексу профессиональной этики адвоката (п.2 ст.16), размер вознаграждения согласовывается с учетом объема и сложности работы, необходимого времени, срочности задачи, квалификации и профессионального стажа, а также других факторов [156]. Правила адвокатской этики (ст.33) в Украине также включают новизну юридической задачи и ее важность для клиента, роль адвоката в достижении желаемого результата, а также иные обстоятельства, имеющие значение для определения гонорара [157, с.111].

Аналогичные принципы действуют в США, где, например, в штате Алабама адвокатам запрещено взимание чрезмерно высокой платы за свое содействие, их гонорар основывается на критериях затраченного времени, объема работы, степени занятости адвоката и стандартных тарифах за участие в аналогичном деле. В некоторых штатах, таких как Делавэр и Аляска, адвокаты обязаны информировать клиентов о гонорарах письменно, если сумма вознаграждения превышает определенный порог. Во Флориде это правило применяется, если адвокат не является постоянным юристом, действующим на основании трудового договора, с доверителем (ч.«е» нормы 4-1.5 Правил профессионального поведения) [158].

Установление детальных критериев для определения гонорара укрепляет доверие доверителей, упрощает разъяснение порядка расчета вознаграждения и служит ориентиром в профессиональной деятельности. Следовательно, РКА следует закрепить в Кодексе профессиональной этики критерии, определяющие размер оплаты юридической помощи адвоката.

Продолжая рассмотрение договора на оказание квалифицированной юридической помощи, необходимо отметить, что как гражданско-правовое соглашение, он подразумевает ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств.

В этой связи особую значимость приобретает институт страхования профессиональной ответственности, который служит дополнительной гарантией защиты прав и интересов доверителей, позволяя компенсировать причиненный им вред.

Кроме того, лицо, оказывающее юридическую помощь, может быть привлечено к дисциплинарной ответственности со стороны профессиональной организации (например, коллегии адвокатов) вплоть до приостановления или лишения права на осуществление профессиональной деятельности, что будет рассмотрено ниже.

Договор на оказание квалифицированной юридической помощи также обладает фидуциарным характером (основанным на доверительных отношениях), что предполагает специфические условия как для начала, так и для окончания сотрудничества сторон.

Судебное представительство прекращается по завершению исполнения поручения, предусмотренного договором. Если внутренние правоотношения (между представителем и представляемым) завершаются, должны прекратиться и внешние полномочия, включая действия по доверенности. Если полномочия продолжают действовать после завершения внутренних правоотношений (например, после подписания соглашения о расторжении договора), это может привести к нарушению принципа свободы договора и создать риск злоупотребления полномочиями со стороны представителя.

Внешние правоотношения, выраженные через доверенность, прекращаются с окончанием полномочий по ряду причин: истечение срока, выполнение предусмотренных действий, отмена доверенности, отказ доверенного лица, прекращение или ликвидация юридического лица, смерть, объявление умершим, признание недееспособным или безвестно отсутствующим лица, выдавшего или получившего доверенность (ст.170 ГК РК) [118].

В контексте профессиональных представителей также можно усмотреть, что прекращение действия доверенности может быть следствием исключения или выхода представителя из членства коллегии адвокатов или из палаты юридических консультантов. Однако такая ситуация не исключает возможность оказания юридической консультации без ведения дела в суде (п.3 ст.20 Профильного закона).

Прекращение представительства в суде может быть также обусловлено процессуальными обстоятельствами, такими как вынесение судебного решения, оставление иска без рассмотрения, прекращение соучастия между сторонами либо установление факта нарушения норм ГПК РК при оформлении представительства и т.д..

При этом прекращение внешних правоотношений не ведет к окончанию внутренних отношений между сторонами, так как могут оставаться неурегулированные вопросы, например, выплата вознаграждения за действия, выполненные представителем в период осуществления им юридической помощи.

Следующий вопрос, требующий внимания в контексте исследования прекращения договорных обязательств – это конфликт интересов в правоотношениях, формируемых в представительстве по поручению.

Конфликт интересов возникает, когда личные интересы лица, оказывающего юридическую помощь, противоречат интересам доверителя, что может привести к отказу в помощи или ее низкому качеству (п.9 ст.1 Профильного закона) [7]. Указанное определение является узким и ограниченным, поскольку описывает исключительно конфликт интересов между адвокатом или юридическим консультантом, с одной стороны, и его доверителем, с другой. Вместе с тем конфликт интересов может возникнуть и при соучастии сторон либо внутри предприятия (между учредителем и исполнительным органом, к примеру), если их позиции не согласованы.

Положения ст.ст. 32 и 76 Профильного закона возлагают на представителей обязанность отказаться от представления интересов доверителя в случае конфликта интересов или других обстоятельств, исключающих их участие [7].

Кодекс профессиональной этики адвоката РК дополняет эти нормы, указывая на необходимость отказа от оказания юридической помощи, если доверитель требует незаконных методов защиты своих интересов. Обязанность расторгнуть договор установлена и в случае, когда адвокат считает себя некомпетентным в разрешении вопросов, связанных с существом дела. При наступлении такого обстоятельства, адвокат обязан незамедлительно уведомить доверителя, чтобы он мог произвести замену представителя [119].

Вместе с тем, указанные положения Кодекса, с одной стороны, обязывающие адвоката отказаться от поручения, если он считает себя некомпетентным (п.13), а с другой стороны, требующие от адвоката в целях оказания доверителю помощи принять все меры к выяснению обстоятельств дела, изучить судебную практику, специализированную литературу, при необходимости привлечь специалистов (п.4) [119], вступают в противоречие друг с другом. Остается неясным, почему представитель должен отказаться от исполнения своих обязанностей, если одновременно он обязан принимать необходимые меры к тому, чтобы разобраться в возникшей у его доверителя правовой ситуации. Более того, норма, предусматривающая отказ адвоката от оказания помощи по субъективному основанию, то есть по собственной оценке своей некомпетентности, в корне противоречит основному назначению адвокатской деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи, что само по себе предполагает, что адвокат способен оказывать такую юридическую помощь, и, заключив с доверителем договор, обязан выполнить условия надлежащим образом и в полном объеме.

Таким образом, норма об отказе адвоката от исполнения договора позволяет на любой стадии отказаться от выполнения поручения доверителя, сославшись на этические нормы. Представляется, что в случае отказа адвоката от оказания юридической помощи со ссылкой на свою некомпетентность, адвокат подлежит рассмотрению на предмет соответствия профессиональным требованиям в коллегии адвокатов. В связи с чем РКА следует рассмотреть вопрос об

исключении из Кодекса профессиональной этики адвоката п.13, обязывающего адвоката отказаться от поручения по основанию некомпетентности.

В рамках настоящего параграфа детально проанализированы основания возникновения правоотношений между представителем и представляемым, что позволило выявить комплекс юридических факторов, определяющих формирование полномочий в судебном представительстве. В частности, исследование правовой природы доверенности и договора, а также выявление различий между ними, позволило уточнить, каким образом возникают права и обязанности сторон в процессе представительства по поручению. С учетом планируемого введения коллективных исков, этот анализ становится особенно актуальным, поскольку требует адаптации нормативных инструментов к современным реалиям правоприменительной практики.

Также в работе проанализированы основания для прекращения судебного представительства, на основании чего сделан вывод, что выявленная правовая коллизия в нормах Кодекса профессиональной этики свидетельствует о необходимости пересмотра механизмов предотвращения конфликта интересов и совершенствования правового регулирования взаимоотношений между представителем и представляемым.

2.2 Порядок получения статуса адвоката и юридического консультанта как представителей в судах Республики Казахстан

Исследуемая тема вызывает особый интерес в связи с тем, что из всех перечисленных в ст.58 ГПК субъектов представительства по поручению именно адвокаты и юридические консультанты являются профессиональными представителями в суде.

Процесс получения указанных статусов является ответственным этапом, требующим подтверждения наличия не только обширных и глубоких знаний в различных отраслях права, но и строгого соответствия моральным и этическим принципам юридической профессии, установленных для выполнения миссии по оказанию квалифицированной юридической помощи лицам, нуждающимся в защите и представлении их прав и законных интересов.

Сравнительный правовой анализ положений Профильного закона, касающихся регламентации требований к кандидатам на получение права на оказание профессиональной юридической помощи, показывает, что законодатель установил более строгие требования к лицам, претендующим на право занятия адвокатской деятельностью, чем к кандидатам на вступление в палату юридических консультантов.

Претенденты на получение статуса адвоката, за исключением лиц, определенной категории (судей, прокуроров, работников следственных органов, при наличии стажа работы в должности прокурора или следователя не менее десяти лет, кроме уволенных по отрицательным мотивам), должны пройти стажировку сроком до 1 года, по результатам которой Президиумом рассматривается вопрос об ее утверждении. Заключение о завершении

стажировки с положительным результатом служит основанием для допуска к аттестации, успешное прохождение которой дает право на получение лицензии.

Вместе с тем для вступления в палату юридических консультантов законодатель не установил требований о прохождении стажировки, предусмотрев лишь необходимость аттестации на базе выбранной ими палаты, а также предоставил палатам полномочия по самостоятельному установлению дополнительных требований к кандидатам для присвоения этого статуса.

Таким образом, для обретения статуса адвоката к кандидатам установлены обязательные этапы, начиная с прохождения стажировки, далее – аттестация и, в случае ее успешной сдачи, – получение лицензии, тогда как для вступления в палату юридических консультантов стажировка и лицензирование не предусмотрены.

Указанное свидетельствует, что в отношении доступа к профессии адвокатов существуют императивные нормы, тогда как в отношении желающих стать юридическими консультантами – диспозитивные. Очевидно, что отсутствие единых регламентированных требований для допуска к деятельности юридических консультантов порождает неоднородную практику различных палат по определению правил приема лиц, желающих заниматься оказанием квалифицированной юридической помощи. Кроме того, отсутствие обязательной стажировки для кандидата на статус юридического консультанта, несомненно, понижает планку необходимого уровня квалификации данной категории профессиональных представителей.

Прохождение стажировки для получения права на оказание квалифицированной юридической помощи является важным этапом подготовки и отбора, направленных на приобретение углубленных профессиональных знаний и практических навыков, актуальных с точки зрения профессионализации судебного представительства.

Рассматривая порядок получения статуса адвоката, следует обратить внимание, что Профильный закон в ст.38 предусматривает требования к стажеру о наличии гражданства Республики Казахстан, высшего юридического образования, и устанавливает процедурный порядок для получения права на прохождение стажировки [7].

Лицо, обладающее гражданством Республики Казахстан и высшим юридическим образованием, и желающее приобрести знания и навыки в области адвокатуры, должно обратиться в Президиум коллегии адвокатов с заявлением о допуске к стажировке и представить необходимые документы, перечень которых регламентирован в Положении о порядке прохождения стажировки стажерами адвокатов [159].

Президиум коллегии, проверив соответствие лица вышеуказанным критериям, принимает решение о допуске к стажировке либо об отказе. При положительном решении устанавливается срок стажировки и назначается руководитель, после чего со стажером заключается договор, который включает следующие условия: дату и место подписания, сведения о месте стажировки, права, обязанности, ответственность стажера, его руководителя и Президиума,

срок стажировки, порядок оплаты стажировки, а также иные условия, не противоречащие законодательству [7].

Назначение руководителя стажировки из числа членов коллегии адвокатского сообщества зависит от стажа адвоката, минимальный порог которого должен составлять пять лет. В определенных ситуациях, например, в случае исключения адвоката из коллегии или приостановке его лицензии, Президиумом назначается другой руководитель [159].

Продолжительность стажировки устанавливается на срок от шести месяцев до одного года. Максимальный срок стажировки может быть сокращен Президиумом по ходатайству руководителя стажера, однако такая возможность не распространяется на стажеров, не имеющих требуемого для вхождения в профессию опыта работы в юридической сфере (не менее двух лет). Установление этого условия видится правильным, как с точки зрения обеспечения функциональности цели стажировки – необходимости обретения навыков в профессии, так и для самого стажера, поскольку срок стажировки засчитывается в его профессиональный стаж, компенсируя тем самым недостающий опыт для получения статуса адвоката.

В связи с тем, что Типовая программа стажировки [159] предусматривает большой объем теоретической и практической работы, предполагается, что стажер проводит значительное время в месте прохождения стажировки и выполняет задания, полученные от адвоката-руководителя, что зачастую препятствует совмещению стажировки с иной деятельностью.

Согласно п.6 ст.38 Профильного закона, стажировка зачисляется в профессиональный юридический стаж трудовой деятельности [7].

Трудовой стаж по пп.29 п.1 ст.1 ТК РК – это календарные дни, затраченные на осуществление трудовых обязанностей, а также периоды, подлежащие включению в стаж по трудовому законодательству [129].

Положения Профильного закона, пересекаясь со сферой трудового законодательства, не означают, что профессиональный стаж и трудовой стаж являются идентичными понятиями, так как при заключении трудового договора и договора о стажировке у сторон возникают разные права и обязанности. Свидетельством различия этих понятий является также наступление отличных друг от друга правовых последствий этих правоотношений. К примеру, включив время стажировки в профессиональный стаж, Закон не предусматривает оплату за время стажировки, за исключением п.6 ст.38 Закона, когда стажер принят на работу помощником адвоката с заключением трудового договора [7].

На сегодняшний день профессиональный стаж адвокатской деятельности не имеет правового значения для исчисления пенсии, так как при ее расчете учитывается только общий трудовой стаж. В отличие от трудовой деятельности, связанной с исполнением трудовых обязанностей, за нарушение трудовой дисциплины работник несет ответственность, в том числе дисциплинарную, материальную. К стажеру такие меры не могут быть применены, поскольку его стажировка в отношениях с его руководителем не носит обязательственный характер и основывается на добровольных началах,

поскольку в ее основе лежит желание кандидата в адвокаты обучиться профессиональным навыкам этой профессии. Как указывалось выше, заработная плата стажеру не предусматривается, за исключением принятия его на работу в качестве помощника адвоката. Напротив, за возможность получения необходимых знаний и навыков предусмотрена оплата стажером стоимости стажировки, которая перечисляется в Президиум коллегии.

В контексте рассмотрения вопросов распределения вознаграждения за проведенную стажировку, РКА предлагает перенять опыт Украины, где взнос стажера делится между советом адвокатов коллегии и адвокатом-руководителем. Такой подход, по мнению РКА, не только позволит компенсировать образовательный вклад адвоката в обучении стажера, но и даст возможность определить его ответственность за окончательный результат стажировки [160].

Таким образом, можно констатировать, что вопросы оплаты стажировки стажером и ее распределения требуют правовых изменений в регламентации, позволяющих учесть баланс интересов адвокатов, стажеров и Президиумов коллегий.

По результатам стажировки адвокат составляет заключение для Президиума, которым принимается решение об утверждении либо отказе в утверждении заключения о прохождении стажировки. В случае вынесения отрицательного заключения по итогам стажировки, стажер имеет право оспорить данное решение, обратившись с жалобой в РКА или инициировать судебное разбирательство, тем самым обеспечивая защиту своих интересов и проверку законности вынесенного заключения.

Заключение об успешной стажировке действительно три года с момента утверждения, однако, представляется, что данный срок следует сократить до одного года в целях актуализации использования профессиональных знаний и навыков.

В Национальном докладе РКА о состоянии адвокатуры и деятельности адвокатов по защите прав и свобод граждан за 2024 год подчеркивается значимость института стажировки как ключевого этапа на пути к профессии. Согласно докладу, в отчетном году в территориальные коллегии подано 773 заявления от желающих пройти стажировку. Из этого числа 768 претендентов допущены, однако успешно завершили стажировку лишь 563 стажера. Таким образом, почти каждый третий не сумел преодолеть этот отборочный барьер, что лишний раз свидетельствует о серьезности механизма профессионального отбора [49, с. 40].

В контексте дальнейших процедур, связанных с подтверждением профессиональной пригодности, следует отметить, что до мая 2023 года кандидаты, успешно завершившие стажировку, проходили аттестацию при комиссии, созданной при территориальных органах юстиции. Основными задачами аттестационных комиссий являлись качественный отбор претендентов на получение лицензии на право осуществления адвокатской деятельности. Процесс аттестации подробно описан в Профильном законе и Положениях, утвержденных приказом Министра юстиции [161], в которых

определялся состав комиссии, порядок подачи заявления и процедура аттестации лиц, допущенных к этапу получения лицензии. Для обеспечения прозрачности работы комиссии заседания проводились открыто и на них могли присутствовать СМИ, представители РКА, члены коллегий адвокатов, велась аудио- и видеозапись либо стенографирование [7].

В настоящее время проверка знаний кандидатов на предмет способности осуществления квалифицированной юридической помощи проводится не вышеназванными комиссиями, а в автоматизированном режиме в рамках Пилотного проекта автоматизированной аттестации, реализуемого на основании совместного приказа МЮ РК от 26 мая 2023 года №344 и и.о. Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности РК от 27 мая 2023 года №115/НК [162].

При этом с введением в действие Пилотного проекта содержащиеся в Профильном законе нормы об аттестации не приостановлены, то есть подлежат применению, что свидетельствует о коллизии действующего порядка прохождения аттестации.

Профильным Законом в п.6 ст.40 определено, что аттестация лиц, претендующих на занятие адвокатской деятельностью, состоит из двух этапов:

- 1) комплексного компьютерного тестирования на знание законодательства и психологической готовности к осуществлению адвокатской деятельности;
- 2) практического задания по анализу обстоятельств дела с использованием необходимых источников [7].

Предусмотренная в Пилотном проекте аттестация также устанавливает двухэтапную проверку знаний претендентов на занятие адвокатской деятельностью, но с проведением проверки выполнения практического задания по анализу обстоятельств дела не в форме устного экзамена, как предусмотрено Профильным законом, а путем компьютерного тестирования.

При проведении аттестации как способом, определенным в Профильном законе, так и по Пилотному проекту, в целях равенства возможностей, объективности и исключения коррупционных рисков, вопросы и ответы аттестации запрещено передавать через открытые каналы связи, для этого используется электронный носитель. Их обработка, хранение и уничтожение проводятся с обеспечением информационной безопасности с применением техники без доступа к Интернету и возможности передачи данных.

При прохождении первого этапа комплексного тестирования на знание законодательства и психологической готовности к адвокатской деятельности запрещено использовать справочные материалы и электронные устройства, в то время как второй этап по Профильному закону разрешает их применение. В рамках автоматизированной аттестации не допускается использование справочных материалов или электронных устройств и кандидаты при прохождении тестирования должны полагаться исключительно на свои знания и навыки [162].

Несмотря на прогрессивность метода проверки знаний претендентов путем автоматизированного тестирования, более целесообразной и отвечающей целям по качественному отбору претендентов на получение лицензии на право

осуществления адвокатской деятельностью представляется аттестация с применением установленной пп.2 п.6 ст.40 Профильного закона устной формы проверки знаний [7]. Устная форма разрешения практических задач дает возможность комиссии оценить не только способность кандидатов правильно применять нормы права, но и логически излагать свои мысли с обоснованием выбранной позиции по разрешению поставленной задачи. Указанное связано со специфичностью профессии адвоката, который для успешного выполнения задач по судебному представительству, наряду со знаниями права в правоприменительной деятельности, должен обладать способностью убеждения и соответствующей риторикой.

Вызывает сомнения инициатива уполномоченного органа о внедрении повторной аттестации для лиц, получивших лицензию, но не приступивших к адвокатской деятельности. По предложению МЮ, если лицензия не активирована в течение трех лет с момента получения, ее обладатель должен подтвердить свою квалификацию. РКА поддерживает инициативу, подчеркивая значимость проверки актуального уровня подготовки специалистов и их соответствия современным требованиям профессии [49, с. 41].

Вместе с тем, такое нововведение будет противоречить свойству лицензии, в которой не указывается срок действия, что свидетельствует о ее бессрочности. Ограничение срока действия возможно было бы распространить на лицензии, выданные после внесения изменений в законодательство, что соответствует п.1 ст.43 Закона РК «О правовых актах» [163], однако в таком случае не будет соблюдаться баланс – между лицензиями, которые выдавались ранее и теми, которые будут иметь срок разрешительного характера.

В правовом поле предусмотрены отдельные нормы, предусматривающие условия, при которых аттестация для получения лицензии не требуется. В соответствии со ст.39 Профильного закона от аттестации освобождаются следующие категории лиц: прошедшие квалификационный экзамен в Квалификационной комиссии при Высшем Судебном Совете и завершившие стажировку в суде с положительным отзывом; бывшие судьи, ушедшие в отставку, либо освобожденные по собственному желанию или по состоянию здоровья, а также в связи с реорганизацией суда или истечением срока полномочий; бывшие сотрудники прокуратуры и следствия с десятилетним стажем, уволенные не по отрицательным причинам [7].

РКА выступает против такого порядка регламентирования облегченного доступа к получению статуса адвоката, считая необходимым обеспечить равные требования для всех кандидатов [49, с. 41].

Однако законодательное закрепление права на упрощенное получение статуса адвоката бывшими судьями, прокурорами и следователями обосновано их профессиональным опытом, судебной и следственной практикой, глубоким знанием законодательства, что способствует укреплению института адвокатуры, и ограничение этой категории в таком праве создает преграды для использования их профессионального потенциала в интересах правосудия.

Исследовав условия прохождения стажировки и аттестации для получения лицензии на право занятия адвокатской деятельностью, целесообразно

рассмотреть вопросы, связанные с действием лицензии, а также случаями, при которых она приостанавливается или прекращает свое действие.

Указанная лицензия не ограничена по сроку действия и предоставляет адвокату право осуществлять свою деятельность в составе юридической консультации, организованной коллегией адвокатов; вести индивидуальную деятельность без создания юридического лица или учредить адвокатскую контору как самостоятельно, так и в партнерстве [7].

Юридическая консультация действует как структурное подразделение коллегии, имеет собственную печать и необходимые атрибуты для функционирования. Организационная деятельность консультаций регулируется нормативными документами, принимаемыми на собрании членов коллегии, а местоположение и руководство определяются Президиумом.

Адвокатская контора – некоммерческая организация, создаваемая для осуществления деятельности по предоставлению юридической помощи. Контора может функционировать как налоговый агент и представлять интересы адвокатов, владея имуществом, внесенным партнерами. Управление конторой осуществляется через управляющего партнера или согласно партнерскому договору. Изменения в составе партнеров и распределение имущества при выходе партнера регулируются учредительными документами и законодательством.

Адвокат вправе заниматься оказанием юридической помощи индивидуально. Такая практика допускает наличие банковских счетов, использование для профессиональной деятельности личной печати и бланков.

Лицензия на осуществление адвокатской деятельности приостанавливается или полностью аннулируется только в строго установленных случаях. При этом эти ограничения не всегда являются прямым следствием дисциплинарных мер, связанных с профессиональными ошибками, административными правонарушениями или уголовными преступлениями [164].

Законодателем установлены как общие, так и специальные основания для приостановления действия лицензии.

Общие основания не связаны с совершением адвокатом каких-либо нарушений и распространяются на случаи: нахождения адвоката на государственной должности, исполнения оплачиваемых из бюджета депутатских обязанностей, срочной военной службы, подачи заявления о временном прекращении адвокатской практики.

Специальные основания для приостановления действия лицензии обусловлены наличием негативных факторов, требующих проверки и устранения. В таких случаях, как возбуждение дела о возможном аннулировании лицензии, срок ее действия приостанавливается до момента вынесения окончательного решения; если адвокат обвиняется в совершении правового нарушения в уголовном деле – до вступления в силу приговора; при невыполнении требований закона о повышении квалификации – до устранения нарушений, но не более чем на три месяца [7].

Профильный закон предусматривает также другие случаи и сроки приостановления лицензии. Так, право на осуществление адвокатской

деятельности приостанавливается сроком на шесть месяцев: при систематическом (три и более раза за год) предоставлении некачественной юридической помощи, гарантированной государством; нарушении положений о противодействии легализации преступных доходов и финансированию терроризма; осуществлении предпринимательской и другой запрещенной для адвокатов деятельностью [7].

Во всех перечисленных выше случаях решение о приостановлении лицензии выносится уполномоченным органом на основании заявлений территориальных подразделений юстиции, ходатайств коллегий адвокатов [7].

Для возобновления действия лицензии адвокат подает лицензиару заявление с документами, подтверждающими устранение причин, послуживших основанием для приостановления адвокатской деятельности. Информация о приостановлении и восстановлении лицензии публикуется на сайте МЮ.

Профильный закон устанавливает исчерпывающий перечень оснований для прекращения действия лицензии на занятие адвокатской деятельностью [7].

В соответствии с п.3 ст.44 указанного Закона прекращение лицензии осуществляется в порядке определенном Законом РК «О разрешениях и уведомлениях» [165], а также по следующим причинам: признание адвоката недееспособным, ограниченно дееспособным, умершим или пропавшим без вести на основании решения суда, отказ адвоката от гражданства, вступление в законную силу обвинительного приговора за умышленное преступление, освобождение от уголовной ответственности за умышленное преступление по нереабилитирующим основаниям, применение к адвокату принудительных мер медицинского характера, а также смерть адвоката.

Кроме того, основанием для лишения лицензии по иску лицензиата согласно пп.1), 3), 4) и 5) п.4 ст.44 Профильного закона является грубое или неоднократное нарушение адвокатом законодательства, принципов оказания юридической помощи либо Кодекса профессиональной этики адвокатов; неустранение обстоятельств, по которым приостановлено действие лицензии; невыполнение по неуважительной причине требований о повышении квалификации; занятие предпринимательской или иной оплачиваемой деятельностью, за исключением разрешенных для адвоката случаев; выявление факта представления недостоверной информации в документах, явившихся основанием для выдачи лицензии; трехкратное в течение 36 месяцев приостановление лицензии [7]. В таких случаях на основании судебного акта лицензиаром издается приказ о прекращении действия лицензии, о котором уведомляется адвокат, коллегия, правоохранительные органы и суд.

Рассматривая данный вопрос, отметим, что РКА придерживается позиции, что в решении о лишении адвокатской лицензии ключевая роль должна принадлежать дисциплинарной комиссии как органу, способному обеспечить профессиональный и беспристрастный подход, в отличие от формализованного административного вмешательства.

В рамках Концепции развития адвокатуры подготовлены предложения по внесению изменений в Профильный закон, которые предусматривают, что все

случаи нарушений должны первоначально рассматриваться адвокатским сообществом, и только после решения дисциплинарной комиссии МЮ может обратиться в суд с иском о прекращении действия лицензии [49, с. 48].

Особое внимание среди возможных оснований для аннулирования лицензии следует уделить законодательному запрету занятия адвокатом предпринимательской и иной деятельностью. Как ранее было отмечено, п.11 ст.33 Профильного закона запрещает адвокату заниматься предпринимательской деятельностью, занимать должность на государственной службе и иную оплачиваемую должность, кроме четко установленных случаев дозволения [7]. При этом в отличие от Закона РК «Об адвокатской деятельности» [47] действующая редакция Профильного закона допускает совмещение адвокатской деятельности с оплачиваемыми выборными и назначаемыми должностями в коллегиях, РКА и общественных объединениях адвокатов.

В контексте данного вопроса интерес вызывает спор, инициированный МЮ в феврале 2019 года в отношении лишения лицензии адвоката С.. Поводом для подачи иска явились результаты проверки, в рамках которой выявилось, что в период с 2016 по 2018 года адвокат С., не приостановив свой профессиональный статус, занимал должность исполнительного директора РКА, которую уполномоченный орган расценил как не предусмотренную законом «иную оплачиваемую деятельность».

Решением суда №2 города Петропавловска (№5912-19-00-2/1488) иск удовлетворен. В обоснование лишения лицензии суд указал, что занятие ответчиком административной должности в органе управления РКА противоречит установленному законом запрету ведения адвокатом иной оплачиваемой деятельности.

Не согласившись с вердиктом, ответчик обжаловал решение суда в Судебную коллегию по гражданским делам Северо-Казахстанского областного суда, определением №5999-19-00-2а/884 от 21 мая 2019 года которой судебный акт о лишении С. адвокатской лицензии отменен в связи с отказом уполномоченного органа от иска [166].

Не обсуждая законность принятого апелляционной инстанцией судебного акта, вступившего в законную силу, основанного на отказе истца от иска, право на который регламентировано законом, следует отметить, что на момент нахождения адвоката С. на руководящей должности РКА действовали более жесткие законодательные ограничения, которые с принятием Профильного закона были смягчены и перечень разрешенной адвокатам оплачиваемой деятельности расширен. Это свидетельствует об эволюции правового регулирования в пользу увеличения самостоятельности адвокатуры и подчеркивает, что неоднозначные формулировки законодательных норм могут приводить к дисциплинарным и судебным преследованиям, несмотря на принцип минимизации надзора со стороны государства.

В свете изложенного актуальным является вопрос о корректности вынесения судами решений о лишении адвокатской лицензии вне установленного законом механизма.

Несмотря на достаточную законодательную урегулированность данной процедуры, судебная практика показывает, что судебные акты о лишении адвокатской лицензии требуют дополнительного анализа. В частности, приведенное ниже дело адвоката Ж. демонстрирует необходимость переосмысления существующих в судебной системе порядков с целью обеспечения справедливости и сохранения профессиональной самостоятельности адвокатов.

В декабре 2023 года Турксибский районный суд города Алматы в рамках уголовного дела о применении пыток сотрудниками Комитета национальной безопасности вынес частное постановление о лишении лицензии адвоката Ж., представлявшей интересы потерпевших. Основанием для принятия такой меры, по мнению суда, послужило разглашение адвокатом материалов уголовного дела и дача публичного комментария по делу, которое впоследствии передано в закрытый режим рассмотрения.

Адвокат Ж. обжаловала частное постановление, подчеркивая, что оценка профессионального поведения должна осуществляться исключительно в рамках дисциплинарного производства с соблюдением гарантий на защиту и объективное рассмотрение дела независимыми органами адвокатского самоуправления и не должна быть заменена судебным вмешательством. Данную позицию поддержало адвокатское сообщество, отмечая, что подобное предопределенное наказание противоречит международным стандартам, в частности, Основным принципам ООН, которые закрепляют право адвокатов на независимую и защищенную профессиональную деятельность.

В последующем Алматинский городской суд отменил частное постановление как не соответствующее основополагающим принципам регулирования адвокатской деятельности [166].

Таким образом, судебный орган вправе указать в частном постановлении на возможные нарушения со стороны адвоката и обращаться к органам адвокатского самоуправления, однако окончательное решение о наличии дисциплинарного проступка и применении санкции находится исключительно в компетенции дисциплинарной комиссии.

По итогам рассмотрения дела в отношении адвоката Ж. сформирован важный правовой прецедент, подтвердивший приоритет механизмов внутреннего регулирования адвокатского сообщества при разрешении вопросов дисциплинарной ответственности.

Представляется, что решение Алматинского городского суда отвечает самостоятельности адвокатской профессии и согласуется с базовыми демократическими ценностями, провозглашенными в нормативно-правовых актах Республики Казахстан. Кроме того, практика лишения адвоката лицензии по инициативе суда, минуя установленные процедуры внутри адвокатуры, представляется не только юридически уязвимой, но и подрывающей доверие к системе правосудия.

Другим показательным резонансным случаем стало лишение лицензий двух практикующих адвокатов Г. и М.. Основанием для принятия таких решений послужила публикация в социальных сетях фрагментов аудио- и

видеофиксации открытого судебного заседания, в ходе которого, по мнению адвокатов, судья вела процесс с проявлением предвзятости и демонстрировала «обвинительный уклон».

Несмотря на то, что Комиссия по судейской этике официально признала действия судьи порочащими высокий статус должности судьи, каких-либо дисциплинарных последствий не последовало. Напротив, судья подала жалобу в государственные органы, что впоследствии послужило основанием для обращения уполномоченного органа в суды с исками о лишении адвокатов права на осуществление профессиональной деятельности.

Решениями Есильского и Сарыаркинского районных судов города Нур-Султана от 26 февраля 2020 года иски МЮ удовлетворены, ответчики лишены лицензий на право занятия адвокатской деятельностью. Основаниями для удовлетворения исковых требований явились повторяющийся характер публикаций и негативная оценка действий судьи в комментариях адвокатов.

Постановлениями Судебной коллегии по гражданским делам суда города Нур-Султана от 8 июня 2020 года решение суда первой инстанции о лишении адвоката М. лицензии оставлено без изменения. Апелляционная коллегия признала размещение в глобальной сети и средствах массовой информации полученного в рамках оказания правовой помощи видеоматериала судебного разбирательства как незаконную процессуальную деятельность стороны защиты и грубым нарушением профессиональных обязанностей, что в силу пп.1 п.4 ст.44 Профильного закона влечет лишение лицензии. Доводы жалобы адвоката, что видеозапись судебных заседаний размещена только в целях обращения внимания общественности на неэтичное поведение судьи при рассмотрении уголовного дела, коллегия посчитала несостоятельными, так как защитник обязан использовать только предусмотренные законом средства и способы защиты, тогда как совершенные действия неправомерны, так как нацелены на создание видимости обвинительного уклона и смещения линии судопроизводства на личность судьи.

Постановлением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Казахстан от 29 сентября 2020 года в пересмотре решений нижестоящих судов в отношении М. отказано.

Аналогичные выводы содержатся и в судебных актах, вынесенных в отношении адвоката Г.. Однако постановлением Судебной коллегии по гражданским делам суда города Нур-Султана от 20 мая 2020 года решение суда первой инстанции о лишении указанного лица лицензии отменено, вынесено новое решение об отказе в иске в связи с тем, что адвокат Г. 28 апреля 2020 года утратил гражданство Республики Казахстан, что согласно требованиям пп.2 п.3 ст.44 Профильного закона влечет прекращение действия лицензии на занятие адвокатской деятельностью и исключает требование органа юстиции о лишении лицензии в судебном порядке [166].

Рассмотренная судебная практика демонстрирует конфликт, возникший при попытках адвокатов публично указать на предполагаемую предвзятость суда. Вместе с тем, адвокаты, с одной стороны, обязаны отстаивать интересы доверителей, указывая на возможные нарушения, но, с другой стороны, эти

действия должны быть в рамках процессуальных норм и публичное распространение материалов судебных заседаний без предусмотренного законом порядка расценивается как грубое нарушение.

Наличие дисциплинарных последствий лишь для адвокатов при установленных Комиссией по судейской этике нарушениях со стороны судьи ставит под вопрос эффективность и беспристрастность механизмов судейской ответственности, а также баланс между положением адвокатов и авторитетом правосудия.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют необходимость тонкой и сбалансированной настройки правовых механизмов, когда применение столь жестких мер, как лишение адвокатской лицензии, должно основываться на объективном, взвешенном анализе, учитывающем соразмерность нарушений и защиты прав адвоката на выражение мнения.

Проблемы функционирования механизмов взаимодействия имеются также во внутрикорпоративных отношениях, включая споры адвокатов с органами адвокатского самоуправления.

Показательным является дело по иску К. к РКА и Павлодарской областной коллегии адвокатов о признании недействительным п. 55 «Положения о дисциплинарной комиссии адвокатов» в части, предусматривающей, что жалобы и обращения лиц, в отношении которых адвокат не осуществлял адвокатскую деятельность, не могут являться основанием для возбуждения дисциплинарного производства. Решением Павлодарского городского суда от 11 января 2024 года, оставленным без изменения постановлением апелляционной инстанции от 7 апреля 2024 года, в удовлетворении иска отказано. Суд признал оспариваемый пункт законным, основываясь на том, что Положение принято конференцией коллегий адвокатов на основании требований закона, предоставляющих адвокатскому сообществу самостоятельно устанавливать порядок и процедуру привлечения к дисциплинарной ответственности. Кроме того, суд указал, что истец не является членом коллегии адвокатов, поэтому оспариваемое Положение о дисциплинарной комиссии адвокатов не нарушает его права и обязанности.

Адвокат А., представлявший по вышеуказанному гражданскому делу Павлодарскую областную коллегию адвокатов, высказывал правовую позицию, отличную от официальной позиции РКА, доведенной до всех территориальных коллегий по итогам расширенного заседания Президиума. В связи с этим по представлению РКА адвокат был привлечен к дисциплинарной ответственности за нарушение п.п.1),2) п.2 ст.61 Профильного закона, устанавливающих обязанность членов коллегии соблюдать требования устава коллегии и исполнять решения РКА и его органов и общего собрания [7], тем самым, по мнению Президиума РКА, адвокатом А. поставлена под угрозу независимость адвокатов.

А. оспорил законность привлечения к дисциплинарной ответственности и решением Межрайонного суда по гражданским делам города Астаны (№7142-24-00-2/11848) от 9 сентября 2024 года первоначально иск удовлетворен, однако постановлением Судебной коллегии суда города Астаны (№7199-24-00-

2а/5916) от 21 ноября 2024 года решение было отменено. Суд подчеркнул приоритет единообразия в дисциплинарной практике и обязательность соблюдения решений РКА всеми членами адвокатского сообщества [166].

Таким образом, правовая позиция апелляционной инстанции подтверждает приоритет исполнения решений РКА, что в данном контексте оправдано необходимостью поддержания профессиональной дисциплины и единства в адвокатском сообществе. Указанный подход обеспечивает принципы коллегиальной солидарности, возлагая на каждого члена коллегии обязанность соблюдать решения руководящих органов РКА, даже если они расходятся с личной позицией адвоката.

В более широком смысле данный пример показывает, что адвокат не только не может выходить за рамки предоставленных ему полномочий, но и обязан действовать в строгом соответствии с волей доверителя.

Кроме того, анализ предусмотренных в Профильном законе дисциплинарных мер позволил выявить нормы, устанавливающие разные правовые последствия за одинаковые по характеру нарушения. Так, за грубые или неоднократные нарушения законодательства, принципов оказания юридической помощи, норм профессиональной этики, а также за недостаточную квалификацию, препятствующую исполнению профессиональных обязанностей, согласно пп.1) и 2) п.4 ст.44 и пп.2) и 3) п.1 ст.60 Профильного закона, может применяться ответственность в виде лишения лицензии решением суда или исключения из коллегии решением дисциплинарной комиссии органа адвокатуры (п.6.2 Нормативного постановления Конституционного Совета РК [75]). При этом последний вид наказания представляет собой временное ограничение на осуществление адвокатской деятельности, поскольку повторное принятие в коллегию допускается не ранее шести месяцев со дня исключения, тогда как лишение лицензии влечет полную утрату права на ведение такой деятельности. Указанное создает правовую неопределенность в вопросе выбора меры ответственности за аналогичные нарушения и препятствует формированию единообразной дисциплинарной практики.

Примером этому служит дисциплинарное взыскание, примененное в отношении адвоката П., которая обратилась в суд, оспаривая решение РКА об исключении из коллегии адвокатов Мангистауской области. Поводом для исключения послужили грубые нарушения при оказании юридической помощи: не заключение договоров с доверителем и получение денежных средств без выдачи финансовых документов. Первоначально, рассмотрев жалобу Д., дисциплинарная комиссия Мангистауской областной коллегии адвокатов вынесла адвокату замечание. Однако по жалобе в РКА данное дисциплинарное взыскание было отменено и принято более строгое наказание – исключение из коллегии адвокатов, мотивированное тем, что отсутствие договора с доверителем не только нарушает положения Профильного закона (в частности, ст.17, 33 и 47), но и лишает доверителя права на защиту через страхование адвоката в случае некачественно оказанной юридической помощи.

Суды первой (№7142-23-00-2/11107) и апелляционной (№7199-24-00-2а/452) инстанций, рассмотрев иск адвоката, отказали в удовлетворении исковых требований, признав решение дисциплинарных органов обоснованным.

Не согласившись с судебными актами, адвокат оспорила их в Верховном Суде (№76001-24-00-3Г/4849), ссылаясь на существенные нарушения норм материального и процессуального права. Однако было установлено, что подобных нарушений в действиях нижестоящих судов не допущено. Решение об исключении адвоката П. оставлено в силе, так как неисполнение законодательных требований по оформлению договоров об оказании юридической помощи и выдачи финансовых документов признано достаточным основанием для применения строгой меры дисциплинарной ответственности [166].

В Национальном докладе РКА при анализе практики судебного обжалования решений комиссий отмечается, что в 2023 году из 16 решений об исключении адвокатов из коллегии обжаловано только 3, из которых ни одно не было отменено судом, что свидетельствует о стабильности дисциплинарной практики. В 2024 году из 12 аналогичных решений оспорены в суде – 4, из них 2 решения отменены; 3 решения изменены и отменены Дисциплинарной комиссией РКА.

В целом, дисциплинарные комиссии адвокатского сообщества демонстрируют правовую выверенность, которая проявляется в том, что большинство решений выдерживают судебную проверку. Тем не менее, факты отмены в 2024 году указывают на необходимость проведения РКА глубокого анализа допущенных нарушений и разработки единого подхода при применении дисциплинарных взысканий [49, с. 48].

Перейдя от анализа правового регулирования адвокатской деятельности, необходимо отметить, что юридические консультанты подчиняются отличным от адвокатов правилам допуска к оказанию квалифицированной юридической помощи.

Процедура получения статуса юридического консультанта отличается от рассмотренного поэтапного процесса, который проходит претендент на занятие адвокатской деятельностью.

В соответствии с п.1 ст.75 Профильного закона юридическим консультантом является физическое лицо, имеющее высшее юридическое образование, стаж работы по юридической специальности не менее двух лет, прошедшее аттестацию, являющееся членом палаты юридических консультантов и оказывающее юридическую помощь [7].

Юридическим консультантом не может быть лицо, признанное недееспособным или ограниченно дееспособным, а также лицо, в случае наличия неснятой или непогашенной судимости. Кандидату может быть также отказано в приеме в палату в случае его исключения из другой палаты за нарушение законодательства, стандартов юридической помощи, этических норм, профессиональной этики или внутренних правил, если с момента исключения прошло менее трех лет.

Для обретения статуса юридического консультанта и вступления в палату заявитель должен представить следующие документы: диплом о высшем юридическом образовании, справку об отсутствии судимости, документ, подтверждающий требуемый стаж по специальности, результаты аттестации [7].

Как указывалось ранее, в п.2 ст.83 Профильного закона предусмотрено право палаты юридических консультантов на установление дополнительных требований к своим членам [7]. При этом в данной норме не определены пределы таких критериев для вступления в члены палаты. Таким образом, каждая из них получила законодательно закрепленное право на установление собственных правил, а с учетом множественности действующих в нашей стране палат юридических консультантов (по состоянию на 31 декабря 2024 года зарегистрировано 48 организаций), это указывает на отсутствие единого регуляторного порядка вхождения в палату юридических консультантов.

Анализ положений Профильного закона также свидетельствует об отсутствии единых требований к прохождению аттестации лицами, желающими вступить в палату, так как в соответствии с ч.1 ст.83 указанного Закона порядок и условия проведения аттестации, включая пороговый балл комплексного тестирования, определяется самостоятельно каждой палатой с последующим согласованием с уполномоченным органом [7].

На примере Палаты юридических консультантов Карагандинской области можно отметить, что для претендентов установлены требования, предусматривающие тестирование по шестидесяти вопросам с тремя вариантами ответов, на которые отводится шестьдесят минут. Для признания результата прохождения аттестации успешной необходимо ответить правильно на сорок пять или более вопросов [167].

При этом следует отметить, что во всех палатах тестирование проводится не на базе какой-либо аккредитованной для этих целей организации, что исключало бы возможность внешнего вмешательства в процесс аттестации. С учетом заинтересованности каждой палаты в увеличении численности своих членов, в том числе с целью достижения установленного для регистрации палаты порогового значения в количестве 200 членов, результаты аттестации нельзя в полной мере считать объективными.

В этом отношении регламентированный Профильным законом и Пилотным проектом порядок проведения аттестации претендентов на занятие адвокатской деятельностью имеет очевидное преимущество с точки зрения доверия к достоверности и объективности результатов проверки знаний.

Законодатель установил единый ко всем палатам подход только в отношении оснований освобождения от прохождения аттестации. Перечень лиц, освобождаемых от аттестации при вступлении в палату юридических консультантов, идентичен перечню, предусмотренному для получения статуса адвоката, за исключением обладателей ученой степени по юридической специальности, которые вправе получить статус юридического консультанта без прохождения тестирования.

После вступления в палату юридический консультант получает право оказывать юридическую помощь, в том числе самостоятельно – в форме частной практики в статусе индивидуального предпринимателя или без государственной регистрации в качестве такового, а также на основании трудового договора с юридическим лицом (п.2 ст.75 Профильного закона) [7].

При этом, оговорка о возможности оказания юридической помощи юридическим консультантом в порядке осуществления частной практики вступает в противоречие с приведенным в пп.19 ст.1 Налогового кодекса понятием лиц, занимающихся частной практикой, к которым относятся частный нотариус, судебный исполнитель, адвокат и профессиональный медиатор [134]. Юридические консультанты в этот список не включены, следовательно, не могут называться лицами, занимающимися частной практикой.

Для правильного применения к юридическим консультантам режима налогообложения, который отличается для лиц, занимающихся частной практикой, и лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, коллизийная норма Профильного закона, которая противоречит Налоговому кодексу, имеющему большую юридическую силу, требует корректировки с исключением из п.2 ст.75 Профильного закона неверной идентификации юридических консультантов как лиц, занимающихся частной практикой.

Наряду с налогово-правовыми аспектами, не менее важным является вопрос внутреннего регулирования ответственности юридических консультантов. Механизм привлечения к дисциплинарной ответственности, порядок применения и снятия взысканий, а также процедуры их обжалования определяются уставными документами и регламентами палаты. В отличие от адвокатов, в отношении которых определен конкретный перечень оснований для прекращения деятельности и лишения лицензии, прекращение членства в палате юридических консультантов согласно п.5 ст.83 Профильного закона осуществляется по заявлению о выходе из палаты или по основаниям, предусмотренным уставом [7]. Таким образом, законодатель предоставил палатам юридических консультантов широкие полномочия по самостоятельному установлению оснований для принятия в палаты юридических консультантов, порядка их аттестации и прекращения членства. Передача таких полномочий на законодательном уровне палатам ведет к отсутствию единства в правилах и процедурах установления статуса юридических консультантов. Полагаем, что единообразие правового регулирования порядка приобретения и утраты статуса юридического консультанта, аналогично предусмотренной для адвокатов, позволит устранить существующую правовую неопределенность.

Следует отметить, что в действующем законодательстве недостаточно урегулированы вопросы в отношении контроля со стороны уполномоченного органа (МЮ) за деятельностью палат юридических консультантов, а также не предусмотрены прямые меры воздействия данного органа на самих юридических консультантов за осуществление деятельности с нарушениями.

Палата юридических консультантов представляет собой саморегулируемую организацию с обязательным членством, что следует из п.1 ст.78 Профильного закона [7]. Согласно п.6 ст.19 Закона РК «Об органах юстиции» орган юстиции ведет контроль за качеством юридической помощи, оказываемой юридическими консультантами [168]. В то же время, по сравнению с адвокатами, в отношении которых уполномоченный орган может напрямую инициировать меры за ненадлежащее оказание юридической помощи, юридические консультанты находятся в ином правовом положении. Контроль за ними согласно пп.15) ст.23 Профильного закона осуществляется опосредованно – через палату, которая обладает исключительными полномочиями по применению дисциплинарных мер [7]. Уполномоченный орган в данном случае может лишь направить в Палату представление о привлечении к дисциплинарной ответственности.

В контексте саморегулирования особый интерес представляет судебная практика. Так, решением Специализированного межрайонного экономического суда города Нур-Султана от 9 сентября 2021 года (№7119-21-00-2/6653) удовлетворены исковые требования Департамента юстиции города Нур-Султана об исключении из Реестра Палаты юридических консультантов «Профессиональные юристы Казахстана» за грубые и неустранимые нарушения законодательства. Суд установил, что С., являясь заместителем председателя Палаты, незаконно выступал представителем по 34 гражданским делам, используя выданную Палатой выписку из реестра о членстве. В то же время, наличие неснятой судимости и занятия руководящей должности в данной палате, согласно п.1 ст.83 Профильного закона и должностной инструкции, запрещало ответчику быть членом палаты юридических консультантов. Также в ходе мониторинга, проведенного органом юстиции, установлено, что в члены Палаты была принята Д., не имеющая высшего юридического образования.

Указанные нарушения послужили основанием для удовлетворения иска.

В последующем данное решение было отменено апелляционной инстанцией (№7199-21-00-2а/9153) в связи с тем, что, несмотря на участие С. в качестве судебного представителя, фактически он не являлся членом палаты, и ответственность за его прием на работу подлежит рассмотрению органом управления Палаты в соответствии с Законом РК «О саморегулировании». Что касается Д., то она была исключена из членов Палаты и ее прием в члены с нарушением закона не свидетельствует о незаконности регистрации самой палаты. Судебная коллегия указала, что ответственность за надлежащее администрирование кадровых и представительских вопросов лежит на органах управления самой палаты [166].

Данная ситуация подчеркивает важность внутреннего контроля в деятельности палат как саморегулируемых организаций, в том числе в вопросах соблюдения требований к допуску и членству.

Подводя итоги проведенному исследованию, следует отметить, что законодательство, регулирующее деятельность адвокатов и юридических консультантов, предусматривает различный порядок получения статуса, рассматриваемых субъектов судебного представительства: для адвокатов

установлены строго регламентированные требования в отношении стажировки и аттестации, тогда как вступление в палату юридических консультантов регулируется внутренними правилами самих палат.

В целом, анализ действующего законодательства выявил наличие нормативных пробелов и несогласованностей, которые могут отрицательно сказываться на правоприменительной практике и качестве оказываемой юридической помощи, в связи с чем, принимая во внимание социальную значимость данных специалистов, участвующих и обеспечивающих реализацию конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, возникает обоснованная необходимость в законодательном уточнении и обновлении как порядка их допуска, так и механизмов осуществления ими профессиональной деятельности.

2.3 Совершенствование правового статуса представителя в суде по поручению в законодательстве Республики Казахстан

Институт судебного представительства играет определяющую роль в обеспечении справедливости и защиты прав граждан и организаций в правовой системе, выступая важным инструментом социальной значимости. Судебные представители, принимая на себя соответствующие поручения, содействуют эффективной защите прав и интересов участников гражданского судопроизводства, не обладающих достаточными юридическими знаниями или опытом, тем самым способствуя всеобщему равенству перед законом и справедливому рассмотрению дел.

Поставленной целью исследования в данном параграфе является выявление правовых пробелов и противоречий в законодательстве Республики Казахстан, а также механизмов их устранения для достижения оптимальной модели представительства по поручению в гражданском процессе.

Стремление к совершенствованию правового статуса представителей по поручению обусловлено, с одной стороны, необходимостью повышения уровня правовой защищенности граждан, а с другой – формированием рынка судебного представительства как самодостаточной формы деятельности [169].

Как отмечалось ранее, тенденция к профессионализации судебного представительства направлена на реализацию конституционных гарантий получения квалифицированной юридической помощи, требующей, в первую очередь, постоянного повышения профессионального уровня самих судебных представителей.

В отношении адвокатов и юридических консультантов законодательно предусмотрено обязательство повышать на регулярной основе свою квалификацию. Данное требование связано с непрерывным обновлением нормативной базы в связи с появлением новых законов, внесением поправок в действующие нормы, а также развитием судебной практики [170].

При этом следует отметить, что иные представители по поручению, упомянутые в ч.1 ст.58 ГПК РК, не наделены обязанностью повышения квалификации, что способно негативно влиять на качество выполнения ими

представительства по поручению в гражданском судопроизводстве. Даже эпизодическое представительство требует высокой степени правовой грамотности и осведомленности о последних изменениях в законодательстве и судебной практике. В связи с этим видится необходимым создание единого Центра повышения квалификации для лиц, отнесенных в соответствии с ГПК РК к представителям по поручению.

На базе такого Центра представители в порядке повышения квалификации будут получать необходимые правовые знания, информироваться об актуальных изменениях в законодательстве и с привлечением специалистов, в том числе научных деятелей, судей, прокуроров, налоговых работников и других специалистов, получать ответы на интересующие вопросы по различным отраслям права. Дистанционная форма посещения образовательных курсов, семинаров, круглых столов позволит сэкономить средства, не создавая необходимости в открытии филиалов подобных центров в каждом регионе. Кроме того, возможна альтернатива данному Центру в виде аккредитованных уполномоченным органом образовательных центров.

Обратим внимание, что Президиумом РКА внесены изменения в регламент повышения квалификации и расширены возможности для профессионального обучения. В частности, обновлен порядок аккредитации образовательных центров: в соответствии с новыми положениями право обучать адвокатов предоставляется не только территориальным коллегиям, но и вузам, частным образовательным центрам, а также независимым экспертам и тренерам. Кроме того, с 1 января 2025 года введена обязанность адвокатов по ежегодному повышению квалификации с минимальным объемом прохождения не менее 8 академических часов в год [49, с.41].

Помимо представителей по поручению, в вышеуказанном Центре предлагается обучение стажеров и помощников адвокатов с целью их подготовки к деятельности по представительству в судебном процессе.

Представляется, что наличие выданного единым Центром сертификата о повышении квалификации должно быть таким же обязательным документом, предоставляющим доступ к гражданскому процессу, как доверенность и прочие документы, удостоверяющие поручение на осуществление представительства.

Таким образом, регулярное повышение квалификации будет являться ключевым элементом профессионализма и повышения ответственности судебных представителей по поручению, обеспечивая оказание ими высокого уровня юридической помощи для защиты прав доверителей.

Другим немаловажным механизмом повышения статуса судебного представителя является ответственность указанных субъектов. Применение данного инструмента должно осуществляться с обеспечением единых критериев оценки поведения участников процесса, что способствует повышению профессиональной дисциплины данной категории участников гражданского судопроизводства.

В соответствии с п.5 ст.8 ГК РК, запрещаются действия, которые наносят ущерб другим либо противоречат предназначению предоставленного права [118].

Исходя из ч.2 ст.46 ГПК РК, стороны обязаны предоставлять суду полные и правдивые сведения, а также опровергать доводы противной стороны документами. Представитель по поручению при этом действует в пределах полученных полномочий, используя процессуальные права и обязанности, аналогичные тем, что и лицо, которое он представляет (ч.4 ст.60 ГПК РК) [6].

Указанные положения Кодексов взаимно корреспондируются, и невыполнение этих обязанностей влечет за собой процессуальные последствия.

Л.К. Суюндикова обращает внимание, что проявление недобросовестности участников процесса может выражаться в действиях по затягиванию процесса путем заявления безосновательных ходатайств и заявлений об отводах, игнорирования вызовов суда, несвоевременного предоставления отзывов, возражений и доказательств, подачи ходатайств в конце судебного разбирательства с целью увеличения сроков, невыполнения требований суда о представлении документов, предъявления заведомо необоснованных исков без наличия вины ответчика, совершения других процессуальных ухищрений, явно свидетельствующих о злоупотреблении правами [171].

Вследствие этого представляется целесообразным ввести на законодательном уровне меры, предусматривающие ответственность участников процесса за злоупотребление процессуальными правами. Злоупотребление процессуальными правами является частью более широкого феномена «злоупотребления правом», который в теоретической юриспруденции трактуется по-разному. И.А. Гдалевич отмечает, что некоторые исследователи рассматривают его как «употребление права во зло» [172], а другие, в том числе В.П. Грибанов, – как особую форму гражданского правонарушения или как реализацию субъективного права в противоречии с его назначением [173, с.40]. Кроме того, А.А. Лузик указывает, что злоупотребление правом следует воспринимать как заведомо недобросовестное осуществление прав с единственным намерением причинить вред, при котором формально правомерные действия либо бездействие совершаются без соблюдения принципа добросовестности [174, с.245].

В правоприменительной практике злоупотребление процессуальными правами иногда именуют «процессуальными злоупотреблениями», подразумевая под этим злоупотребление процедурой разрешения спора (злоупотребление правом на иск, правом на защиту) или отдельными процессуальными правами. Однако квалификация действия, препятствующего разрешению дела, как злоупотребление процессуальными правами не всегда однозначна. Как правило, участники процесса совершают различные действия, затрудняющие ход и завершение судебного разбирательства в зависимости от навыков и умений сторон или их представителей в использовании процессуальных норм.

Вместе с тем вызывает дискуссию вопрос о том, можно ли считать изложение альтернативной правовой позиции, не совпадающей с мнением суда, злоупотреблением правом. Представляется, что изложение и отстаивание собственной правовой позиции не свидетельствует о злоупотреблении процессуальными правами, поскольку суд не связан доводами и правовыми

позициями участников процесса, а иное мнение сторон по существу спора не препятствует нормальному ходу судебного разбирательства.

Принимая во внимание теоретическую сложность понятия «злоупотребление правом», разнообразие практики его применения, а также отсутствие в законодательстве четкого определения понятия «лицо, злоупотребляющее процессуальными правами», целесообразно внести соответствующие разъяснения в нормативное постановление Верховного суда РК. Это позволит избежать случаев, когда сами суды, при рассмотрении вопроса об ответственности участников гражданского процесса, могут неверно применять указанную норму.

При этом злоупотребление процессуальными правами и обязанностями может исходить не только от представителя, но и от самой стороны, которая вводит своего поверенного в заблуждение.

Согласно ст.63 ГПК РК, доказательства должны быть получены законным путем и могут быть подтверждены объяснениями сторон [6]. Представитель в данном случае руководствуется той информацией, которая получена непосредственно от доверителей, за исключением случаев, когда сведения получены по запросам в соответствующие организации.

В то же время нормы п.9 ст.33 и п.6 ст.76 Профильного закона требуют, чтобы адвокаты и юридические консультанты не занимали позицию, ухудшающую положение доверителя, и не использовали свои полномочия во вред его интересам [7]. Следовательно, Закон обязывает указанных представителей по поручению использовать свои профессиональные права и исполнять процессуальные обязанности исключительно в интересах доверителей. Отклонение от этого может проявляться разными способами и в некоторых случаях приводить к нарушению основных принципов оказания юридической помощи, в том числе в тех случаях, когда интересы доверителя ставятся выше этических стандартов и законности.

В США, в соответствии с принципом 21.13 Руководства по профессиональному поведению солиситоров, представление может быть прекращено, если клиент признается в даче ложных показаний или во введении суда в заблуждение по ключевому вопросу и не высказывает намерения это исправить. Представители не должны участвовать в действиях, которые являются нечестными или дискредитируют, вредят процессу правосудия, могут подорвать доверие общества к юридической профессии и правосудию или способны каким-либо образом нанести ущерб репутации юридической профессии (пункт 2.1) [175, с.31].

В Кодексе профессиональной этики адвокатов РК имеется схожая оговорка, предписывающая, что независимо от желания и давления доверителя, любые просьбы и требования, которые противоречили бы нормам закона, не должны приниматься адвокатом к исполнению и в соответствующих случаях служат основанием к расторжению договора [119]. В противном случае, в отношении адвоката может быть поставлен вопрос о привлечении к ответственности.

Вместе с тем данная норма распространяется только на адвокатов, оставляя неурегулированными действия других представителей по поручению, перечисленных в ст.58 ГПК РК.

В нормах ГПК РК предусматривается ответственность за заведомо ложные сведения только для свидетеля (ст. 81 ГПК РК), при этом имеется норма ч.3 ст.270 ГПК РК, в соответствии с которой в случае, если при рассмотрении гражданского дела будут выявлены признаки уголовного правонарушения со стороны и иных участников процесса, на судью возлагается обязанность сообщить об этом прокурору [6]. Исходя из ч.3 ст.184 УПК РК, частное постановление суда о таком правовом нарушении влечет проведение досудебного расследования [176]. Таким образом, сторона или ее представитель потенциально могут попасть под следственные действия в случае выявления признаков преступления, совершенных даже в гражданском судопроизводстве.

В ГПК РК имеются и другие положения, предусматривающие меры воздействия. К примеру, в соответствии со статьей 114 ГПК РК, при наличии заявления лица, участвующего в деле, суд может возложить на другую сторону ответственность за убытки, вызванные потерей времени [6]. Применение данной нормы возможно, если такая сторона предъявила необоснованный иск или безосновательно оспаривала его (при этом сторона осведомлена об этом), а также, если эта сторона систематически мешала эффективному и своевременному рассмотрению дела. Данная норма представляется достаточно действенной и своим содержанием должна пресекать злоупотребление правом.

Тем не менее следует согласиться с предложением Р.Р. Султанова о расширении положений ст.114 ГПК, предусмотрев в ч.1 ответственность не только «стороны», но и «представителя», и изложив данную норму в следующей редакции: «По заявлению лица, участвующего в деле, или его представителя, со стороны или его представителя, недобросовестно заявивших ... либо систематически противодействовавших ..., суд может взыскать в пользу другого лица, участвующего в деле, компенсацию убытков за фактическую потерю времени». Тем самым, для представителей по поручению (адвокатов, юридических консультантов, работников юридических лиц и т.д.) будет установлена дополнительная мера материального наказания за намеренное предоставление суду неправдивых показаний и изложение событий, несоответствующих действительности [177]. Подобная мера нацелена на стимулирование всех судебных представителей к тщательному подбору реальной доказательственной базы, аргументации, избегая искажения фактов с корыстной целью вынесения решения гражданского дела в пользу их доверителей.

Продолжая обсуждение, обращено внимание, что гл.9 ГПК РК, посвященная ответственности за неуважение к суду [6], не учитывает все разнообразие ситуаций, возникающих при рассмотрении гражданских дел. Эта правовая норма устанавливает, что суд вправе применять санкции к лицам, проявившим неуважение к суду, в целях соблюдения принципа равноправия всех участников процесса и поддержания надлежащего функционирования правосудия.

Стороны и иные лица, участвующие в процессе, демонстрирующие неуважение к суду, могут быть подвергнуты административной ответственности или уголовной – в случае квалификации их поведения как уголовное правонарушение, при этом за каждое неправомерное действие или бездействие применяется одна мера наказания.

Проявляется солидарность с мнением А.Т. Кенжебаевой о необходимости совершенствования законодательства в части ответственности за «неуважение к суду» путем расширения понятий, подпадающих под данное нарушение, когда оскорбительные посягательства направлены не только на суд, но и в случаях проявления негативного, унижительного либо некорректного отношения допущены к участникам гражданского судопроизводства. Несмотря на то, что подобное поведение не адресуется суду лично, тем не менее, этим выражается несоблюдение базовых принципов правосудия и фактически ставится под сомнение авторитет судебной власти, так как само судебное заседание предполагает уважительное взаимодействие всех субъектов, которые вовлечены в такую правовую процедуру.

Следует согласиться, что ч.1 ст.119 ГПК РК необходимо изложить в следующей редакции: «Меры ответственности за оскорбление, проявление неуважения или неподобающего поведения по отношению к суду, лицам, участвующим в деле, и их представителям, а также иным лицам, участвующим в рассмотрении дела, вступление в агрессивные споры с оппонентами, демонстрация неприемлемого или грубого поведения во время судебного разбирательства применяются судом...». Законодательное закрепление вышеприведенных конкретизированных форм неуважения к органу правосудия и иным лицам будет залогом для обеспечения соблюдения как принципов, закрепленных в ГПК РК, так и принципов оказания юридической помощи и этического поведения [178].

Дополнительным аспектом, требующим урегулирования в рамках института судебного представительства, является вопрос материального вознаграждения, особенно в части установления справедливых и прозрачных механизмов оплаты юридической помощи.

С учетом того, что оплата помощи представителей по поручению в гражданском процессе регулируется ТК РК и внутренними положениями об оплате труда, за исключением адвокатов и юридических консультантов, исследование влияния материальной мотивации на эффективность судебного представительства проведено на основании Профильного закона.

В соответствии со п.3 ст.47 Профильного закона, запрещается заключение соглашений, при которых размер вознаграждения адвоката определяется результатом рассмотрения дела или зависит от степени успешности оказанной им юридической помощи, или по которым адвокат получает долю присужденной суммы [7]. При этом данное ограничение распространяется исключительно на лиц, занимающихся адвокатской деятельностью, и не касается порядка оплаты помощи, оказываемой юридическими консультантами.

В этой связи представляется целесообразным обратиться к зарубежной практике, демонстрирующей различные модели договорных отношений, в

которых размер вознаграждения определяется в том числе с учетом результатов судебного разбирательства либо успеха адвокатской деятельности. Анализ соответствующего опыта может быть полезен для оценки возможности адаптации подобных механизмов в национальной правовой системе с целью выработки сбалансированного и справедливого подхода к регулированию института судебного представительства.

Международная практика демонстрирует разнообразие условий, при которых доверитель и адвокат согласовывают оплату в зависимости от выигрыша или положительного результата:

1. гонорар успеха (Success fee): условие в договоре, по которому доверитель соглашается выплатить часть выигрыша или полученной выгоды по делу, если результат будет благоприятным;

2. вероятный гонорар (Contingency fee): вознаграждение в виде процента от полученной или согласованной компенсации, выплачиваемое только при успешном завершении дела либо заключении выгодного мирового соглашения;

3. условный гонорар (Conditional fee): дополнительная плата, выплачиваемая сверх фиксированного гонорара при успешном исходе дела, включая условие «нет выигрыша, нет оплаты» (No win, no pay).

Для англосаксонской системы права характерно разрешение подобных форм вознаграждений, за исключением отдельных категорий дел (уголовных и семейных, например, в Аляске и Иллинойсе).

В Соединенных Штатах и Канаде широко применяется «вероятный гонорар», но в ряде случаев требуется судебное одобрение соглашения о такой форме поощрения судебного представителя [179, с.20].

В каждом американском штате существуют свои правила, определяющие ситуации, допускающие использование таких договоров. В некоторых штатах, таких как Калифорния, Коннектикут, существуют лимиты на вероятные гонорары по делам о медицинских ошибках, а в Теннесси и Юте, к примеру, определяется предельный процент (33,33%) либо используется градуированная шкала. Калифорнийские правила профессионального поведения юристов регулируют чрезмерность вознаграждения за успех и запрещают адвокатам побуждать клиентов к дарению значительных подарков. На Гавайях и в других штатах разрешены сделки с отлагательным условием о вознаграждении, выплачиваемом при достижении благоприятного результата [180].

Заключение подобных соглашений требует письменной формы с конкретными указаниями размера вознаграждения и порядка покрытия расходов. В зависимости от развития ситуации, процент гонорара может изменяться: при урегулировании спора вне суда доля вознаграждения может быть снижена, а при доведении дела до суда – повышена.

«Условный гонорар» наиболее распространен в странах с правовой системой общего права, таких как Великобритания, особенно в Англии и Уэльсе. Это означает, что в случае удачного завершения дела адвокат может получить дополнительное вознаграждение помимо оплаты за свое время по почасовой ставке [179, с.20]. В этой стране, где адвокаты традиционно находятся в тесном профессиональном взаимодействии с судьями и в

определенной степени зависят от судебной системы, до недавнего времени не практиковалось установление вознаграждения за успех, что объяснялось стремлением избежать потенциального ущерба профессиональной репутации адвокатов. При этом критики подобных форм оплаты подчеркивают, что они могут способствовать чрезмерной состязательности в судебных разбирательствах, провоцировать завышенные исковые требования и приводить к существенным финансовым потерям для проигравшей стороны.

В Южно-Африканской Республике размер условного гонорара не может превышать 100% от обычного гонорара, а «гонорар успеха» ограничен 25% от общей суммы вознаграждения, исключая судебные издержки [179, с.20].

В Австралии законодательство также допускает выплату адвокату бонуса до 25% от стандартного гонорара за успешное завершение спора, однако прямо запрещает привязывать плату к проценту от присужденной компенсации доверителя.

В Испании Верховный Суд отменил ранее действовавший прямой запрет на применение «гонорара успеха», расценив его в качестве препятствия для свободного волеизъявления сторон при заключении договоров.

В Италии подобные соглашения признаются правомерными при обязательной оговорке соразмерности установленного процента вознаграждения объему фактически проделанной адвокатом работы [181].

В Южной Корее до 2015 года «условный гонорар» использовался в гражданских и уголовных делах, однако впоследствии Верховный Суд признал подобные соглашения в уголовном судопроизводстве недействительными, сославшись на противоречие с основополагающими принципами морали и общественного порядка [179, с.21].

В государствах континентальной правовой семьи, включая Австрию, Бельгию, Болгарию, Германию, Грецию, Данию, Кипр, Латвию, Литву, Люксембург, Мальту, Нидерланды, Польшу, Португалию, Румынию, Словакию, Словению, Финляндию, Францию и Швейцарию, в целом наблюдается положительное отношение к договорам, содержащим положения о вознаграждении в зависимости от исхода дела и успеха профессиональной деятельности, при условии соблюдения ряда законодательных ограничений [182, с.116]. К примеру, в Германии применение гонорара успеха допустимо при одновременном соблюдении трех условий: наличие исключительного случая, позволяющего заключение подобного соглашения, доказанная неспособность доверителя обеспечить защиту своих прав и интересов иным способом, а также соблюдение принципа соразмерности гонорара предполагаемому результату [183].

Таким образом, прослеживается тенденция к смягчению ранее установленных запретов на вознаграждение, зависящее от исхода дела, что свидетельствует об эволюции подходов к регулированию оплаты юридической помощи в сторону договорной свободы.

В то же время, в научных кругах обсуждается целесообразность подхода введения связи оплаты за юридическую помощь с исходом дела.

Так, Г.П. Чернышев полагает, что дополнительное вознаграждение за успешное завершение дела стимулирует к более тщательному и ответственному исполнению своих профессиональных обязанностей. По его мнению, гонорар успеха также может обеспечить доступность правосудия для тех, кто не может заранее оплатить юридическую помощь, и способствует справедливому распределению рисков между адвокатом и клиентом.

Сходную позицию занимает Н.С. Ермакова, подчеркивающая мотивационную силу подобных договоров.

В свою очередь, А.Г. Карапетов указывает на противоречие запрета гонорара успеха принципу свободы договора, который позволяет сторонам самостоятельно определять условия сделки, включая порядок оплаты.

Однако существуют и критические оценки существования данной практики.

Г.А. Гаджиев выражает опасения относительно возможных неправомерных методов, которые могут быть применены в погоне за выигрышем.

Д.Н. Азаров предупреждает о возможности злоупотреблений со стороны доверителей, которые могут отказаться платить за оказанную помощь, если дело не завершилось для них благоприятным исходом [180, с.115; 184, с.28; 185, с.183].

Е.С. Трезубов и М.А. Розе считают, что вне зависимости от условий оплаты, адвокат, как профессиональный представитель, обязан обеспечивать квалифицированную и добросовестную правовую помощь, придерживаясь высоких стандартов профессии, и размер и порядок оплаты вознаграждения не должен влиять на качество и полноту предоставляемой помощи [186, с.184].

Так, с одной стороны, установление вознаграждения, зависящего от результата, может рассматриваться эффективным инструментом мотивации, побуждающим представителя стремиться к достижению максимально благоприятного для доверителя исхода. Однако с другой стороны, профессиональные представители – адвокаты, осведомлены о том, что такие договорные конструкции сопряжены с определенными рисками. В этой связи, адвокат, заключая соглашение, должен тщательно анализировать перспективы дела и предполагаемую продолжительность судебного разбирательства.

Особого внимания заслуживает исследование А.А.Маслова, представившего в статье «Введение гонорара успеха в российское законодательство» [187, с.128] поведенческую модель доверителя, иллюстрированную в виде кривой «прямой благодарности» доверителя в рамках гражданского судопроизводства (Приложение 3). Согласно автору, на начальном этапе лицо, планирующее подачу иска, осознает свое невыгодное правовое положение, испытывая недовольство собственным халатным отношением к выполнению обязанностей. На третий день после встречи с представителем наступает понимание возможных негативных последствий, вплоть до банкротства юридического лица. В ходе подготовки дела к разбирательству доверитель положительно оценивает изобретательность представителя, который детально разъясняет правовую позицию и анализирует соответствующие документы, указывая на недостатки в ведении предпринимательской деятельности обратившегося за юридической помощью. В период активной судебной стадии уровень доверия и

восхищения доверителя достигает пика, однако после завершения дела эмоции стихают и он постепенно начинает преуменьшать вклад представителя, полагая, что успех мог быть достигнут и без его участия. Крайняя стадия, по мнению автора, наступает через два месяца, когда категоричность доходит до уровня, при котором доверитель возмущается необходимостью внесения оплаты.

Подобная модель подчеркивает, что в случае договоренности об оплате исключительно при положительном исходе нередко возникают споры уже между доверителем и представителем, требующее нового судебного вмешательства.

Таким образом, запрет законодателя Республики Казахстан на выплату вознаграждения, сверх фиксированной договором суммы, зависящего от результата адвокатской деятельности по отношению доверителя, имеет определенную правовую основу.

В то же время, следует учесть, что установление зависимости вознаграждения от результата может повышать заинтересованность представителя в достижении благоприятного исхода, стимулируя к более активной защите интересов доверителя. Такая система также соответствует интересам самих обратившихся за юридической помощью, которые нередко могут выражать готовность выплачивать гонорар только при наличии положительного результата, что создает взаимовыгодное сотрудничество.

Кроме того, если адвокат заранее понимает отсутствие реальных перспектив успеха и заведомо принимает проигрышное дело, длительное и безрезультатное разбирательство ему не будет выгодно, что снизит вероятность затягивания процесса, даже если вознаграждение предусмотрено в виде бонуса. Таким образом, разумный компромисс может быть достигнут путем введения гибкой модели оплаты, включающей фиксированную плату за оказываемую помощь с возможностью установления дополнительного гонорара за достижение положительного для доверителя результата.

С учетом мировой практики, в рамках которой внедрение гонорара с установленной дифференциацией оплаты юридической помощи в зависимости от исхода дела является допустимым, представляется возможным пересмотр положений п. 3 ст.47 Профильного закона. Такое изменение могло бы предусматривать предоставление сторонам права включать в договор условие о дополнительном вознаграждении, если обе стороны пришли к соответствующему согласию, что корреспондируется со свободой волеизъявления в установлении правоотношений.

Все приведенные в рамках исследования меры могут напрямую повлиять на улучшение качества и эффективности представительства сторон.

Таким образом, обобщая исследование темы совершенствования института судебного представительства, следует выделить основные предлагаемые меры:

1. В целях повышения квалификации судебных представителей по поручению обеспечить для всех категорий, предусмотренных ч.1 ст.58 ГПК РК обязанность повышения квалификации, для чего необходимо создать единый Центр повышения квалификации с акцентом на дистанционные курсы;

2. Усовершенствовать законодательство, касающееся ответственности судебных представителей за злоупотребление процессуальными правами, в том числе:

- дать в Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан понятие «лицо, злоупотребляющее процессуальными правами» в целях недопущения злоупотребления судом данной нормы при рассмотрении вопроса ответственности к участникам гражданского процесса;

- предусмотреть ответственность представителей за убытки, вызванные необоснованными исками или систематическим препятствованием рассмотрению дела, если будет доказано, что указанные действия (бездействия) произошли по вине представителя;

- расширить положения о неуважении к суду, охватывающие ответственность за грубое отношение как в адрес суда, так и участников гражданского судопроизводства;

3. Пересмотреть запрет на оплату юридической помощи, ориентированную на результат, с целью повышения мотивации и интереса адвокатов к итогам судебных споров.

Реформирование законодательства Республики Казахстан является ключевым шагом к совершенствованию института представительства в гражданском судопроизводстве. Введение перечисленных рекомендаций поможет повысить профессионализм и качество юридической помощи, укрепит доверие к юридической профессии и обеспечит более эффективную защиту прав и интересов граждан и организаций.

3 МОДЕРНИЗАЦИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПО ПОРУЧЕНИЮ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

3.1 Сравнительный анализ классификации судебных представителей по законодательству зарубежных стран

Институт судебного представительства занимает важное место в правовой системе любого государства и регулируется нормами национального законодательства каждой страны. Его правовое регулирование осуществляется посредством специальных норм гражданского процессуального, административного и, при необходимости, иных отраслей права.

Учитывая многообразие правовых подходов к регулированию судебного представительства в разных странах, особую актуальность приобретает сравнительно-правовой анализ, который способствует не только полному и глубокому изучению правоприменения в мировой практике, но и помогает эффективному решению аспектов, не урегулированных на законодательном и теоретическом уровнях.

Анализ института представительства в гражданском процессе свидетельствует о том, что порядок осуществления судебного представительства варьируется в зависимости от правовой системы, к которой принадлежит конкретное государство. В целом, принадлежность к определенной правовой семье оказывает существенное влияние на формирование и развитие характерных черт гражданского судопроизводства, включая представительство по поручению.

Так, в странах англо-саксонской системы доктринальная природа представительства опирается на концепцию идентификации личности (*doctrine of identity*), предполагая, что действия представителя рассматриваются как действия самого доверителя, а не самостоятельного субъекта, что обуславливает высокий уровень доверия к профессиональному представителю. В государствах романо-германской правовой традиции ключевым фактором, определяющим правовой статус представителя, выступают объем и характер предоставленных ему полномочий. В правовых системах, основанных на религиозной, в частности, мусульманской или канонической, традиции, нормы, регулирующие деятельность судебных представителей, во многом обусловлены догматическими установлениями и предписаниями религиозного характера. Представительство в этих системах тесно связано с вопросами этики, морали и канонических ограничений, что отражает специфику сакрализованного подхода к праву и юридическому процессу [188].

Таким образом, институт представительства в гражданском процессе приобретает разные формы и правовые очертания в зависимости от принадлежности к той или иной правовой семье, что требует комплексного сравнительно-правового анализа для выявления универсальных

закономерностей и оценки возможностей гармонизации процессуальных механизмов.

В зарубежных правовых системах гражданское судопроизводство, как правило, предусматривает законное представительство (в силу прямых норм закона для защиты прав и интересов определенной категории дел) и добровольное представительство, возникающее из соглашения или акта волеизъявления. Во втором случае представителями чаще всего становятся адвокаты, работники организаций, специально уполномоченные на это, представители общественных объединений, профсоюзов или дееспособные граждане, на которых возложены такие полномочия. Указанное разграничение (законное и добровольное) характерно для права Германии, Франции, Нидерландов, Греции, Италии, Испании, Андорры и т.д. [189].

Добровольное представительство неразрывно связано с принципом самостоятельного распоряжения своими правами: лицо самостоятельно решает, выступать ли ему самому или через представителей, и определяет объем доверенных полномочий. Это обстоятельство обосновывает рассмотрение добровольного представительства в процессуальном праве отдельно от законного [190, с.396].

Полномочие представителя в добровольном представлении обычно сводится к прямо выраженному или подразумеваемому из обстоятельств согласию доверителя, которые создают юридические права и обязанности для доверителя.

В континентальном правовом поле установлен принцип, по которому представитель обязан действовать от имени доверителя и открыто информировать третьих лиц о том, что выступает не от себя лично. Этот принцип, уходящий корнями к работам Г. Гроция и школе естественного права, поддерживает прозрачность представительства. Кроме того, континентальное право различает «внутренний» аспект (отношения между доверителем и представителем) и «внешний» (связь с третьими лицами, регламентируемая нормами европейских кодексов) [190, с.398, 403].

Иеринг впервые указал, что полномочие на представление может возникать не только из договора, но и на основании, к примеру, трудового договора или договора о совместной деятельности.

Лабанд развил этот тезис, предложив «абстрактный принцип» (*Abstraktionsprinzip*) или «принцип независимости», согласно которому объем полномочий представителя по отношению к третьим лицам может превышать условия заключенного с доверителем договора.

Признание независимости договора и полномочий, а также их самостоятельных юридических последствий существенным образом повлияло на правовую доктрину и нашло отражение в законодательстве Германии, Швейцарии, Италии, Швеции, Японии, Нидерланд и Греции.

Английское право в основном исходит из добровольного (по волеизъявлению) характера представительства, хотя и допускает некоторые случаи представительства в силу закона (*agency by operation of law*), например, между супругами или при крайней необходимости. При этом классический

институт законного представительства недееспособных или ограниченно дееспособных лиц в англо-саксонской системе развит слабо [190, с.396, 403-404].

Как отмечалось ранее, законное представительство, как правило, определяется нормами закона или судебным решением (например, в делах об установлении отцовства) и не требует специального наделения полномочиями другого лица. Обсуждаемый вид представительства преследует различные цели, включая необходимость защиты лица при отсутствии у него процессуальной дееспособности или при рассмотрении дел об опеке и изъятии ребенка у приемной семьи либо у одного из супругов (Россия, Армения, Молдова, Грузия, Эстония). Кроме того, рассматриваемый вид охватывает представительство юридического лица [190, с.395].

В странах континентальной системы, включая Нидерланды, представительство юридического лица занимает промежуточное положение между законным и договорным представительством, так как основывается на учредительных документах, но зависит от внутренней структуры органов юридического лица.

В ряде государств (Англия, США, Россия [189]) предусмотрен механизм судебного представительства по назначению суда: чаще всего эта роль возлагается на адвокатов, хотя в отдельных юрисдикциях могут быть привлечены и другие лица. Такая мера применяется, когда в случае обязательного представительства, недееспособный не имеет законного представителя, его интересы вступают в противоречие с интересами представляемого, представитель отказывается от ведения дела либо если ответчик, чье местонахождение не установлено, не располагает представителем.

Анализ современного правового регулирования института процессуального представительства многих стран показывает тенденцию развития профессионального судебного представительства [191, с.37].

Регламентация судебного представительства в большинстве зарубежных стран придерживается модели, в которой приоритет осуществления представительства в гражданском судопроизводстве отдается адвокату. Такая модель предполагает полное или частичное ограничение участия в суде на всех этапах судебного разбирательства либо на его определенных стадиях других лиц в качестве представителей по поручению. Акцент на такой форме судебного представительства обоснован стремлением к стандартизации процессуального поведения представительства, а также упрощением контроля за соблюдением этических и процессуальных норм и обеспечением единообразия в применении правовых процедур.

Во многих европейских странах (Германия, Франция, Австрия, Италия, Швейцария, Люксембург, Нидерланды, Дания, Бельгия, Венгрия, Чехия, Греция, Португалия и др.), а также в США, Канаде, Новой Зеландии, большинстве латиноамериканских государств (кроме Ямайки) действует условная адвокатская монополия на судебное представительство.

Исключительное право адвокатов на осуществление представительства в суде закреплено в ряде ближневосточных стран (Израиле, Иордании, Ливане, Катаре и Омане) и некоторых юрисдикциях Азии (Турция, Гонконг, Республика Корея, Тайвань) [192].

В японском праве (ст.72 Закона об адвокатуре) также предусмотрено исключительное право адвокатов выступать в суде и оказывать правовые консультации [193, с.83]. Схожие ограничения действуют в Нигерии, Алжире, Египте, Марокко [192].

Для всестороннего понимания правового регламентирования данного вида судебного представительства целесообразно рассмотреть законодательство некоторых стран отдельно [194; 195; 196; 197; 198; 199; 200; 201; 202].

В Турции действует система адвокатской монополии, согласно которой к представительству в судах допускаются только профессиональные представители. В соответствии со ст.35 Закона «Об адвокатуре» решением юридических и правовых вопросов, их разъяснением в суде может заниматься только адвокат, состоящий в адвокатской палате [203]. Для того, чтобы стать адвокатом, необходимо быть гражданином страны, иметь местное высшее юридическое образование или диплом, прошедший нострификацию, пройти годичную стажировку и получить членство в адвокатской коллегии, при этом получение лицензии не требуется. Кроме того, запрещено оказывать бесплатную юридическую помощь, поскольку минимальная стоимость профессиональной помощи устанавливается в размере минимальной зарплаты, и, если доверитель не может оплатить помощь, адвокатская коллегия покрывает расходы.

В нижеприведенных государственных правовых системах модель судебного представительства предполагает допуск определенных представителей к отдельным судебным инстанциям.

В Англии полномочиями на широкое судебное представительство обладают адвокаты-барристеры, полномочные участвовать во всех судах Королевства.

До 1994 года данные субъекты обладали исключительным правом на представление интересов в Высоком суде правосудия, апелляционном суде и Палате Лордов, что обеспечивало им монопольное положение в рамках высшей судебной инстанции. Современное же регулирование допускает возможность работы барристеров без участия солиситоров, которые ранее занимались подготовкой исков и консультированием, а в результате реформ правовой системы получили право на участие в магистратских судах и судах графств [204, с.64; 192].

В Ирландии исключительное право на представление интересов клиентов в ирландских судах принадлежит барристерам.

Адвокаты, состоящие в итальянском реестре, могут выступать в апелляционных судах, судах и Претурах Королевства. В кассационном суде, Государственном совете и Счетной палате в пределах их юрисдикции, Верховном Военном Суде, Верховном Суде общественных вод и Центральной комиссии по прямым налогам участвуют только адвокаты, внесенные в специальный реестр. В рамках особой юрисдикции представительство, защита

и помощь допускаются исключительно адвокатом или прокуратором, назначенным в один из окружных судов апелляционного суда и отдельных секций, в которых находится Особая юрисдикция. В коммерческих спорах стороне, лично выступающей перед судом, должен оказывать содействие прокуратор или адвокат. Как правило, прокураторы практикуют преимущественно в апелляционных судах, их филиалах, а также окружных и магистратских судах тех округов, к которым они приписаны [205].

Во Франции, помимо участия в судебном процессе адвокатов, допускается представительство близких родственников и служащих государственных и общественных учреждений в соответствии со ст.828 ГПК в виде соучастия, осуществляемое лицами, связанными личными или деловыми отношениями. Апелляционное производство, согласно ст.899 ГПК, требует обязательного участия профессионального представителя – «avocat», без которого сторона не может начать судебное разбирательство (ст.901 ГПК) [206]. В Государственном совете и Кассационном Суде существует эксклюзивное право «адвокатов в советах», обладающих особым статусом и назначаемых МЮ [207, с.55].

В Германии адвокатская монополия распространяется на гражданские дела, рассматриваемые в Верховном федеральном суде, в которых участвовать могут только лицензированные адвокаты. В соответствии со ст.78 ГПК, адвокат является обязательным представителем и в земельных судах, кроме случаев, в которых интересы юридических лиц могут представлять их штатные сотрудники. Допуск указанных работников к судебному представительству производится при условии документов, подтверждающих сдачу квалификационных экзаменов, так как в этой стране практически все юристы предприятий, юридических фирм, а также частнопрактикующие специалисты имеют статус адвоката. В судах первой инстанции Германии участие адвоката не обязательно, если сумма иска не превышает 5000 евро, за исключением семейно-правовых споров. Кроме того, независимо от уровня инстанции судебного разбирательства, участие адвоката не обязательно в трудовых и налоговых спорах [197, с.478].

Аналогичные ограничения на участие лиц, не являющихся адвокатами, усматриваются в Верховных судах Швейцарии и Бельгии. При этом, для участия в делах, рассматриваемых Верховным Судом указанных стран требуется специальное разрешение даже для адвокатов. В местных судах Швейцарии монополия не распространяется на трудовые и арендные споры, дела в порядке упрощенного производства и в третейских разбирательствах.

В норвежских судах допускается участие только адвокатов или их помощников. Для получения адвокатской лицензии требуется степень магистра права, а также прохождение обязательного курса обучения и наличие не менее двух лет стажа, связанного с гражданским судопроизводством. В Норвегии иностранным адвокатам разрешается выступать в качестве представителя, если суд сочтет это уместным с учетом характера дела и иных факторов. Однако исключительно адвокаты, имеющие право выступать в Верховном суде, могут участвовать в его устных слушаниях.

В апелляционном и Верховном судах Грузии представительство осуществляется только лицензированными адвокатами, за исключением случаев, когда государственные структуры или организации выступают от собственного имени [198, с.36].

В Венгрии требуется присутствие адвокатов в судах, за исключением дел, рассматриваемых местными судами. В ряде случаев функции представителя могут выполнять генеральный прокурор или патентный поверенный, а в особых процессах – назначенные судьи (например, по искам о возмещении убытков, причиненных действиями суда).

В гражданском судопроизводстве Дании обязательное участие адвоката предусмотрено только в случаях, когда суд признает необходимым профессиональное представительство ввиду сложности дела.

В судебных процессах Саудовской Аравии, исходя из новых правил коммерческих судов, привлекаются адвокаты, кроме случаев с небольшими исками или процедурами, связанными с назначением опекунов, доверительных управляющих, ликвидаторов и экспертов.

В Китае лицам, не имеющим адвокатской лицензии, запрещено выступать представителями и защищать интересы в экономических спорах в суде. Однако интересы физических лиц могут представлять их близкие родственники, а компанию в гражданских исках – сотрудники организации. Патентные поверенные, в соответствии с рекомендациями Всекитайской ассоциации патентных поверенных, имеют право представлять интересы доверителей в судебных разбирательствах, связанных с интеллектуальной собственностью.

В Люксембурге существуют несколько категорий практикующих адвокатов, разделенных на списки, которые ведет коллегия адвокатов. В делах, находящихся на рассмотрении в мировом суде (по искам на сумму менее 15 000 евро), а также в спорах, рассматриваемых торговой палатой районных судов, физическим лицам разрешается защищать свои интересы без привлечения адвоката. В устных процессах, проводимых судами низшей инстанции и коммерческими судами, сторона может быть представлена любым адвокатом, включая *avocat stagiaire*, иностранным юристом из ЕС или юридической фирмой. В отдельных случаях сторона в судебном разбирательстве может быть представлена лицом, не являющимся профессиональным юристом, например, супругом или членом семьи. При этом, в письменном разбирательстве представительство стороны должно осуществляться исключительно квалифицированным адвокатом (*avocat à la cour*). Только обладатели этого статуса уполномочены представлять стороны в Конституционном суде, административных судах, Высшей судебной палате и районных судах, заседающих по гражданским делам.

В Соединенных Штатах право представлять интересы в суде в основном принадлежит лицам, обладающим адвокатской лицензией. В западных регионах низшей инстанции (мировые суды (*justice of the peace courts*), магистратские суды (*magistrates courts*), суды по мелким искам (*small claims courts*)) допускается представительство лиц, не обладающих юридическим образованием, но обычно это ограничено спорами по семейным делам [204,

с.138]. В Юте парапрофессионалы могут помогать в семейных делах и вопросах собственности, а в Аризоне – консультировать пострадавших от домашнего насилия. Также в Аризоне имеются консультанты по подготовке юридических документов (legal document preparer) для лиц, самостоятельно участвующих в судебных процессах.

Верховный суд США запрещает корпорациям и партнерствам быть представленными в суде неадвокатами. В Висконсине они не могут подписывать и подавать апелляции от имени корпораций, за исключением особых случаев в низших судах с малыми исковыми суммами.

Подобно ряду государств с системой общего права, в Австралии действует особая форма судебной инстанции – суд по делам малой сложности. Рассмотрение таких дел характеризуется активной процессуальной ролью суда и сопровождается запретом на участие профессиональных юридических представителей, что направлено на снижение правовых барьеров для граждан. Установленные пределы исковых требований варьируются в зависимости от юрисдикции: так, например, в штате Виктория верхний лимит составляет 10 000 австралийских долларов, в Квинсленде – 25 000, а в Тасмании – 5 000 [208, с.19].

Аналогичное требование об участии адвоката в зависимости от суммы иска, превышающей 5000 евро, предусмотрено в ст.79 ГПК Нидерландов.

В Бразилии стороны обязаны привлекать для участия в суде адвокатов по всем делам, кроме мелких тяжб и разбирательств по трудовым спорам.

В южно-корейской судебной системе квалифицированный адвокат требуется во всех гражданских процессах, за исключением дел, связанных с исками до 100 миллионов вон, дел, рассматриваемых единоличными судьями, в которых члены семьи или сотрудники стороны могут быть представителями с одобрения суда, мелких тяжб с исками до 30 миллионов вон.

В Макао, являющемся специальным административным районом Китайской Народной Республики, при отсутствии обязательности представительства, стороны могут защищать интересы самостоятельно или прибегнуть к помощи адвоката-стажера. Однако в делах с налоговой суммой свыше 100 000 маканской патаки, являющейся денежной единицей Макао, интересы стороны представляют исключительно адвокаты. Кроме того, адвокатское представительство требуется в апелляции, вышестоящих судах, исполнительном производстве.

На Каймановых островах физические лица могут самостоятельно осуществлять судебное представительство по гражданским делам, в то же время юридические лица должны привлекать для защиты своих интересов в суде адвоката. Полномочия по участию в судебных заседаниях предоставляются исключительно лицам, получившим разрешение на ведение адвокатской деятельности на островах.

Следующая категория государств предусматривает внутреннюю классификацию допуска адвокатов к судебному представительству.

В Пакистане иерархическая система юридической практики делится на четыре уровня: адвокат (Advocate), допущенный к практике в окружных судах;

адвокат апелляционного суда (Advocate High Court), который может подать заявление на повышение статуса после двух лет практики; адвокат Верховного суда (Advocate Supreme Court), статус которого доступен после десяти лет работы на предыдущем уровне; и старший адвокат Верховного суда (Senior Advocate Supreme Court), аналогичный по статусу королевскому советнику в Великобритании, присваиваемый по приглашению после пятнадцати лет юридической практики.

Такая же система допуска предусмотрена в Исландии, где адвокаты получают право представлять дела в Национальном суде после пятилетней практики в окружных судах, а после трех лет работы в Национальном суде имеют доступ к представительству в Верховном суде.

В Греции для участия в судебном процессе адвокат обязан состоять в местной коллегии. Возможность представлять дела в судах различных уровней зависит от его профессионального стажа.

В некоторых странах, хотя формально не установлено прямое правило об исключительном праве адвокатов на судебное представительство, на практике действует ограниченный доступ к представительству по поручению. Это связано с тем, что оказание юридической помощи подлежит лицензированию, и в большинстве стран граждане обращаются к квалифицированным специалистам. Подобный подход характерен, например, для Швеции, Брунея и Финляндии. В Сингапуре широкое участие адвокатов в судебном представительстве обеспечивается через механизм лицензирования юридических фирм, что фактически формирует аналог адвокатской исключительности [192].

Проведенный анализ свидетельствует, что в государствах с установленным исключительным правом адвокатов на представительство, участие в делах по поручению других лиц допустимо строго в пределах, определенных нормативно-правовыми актами. Так, во Франции профсоюзы, общественные организации потребителей могут быть представлены собственными членами. В трудовых судах большинства государств, помимо адвокатов, интересы работников вправе отстаивать уполномоченные представители профессиональных союзов, а в Англии – члены семьи [52].

На территории стран постсоветского пространства введение адвокатской монополии на судебное представительство, при которой юридическую помощь для представления интересов в суде могут оказывать только лица, обладающие адвокатским статусом, является темой для дискуссий как в научном сообществе, так и среди практиков.

Таким образом, в большинстве зарубежных юрисдикций предусмотрено добровольное (договорное) представительство, позволяющее сторонам самостоятельно вести свои дела либо прибегать к помощи представителей. При этом личное участие гражданина в процессе не отменяет его права обратиться к судебному представителю. Юридические лица и другие организации могут быть представлены в суде органами управления (руководителями), действующими в пределах полномочий, предоставленных им законом или учредительными документами.

Кроме того, можно обратить внимание на ст.75 ГПК Молдовы, в соответствии с которой физические лица вправе самостоятельно защищать свои интересы в гражданском процессе либо прибегнуть к помощи адвоката или адвоката-стажера. Физические лица вправе поручить представление своих интересов в суде близким родственникам, при условии, что указанные лица обладают высшим юридическим образованием и действуют на основании нотариально удостоверенной доверенности. Для юридических лиц представительство может осуществляться посредством руководящих органов с соответствующими ограничениями, а также другими уполномоченными сотрудниками, адвокатами или адвокатами-стажерами. В случае прекращения деятельности юридического лица, его процессуальное представительство осуществляется соответствующим управляющим или ликвидатором, назначенными в порядке, предусмотренном законодательством [209]. Таким образом, несмотря на то, что в Молдове не установлена адвокатская монополия, поскольку есть альтернативы, следует считать доступ к представительству ограниченным, что создает частично закрытую систему допуска к представлению интересов.

Вместе с тем несмотря на то, что в ряде государств установлены аналогичные ограничения, это не превращает данное представительство в обязательное безальтернативное участие адвоката, поскольку лицо, нуждающееся в помощи, сохраняет возможность выбора другого специалиста. Это дает основания рассматривать такую форму представительства как добровольную.

В Республике Казахстан установление адвокатской монополии на судебное представительство активно обсуждалось в контексте допуска юридических консультантов к гражданскому судопроизводству, в связи с чем сопоставление данного института с аналогичными в других странах проводится с целью изучения правовых источников, включающих субъектов, функционально близких к юридическим консультантам.

При исследовании субъектов, функционально сопоставимых с юридическими консультантами, выявлено наличие в ряде государств профессиональной группы с похожим характером деятельности. Помимо этого, в правовых системах некоторых государств встречаются субъекты судебного представительства по поручению, подобные перечисленным в ст.58 ГПК РК.

В Румынии, как и в Казахстане, действуют юридические консультанты, осуществляющие деятельность только в интересах государства и государственных органов, в отличие от адвокатов, которые защищают интересы физических и юридических лиц.

Законодательство княжества Лихтенштейна допускает, что наряду с адвокатами представительскую деятельность могут вести и правовые агенты, которые, как и казахстанские юридические консультанты, имеют право консультировать и представлять интересы в судах и органах власти. В производствах с обязательным участием адвоката они приравнены к этому статусу, за исключением дел в Конституционном суде Лихтенштейна [210; 211, с.57].

В Демократической Республике Конго различаются два уровня допуска к правовой практике: *avocat*, имеющий право выступать во всех судах, *défenseur judiciaire*, представляющий интересы только в местных судебных инстанциях.

В тайландской правовой системе действуют три категории представителей: «*Ni Ti Korn*», имеющие юридическое образование, но не зарегистрированные в качестве адвокатов, часто занятые в академической среде или государственных структурах; «*Tee Pruk Sa Khot Mai*» (юридические консультанты), обладающие юридическими знаниями, но не имеющие лицензии; лицензированные адвокаты, уполномоченные представлять клиентов в суде, подавать жалобы, апелляции, ходатайства и другие судебные документы от имени клиентов.

Польское правовое регулирование включает обширный перечень лиц, имеющих право принимать поручение на представительство в судах. К таким лицам относятся: адвокат, юрисконсульт, патентный поверенный, если дело касается интеллектуальной собственности, лицо, имеющее сертификат консультанта по реструктуризации, если дело касается реструктуризации или неплатежеспособности, близкий член семьи, наемный работник или соучастник. Вместе с тем, правовая система Польши предусматривает частичную монополию адвокатов, которая выражается в их обязательном участии в кассационном производстве.

Юридическим консультантам Белоруссии, в отличие от казахстанских, требуется гражданство. С 2012 года они утратили право представлять доверителей в хозяйственных судах, их деятельность ограничена предоставлением услуг в сфере корпоративного и предпринимательского права.

В Эстонии, согласно ст.218 ГПК, наряду с адвокатом, представителем по поручению в судебном процессе может выступать лицо, обладающее ученой степенью не ниже магистерской либо соответствующей ей квалификацией, полученной в другом государстве. Кроме того, договорными представителями могут выступать близкие родственники по восходящей или нисходящей линии, супруги участников процесса, а также иные лица, которым законодательство прямо позволяет осуществлять представительство на договорной основе. Если в качестве представителя выступает работник или служащий одной из сторон, суд предварительно убеждается в том, что его квалификация и опыт достаточны для выполнения этой роли. В то же время в Государственном суде Эстонии представителями могут быть только определенные категории лиц, включая присяжных адвокатов, министров или их представителей, банкротных управляющих, нотариусов по неисковым делам и другие указанные в ч.3-5 ст.218 [200, с.160].

Обобщая зарубежный опыт, можно сделать вывод, что гражданское процессуальное законодательство позволяет участие сторон в суде как лично, так и через представителей. Процессуальное представительство наряду с законным и представительством по назначению предусматривает добровольное представительство. Данные виды представительств дают возможность последовательно регулировать, с одной стороны, свободу усмотрения граждан в выборе и оформлении полномочий своего представителя, с другой –

гарантировать защиту прав тех, кто по объективным причинам не может отстаивать свои интересы самостоятельно.

В этом контексте представляется значимым стремление Казахстана к гармонизации правосудия с международными стандартами, что нашло отражение, в частности, в деятельности Международного совета при Верховном Суде РК. Основной идеей его создания, как отмечают С.А. Акимбекова и М.Ж. Бектурганов, стала необходимость внедрения в национальную судебную систему передовых подходов в сфере защиты прав человека, формирования единообразной судебной практики и повышения качества правосудия [212, с.68].

Таким образом, регламентирование классификации судебного представительства в различных странах свидетельствует о тенденции к усилению прерогативы статуса адвоката в представительстве по поручению по гражданским делам. В этой связи для Республики Казахстан актуальным становится вопрос о целесообразности заимствования данной модели и соответствующего развития адвокатской монополии с учетом национальных правовых реалий.

3.2 Профессионализация судебного представительства в Республике Казахстан

Вопросы повышения уровня квалификации судебных представителей становятся все более актуальными в контексте развития правовых институтов. От качества и компетентности специалиста напрямую зависит исход судебного разбирательства, а также возможность реализации законных прав и интересов доверителя. Поэтому формирование и соблюдение четких профессиональных требований к судебным представителям рассматриваются как один из главных факторов, влияющих на эффективность правоприменения и общее состояние правовой системы.

Для поддержания высоких профессиональных стандартов необходима всесторонняя правовая регламентация, препятствующая доступу в профессию лицам, не обладающим достаточной квалификацией.

Успех в юридической сфере, как и в иных профессиональных областях, определяется совокупностью критериев, позволяющих привлекать новых и удерживать имеющихся доверителей. К таким критериям относятся характеристики предоставляемой услуги, способ ее оказания, техническое качество – что получает доверитель, функциональное качество – как он это получает, а также взаимосвязь между качеством исполнения и достигнутым результатом. Особое значение для юридической практики имеет соблюдение судебными представителями установленных норм делового взаимодействия с доверителями.

В работах А. Парашурамана, В. Зейтхамла и Л. Берри основными параметрами качества обслуживания в юридических профессиях выступают материальные ценности, надежность, отзывчивость, уверенность и сопереживание [213]. Совет по юридическим услугам заказал исследование, в

рамках которого уточнены критерии и выделены характеристики качественного взаимодействия в юридической помощи: эмпатия, эффективные процессы, достижение результатов, ясность и демистификация, активное использование юридических знаний и профессиональная презентация [214, с.22].

Учитывая, что доверитель зачастую не способен в полной мере оценить компетентность представителя, ключевое значение приобретает общее впечатление. Формирование данного впечатления основывается на совокупности личных и профессиональных качеств, выражающихся в образе знающего, опытного, заслуживающего доверия, чуткого, нравственного, честного, воспитанного, смелого, решительного, доступного в необходимых случаях, коммуникабельного, действенного, результативного и даже инновационного специалиста. При этом отдельные характеристики могут доминировать в зависимости от конкретной правовой задачи: в случае семейных споров преобладают сочувствие и участливость, тогда как при работе крупных юридических фирм взаимодействие с доверителем носит более формальный характер.

В отличие от товаров и услуг, поддающихся относительно простой оценке, качество юридической помощи сложно определить до момента получения результата.

Н.В. Полякова, В.В. Поляков и Ю.О. Баранова отмечают три ключевых критерия, определяющих качество юридической помощи и отражающих квалификацию лица, ее оказывающего:

1. профессиональный (юридическое образование, опыт, отсутствие судимости, успешность завершенных дел);
2. процедурный (соблюдение конфиденциальности, своевременность, добросовестность, использование законных методов и осознание невозможности гарантировать результат);
3. клиентский (удовлетворение ожиданий, внешний вид, коммуникабельность, вежливость) [215, с.258; 216, с.474].

Качество юридической помощи определяется совокупностью профессиональных навыков, формирующихся в процессе образования и практической деятельности, а также личностных характеристик. В их число входят:

1. упорство и настойчивость, выражающиеся в готовности к повторным попыткам и усилиям;
2. инициативность в поиске новых путей решения проблем;
3. способность к рациональному риску при принятии обоснованных решений;
4. готовность к личным жертвам ради достижения профессиональных целей;
5. коммуникативные навыки, включая четкое формулирование целей и их передачу другим: как до клиента, не владеющего соответствующими знаниями в области юриспруденции, так и до суда, который на основе доказательственной базы и прений будет выносить решение;

6. стратегическое мышление, умение сочетать и корректировать кратко- и долгосрочные задачи;
7. аналитический подход, постоянный сбор и анализ информации;
8. независимость и самоуверенность, стремление к автономии от внешнего контроля.

Кроме того, важными являются коммуникативные способности, эмпатия, умение работать в команде, аналитический ум, чувство юмора, работоспособность, умение справляться со стрессом, гибкость и адаптивность. Таким образом, истинное мастерство профессионала определяется уникальным сочетанием этих качеств [217].

Однако наличие даже высокоразвитых профессиональных и личных качеств не всегда позволяет доверителю объективно оценить уровень предоставляемой помощи. Осложнение, связанное с фидуциарным элементом юридической помощи, подтверждается классификацией К. Чейзеранта и С. Харни: доверители не всегда уверены в необходимости обращения к специалисту, не могут заранее определить качество предоставляемой юридической помощи и не в полной мере способны впоследствии проверить, были ли приложены все необходимые усилия и обладает ли представитель достаточной компетентностью [218]. Такая ситуация порождает риск информационного неравенства, который в нерегулируемой среде способствует неблагоприятному отбору [219, с.4].

Необходимость создания действенных механизмов для предоставления профессиональной защиты не вызывает сомнений, поскольку это имеет существенное значение для реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. Обеспечение данной гарантии предполагает обязанность государства исключать из рынка юридической помощи лиц, не обладающих статусом «квалифицированных», что, в свою очередь, способствует профессионализации сферы судебного представительства.

В связи с этой связью особую значимость приобретает нормативное осмысление категории «квалифицированная юридическая помощь», а также анализ существующих в науке и праве подходов к ее определению.

В соответствии с трактовкой п.3 ст.1 Профильного закона, юридическая помощь рассматривается в качестве деятельности, направленной на обеспечение реализации закрепленного п.3 ст.13 Конституции РК права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе с использованием специальных юридических знаний и навыков, в порядке, установленном Законом и иными законами РК [7]. Данное определение является единственной легальной формулировкой условного понятия «квалифицированности», содержащейся в отечественном законодательстве.

Для раскрытия понятия «квалифицированная юридическая помощь» первостепенной задачей, с научной точки зрения, является изучение критериев, позволяющих отнести специалистов юридической профессии к категории «квалифицированных».

А.В. Закомолдин трактует понятие как профессиональную деятельность, осуществляемую юристами, обладающими статусом, в соответствии с нормами как национального, так и международного права. Суть данной деятельности заключается в интерпретации норм и совершении правовых и фактических действий, направленных на обеспечение защиты, восстановление и реализацию прав, свобод и законных интересов личности [220, с.147].

О.В. Невская подчеркивает значимость формального подтверждения того, что лица, предоставляющие юридическую помощь, обладают специальными знаниями в сфере права. В качестве таких доказательств могут выступать диплом о получении высшего юридического образования, иные удостоверения о профильной подготовке, а также документы, подтверждающие наличие профессионального стажа либо прохождение стажировки [221].

О.Н. Бондарь определяет квалифицированную юридическую помощь как самостоятельный институт конституционного права, обеспечивающий гарантию судебной защиты прав и свобод личности, который включает: субъективное право на получение квалифицированной правовой поддержки, публично-правовые принципы предоставления такой помощи в рамках судебного разбирательства, а также нормативные основания и обязательства государства по созданию условий для ее реализации [222, с.46].

Согласно позиции Д.В. Ленкауцана, обсуждаемая помощь представляет собой деятельность государственных и негосударственных структур или отдельных субъектов, направленную на правовое сопровождение граждан. Основой такой деятельности служит применение профессиональных юридических знаний, навыков и умений в строгом соответствии с установленными стандартами и нормами профессиональной этики. При этом обеспечивается надлежащий контроль качества оказываемой помощи, а ее конечная цель заключается в достижении наилучшего возможного результата для лица, обратившегося за правовой поддержкой [223, с.133; 224, с.12-13].

Однако А.К. Хопияйнен полемизирует с утверждением, согласно которому ключевым критерием квалифицированности является достигнутый правовой результат для получателя юридической помощи. Он подчеркивает, что в ряде случаев, несмотря на высокую степень добросовестности и приложенные профессиональные усилия, итог может не удовлетворить доверителя по причинам, не связанным с качеством предоставленной помощи. При этом автор настаивает на том, что система критериев, лежащих в основе определения юридической помощи, должна соотноситься с правовой природой ее конституционно-правового содержания, отвечать принципам равенства сторон в судебном процессе, обеспечивать эффективную правовую защиту, соответствовать действующим нормам, а также международным требованиям, предъявляемым к профессиональной юридической деятельности [225].

По мнению Г.М. Резника, в соответствии с международными стандартами, статус квалифицированности может быть присвоен той юридической помощи, которая предоставляется специалистами в области права, обладающими, как минимум, высшим юридическим образованием. При этом обязательным условием является неукоснительное соблюдение профессиональных и

этических норм, подкрепленных системой профессионального внутреннего контроля, в связи с чем автор считает, что помощь, оказываемая вне этих рамок, не может считаться квалифицированной [226].

К.В. Смирнов указывает, что подтверждением квалификации адвоката являются диплом о высшем юридическом образовании с присвоением образовательной степени (бакалавр, магистр, доктор и т.д.); документы, удостоверяющие прохождение стажировки и аттестации или опыт работы [227, с.90]).

Обобщая подходы, представленные в научной литературе, можно выделить общую для исследователей позицию, согласно которой квалифицированная юридическая помощь требует обязательного наличия следующих условий: специальных юридических знаний и практических навыков, подтвержденных документально; соблюдение профессиональных и этических стандартов, исполнение которых подлежит внутреннему контролю; определенность правового статуса субъекта, оказывающего такую помощь, в соответствии с законодательными требованиями.

На основании рассмотренных теоретических подходов к определению «квалифицированная юридическая помощь» представляется уместным вернуться к положениям Профильного закона и оценить корректность определения «юридическая помощь», изложенного в п.3 ст.1. Такой порядок проведения исследования представляется оправданным, поскольку понятие «квалифицированная юридическая помощь» является производным от более общего понятия «юридическая помощь».

Законодательное трактование понятия «юридическая помощь» как деятельности, направленной на обеспечение реализации конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, представляется принципиально неверным. Предлагаемое в исследовании утверждение основано на том, что ст.20 Профильного закона содержит полный перечень лиц, оказывающих юридическую помощь, включающий в себя лиц, занимающихся квалифицированной помощью (адвокаты и юридические консультанты), а также субъектов, не оказывающих квалифицированную помощь (государственные органы, нотариусы, частные судебные исполнители, физические лица, не состоящие в некоммерческих организациях) [7].

Вместе с тем, имеющаяся в п.3 ст.1 Профильного закона конкретизация, что к юридической помощи относится деятельность по осуществлению конституционно обеспеченной квалифицированной юридической помощи, реализация которой возложена только на лиц, обладающих правом на оказание квалифицированной помощи, свидетельствует, что данная деятельность ограничена субъектным составом. Из этого следует, что деятельность остальных, перечисленных в ст.20 Профильного закона, лиц, не занимающихся оказанием квалифицированной юридической помощи, не подпадает под понятие юридической помощи.

Конституционный Совет РК указывает, что нормы законодательства должны быть внутренне согласованы и исключать возможность неоднозначного толкования. Установление особенностей оказания

юридической помощи на подзаконном уровне не может затрагивать сущностные положения и принципы, закрепленные в законодательных актах.

В ряде своих правовых позиций Конституционный Совет РК акцентировал внимание на необходимости соблюдения требований юридической точности и предсказуемости правовых последствий, что предполагает формирование нормативных предписаний с должной степенью определенности и опорой на ясные, объективные критерии, исключающие произвольное толкование. В этой связи, с целью обеспечения правовой определенности и единообразия правоприменения Конституционный Совет РК считает целесообразным внесение соответствующих уточнений в действующее законодательство в рамках текущего этапа законотворческой деятельности [75].

С учетом узкого субъектного состава лиц, которые в соответствии с профильным законодательством имеют полномочия на оказание квалифицированной юридической помощи, понятие «юридическая помощь» в действующей редакции Закона ограничивает направленность данной деятельности только осуществлением конституционно обеспеченной квалифицированной юридической помощи. В связи с чем, с целью устранения этих противоречий, предлагается изложить редакцию п.3 ст.1 Профильного закона следующим образом: «юридическая помощь – деятельность, осуществляемая субъектами, наделенными законом функциями правового информирования, консультирования и совершения иных правовых действий, направленная на защиту прав, свобод и законных интересов физических лиц и организаций.».

Кроме того, с учетом отсутствия в Профильном законе дефиниции «квалифицированная юридическая помощь», предлагается включить в ст.1 пп. 3-1), раскрывающий данное понятие, как «профессиональная деятельность, направленная на реализацию права, гарантированного пунктом 3 статьи 13 Конституции Республики Казахстан, на получение квалифицированной юридической помощи в порядке, предусмотренном настоящим Законом и иными законами Республики Казахстан.».

После уточнения терминологических аспектов возникает необходимость определения круга лиц, имеющих право оказывать юридическую помощь в гражданском судопроизводстве.

Из перечисленных в ст.20 Профильного закона субъектов, уполномоченных на оказание юридической помощи, к лицам, являющимся представителями по поручению в суде согласно ч.1 ст.58 ГПК РК, относятся только адвокаты и юридические консультанты.

Другие представители по поручению, перечисленные в вышеуказанной норме ГПК (работники юридических лиц, уполномоченные профессиональных союзов, общественных организаций, Уполномоченный по правам человека, соучастники [6]), не включены в положения Профильного закона в число лиц, оказывающих юридическую помощь, что может быть обусловлено не только отсутствием у них достаточной квалификации, включая специальное образование, но и тем, что на них не распространяются установленные нормативно-правовым актом требования к соблюдению профессиональной

этики и подконтрольностью за качеством представительства, оказываемого ими в рамках гражданского судопроизводства.

В данном контексте считаем уместным процитировать Н.С. Звягину и В.Д. Баева, которые считают, что без базовых представлений о гражданском судопроизводстве невозможно корректно аргументировать правовую позицию и защищать права и интересы доверителей, что может привести к ошибкам в процессуальных действиях, приводящих к неблагоприятным последствиям для доверителя, включая проигрыш дела [228, с.88].

Отчасти следует согласиться с мнением этих авторов, так как отсутствие либо недостаточность квалификации, знаний, опыта у лица, участвующего в гражданском процессе в качестве представителя, может затруднить применение предусмотренных в гражданском процессе инструментов и механизмов для представления интересов граждан и юридических лиц. Необходимо обратить внимание, что представители, перечисленные в ч.2 ст.57 и п.п.2, 3, 4, 4-1, 5 ч.1 ст.58 ГПК РК, в основном имеют узкое профильное направление, и они не могут принимать поручения по делам, выходящим за рамки их компетенций. К примеру, уполномоченные профсоюзов и организаций представляют интересы ограниченного числа граждан, работающих в конкретной сфере деятельности или являющихся членами этих организаций. Уполномоченный по правам человека наделен полномочиями по защите прав и свобод граждан и может осуществлять представительство только по вопросам, входящим в его функциональные обязанности. Соучастники действуют только в рамках того же дела, где у них имеется личный и материальный интерес.

Вместе с тем, исключение участия этих лиц из числа судебных представителей, имеющих ограниченную направленность, не только создает дополнительные финансовые и организационные барьеры для реализации права на судебную защиту, но и ущемляет права юридических и физических лиц на свободное определение их процессуального поведения, включая выбор представителя, что прямо коррелирует с принципами свободы договора и недопустимости необоснованного вмешательства государства в частные правоотношения. Руководители юридических лиц, являясь органами управления, действуют в интересах и от имени этих организаций, а потому их исключение из числа возможных представителей ставит под угрозу правосубъектность юридического лица в гражданском обороте и процессе. Устранение уполномоченных профсоюзов и организаций из числа представителей фактически лишает таких уполномоченных основной функции по защите своих членов. Аналогично, лишение Уполномоченного по правам человека права на представительство интересов в суде нивелирует цель его деятельности, что недопустимо с точки зрения правовой логики и конституционных гарантий.

Рассмотрев круг лиц, имеющих право оказывать юридическую помощь в гражданском судопроизводстве, необходимо перейти к представителям, обладающим правом на оказание квалифицированной юридической помощи, с точки зрения профессионализации судебного представительства.

Термин «профессионализм» имеет многогранное значение: с одной стороны, подразумевает разграничение профессии от ремесла посредством высоких требований к образованию, лицензированию, регулированию со стороны государства или профессиональных сообществ; с другой стороны – понимается совокупность идеалов, которых представители придерживаются на добровольной основе.

В.Ю. Панченко акцентирует внимание на том, что профессионализм отличает квалифицированную юридическую помощь от неспециализированных советов, предоставляемых на бытовом уровне [229, с.6].

С.Д. О'Коннор определяет юридическую профессию как уникальную деятельность, предполагая, что нравственные ориентиры должны преобладать над личными экономическими мотивами. В более общем смысле профессионализм отражает те цели, ценности и установки, которые повышают значимость юридической практики и укрепляют общественный имидж юриста [230, с.1343].

Важно обратиться к мнению М.В. Богомолова, указывающего на необходимость введения обязательного принципа профессионального представительства в процессуальной деятельности при рассмотрении категорий дел «с наибольшей социальной значимостью» [231, с.387]. По мнению автора, к числу таких дел следует отнести споры, связанные с признанием прав на объекты недвижимости, оспариванием сделок, процедурами несостоятельности должника, взысканием значительных денежных сумм, а также дела с участием социально уязвимых категорий граждан и иных процессах, которые целесообразно обозначить в качестве тех дел, которые обладают высокой социальной значимостью [232, с.1].

Учитывая то, что право на квалифицированную юридическую помощь закреплено в Конституции РК и представляет собой базовое социальное право каждого гражданина, обладающее универсальной значимостью, представляется неоправданным искусственное ограничение перечня дел, подпадающих под категорию «наиболее социально значимых». Напротив, следует признать, что потенциально любое дело, в котором затрагиваются права и законные интересы, может нести в себе черты социальной значимости, особенно в контексте обеспечения равного доступа к правосудию и правовой защите.

Другой автор – В.В. Момотов – рассматривает профессионализацию судебного представительства через призму адвокатской монополии или других форм обязательного профессионального представительства в суде [191, с.37].

В этом контексте показательным является законодательный шаг, предпринятый в 2014 году, когда в ГПК РК введено требование о наличии высшего юридического образования для физических лиц, принимающих поручение на представительство в суде, что, как отмечает А.Т. Кенжебаева, считается первым шагом к профессионализации судебного представительства [233].

С введением в 2018 году в действие Закона РК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» «лица с высшим юридическим образованием» заменены на «юридических консультантов» и их членство в

палатах юридических консультантов стало условием для допуска к гражданскому процессу.

В настоящее время в Казахстане усматривается наличие конкуренции между адвокатами и юридическими консультантами за роль в гражданском судопроизводстве и их позиции в профессиональном судебном представительстве, что характерно для любой области, где пересекаются схожие по функциям профессиональные группы.

Международный Союз (Содружество) адвокатов, Совет Европы и ИВА (Международная ассоциация юристов) критически оценили создание института юридических консультантов, рассматривая это как противоречие международным стандартам и угрозу единству юридической профессии.

Международный Союз (Содружество) адвокатов указывает, что формирование параллельной «квазиадвокатуры» способно подорвать устоявшиеся традиции адвокатуры на постсоветском пространстве и привести к разрушению сложившегося института. Совет Европы подчеркивает, что новая профессиональная категория в нынешнем положении не только не решает существующие проблемы, но и создает новые, противоречащие европейским стандартам.

Аналогичной позиции придерживается и Международная ассоциация юристов, которая считает неоправданным разделение юридических профессий, указывая, что в большинстве европейских государств, помимо Польши, адвоката и юридического консультанта объединены в одну единую профессию.

Во всех заключениях содержится общий вывод о необходимости пересмотра регулирования профессионального судебного представительства и движения к единой системе оказания квалифицированной юридической помощи [234].

Вне всяких сомнений, что сравнительный анализ правовой регламентации деятельности юридических консультантов и законодательного регулирования правового статуса адвоката свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования Профильного закона в данном аспекте.

Как указывалось ранее, процедура принятия юристов в члены палаты юридических консультантов остается непрозрачной и предоставляет большую и неоправданную свободу действий палатам в этой области, когда каждая палата обладает исключительным правом на определение дополнительных критериев отбора. Из-за отсутствия четких критериев, позволяющих установить границы дополнительных требований к кандидатам в члены палат, палата может отказать потенциальному претенденту, если он, к примеру, не имеет научных публикаций или имеет диплом только одного университета, ведет активный блог в социальной сети и т.д.

В рамках исследования проведен анализ количества зарегистрированных палат и юридических консультантов.

В предоставленной диаграмме (Приложение 4) изображен анализ изменений численности юридических консультантов за период с 2019 по 2024 года. Из приведенных показателей следует, что на протяжении нескольких лет, за

исключением 2023 года, наблюдается рост числа юридических консультантов [235].

Далее проведен анализ количества палат юридических консультантов с 2019 по 2024 годы (Приложение 5). В процессе исследования привлекли внимание резкие колебания данных о количестве зарегистрированных палат: от роста до их сокращения почти вдвое. Так, по состоянию на 29 октября 2019 года Реестр палат содержал сведения о 76 палатах с общей численностью 7247 юридических консультантов. Спустя 14 месяцев, по состоянию на 14 марта 2020 года, число палат возросло до 85, а общее количество их членов достигло 8705. Однако на 31 декабря 2024 года количество палат снизилось почти вдвое и составило 48 палат при общем числе их членов – 12823 [235]. Таким образом, последние данные показывают значительное увеличение количества лиц, обладающих статусом юридического консультанта.

Проведенным исследованием выявлено наличие правовых и организационных проблем, связанных с подтверждением достоверности юридическими консультантами своего профессионального статуса для участия в суде в качестве судебного представителя.

Согласно ч.6 ст.61 ГПК юридический консультант для подтверждения полномочий предоставляет документ, который подтверждает членство в палате юридических консультантов [6].

Несмотря на то, что Профильный закон возлагает на уполномоченный орган обязанность по ведению сводного Реестра палат юридических консультантов, а на сами палаты – обязанность вести и обновлять реестры своих членов, существующий порядок не гарантирует достоверность содержащихся в них сведений. Палаты осуществляют ведение реестров самостоятельно, без действенного механизма предварительной или отлаженной проверки со стороны государства. Кроме того, отсутствие своевременного обновления информации о составе членов палат и формальный характер контроля со стороны уполномоченного органа создают условия для различных злоупотреблений.

К примеру, в 2019 году Департамент юстиции Туркестанской области известил областной суд о недопустимости участия в судебных процессах в качестве представителей членов палаты города Арыс в связи с отсутствием данной палаты в Реестре, однако в 2021 году Казыгуртским районным судом было выявлено незаконное участие данных членов в суде. В 2021 году Министерство юстиции выявило 27 палат юридических консультантов, которые не состоят в Реестре [236].

Один из ярких примеров обсуждаемой ситуации – гражданское дело М., которая в 2022 году, проверяя свои данные на портале «Электронного правительства» в разделе «Участие в юридических лицах», обнаружила, что значится учредителем Палаты юридических консультантов «Тұрғын үй заңы», хотя никогда не участвовала в ее создании и не давала на это согласия. Считая данную информацию ошибочной, она обратилась в Департамент юстиции Алматы с заявлением о подтверждении того, что не является учредителем указанной организации.

В ответе Департамент сообщил, что М. указана в протоколе учредительного собрания от 1 августа 2019 года и в списке членов Палаты, представленных при ее государственной регистрации. По запросу истицы были предоставлены копии этих документов, которые содержали поддельную подпись, ложные сведения о месте жительства и фиктивные данные об участии в собрании учредителей.

В рамках судебного разбирательства по этому делу (№7527-22-00-2/10436) представитель ответчика – Палаты юридических консультантов «Тұрғын үй заңы» признал иск, в связи с чем решением суда регистрация указанной палаты признана недействительной [166].

Таким образом, данное дело наглядно демонстрирует проблему в системе контроля за государственной регистрацией палат юридических консультантов. В условиях, когда саморегулируемые организации обладают широкими полномочиями, но не сопровождаются недостаточным внешним контролем, создается благоприятная среда для злоупотреблений, что подрывает доверие к институту юридического консультанта в целом. При этом, несмотря на установленный судом факт фальсификации данных, явившихся основанием для регистрации Палаты, судом не вынесено частное определение для возбуждения уголовного дела по факту подделки документов, что вызывает серьезные вопросы о реализации принципа неотвратимости ответственности.

Немаловажным является соблюдение процедуры внесения изменений в учредительные документы. Представленный ниже случай из судебной практики затрагивает важную проблему несоответствия внутренних документов профессиональных объединений воле их членов, выраженной в протоколах общих собраний.

К. и С. подали иск в Специализированный межрайонный экономический суд Алматы (№7527-24-00-2/12937) с требованием признать незаконными положения Устава Палаты юридических консультантов города Алматы в части увеличения срока полномочий председателя до трех лет с возможностью переизбрания на срок без ограничения. Судом установлено, что, несмотря на то, что на общем собрании вопрос об увеличении срока полномочий председателя не обсуждался, в Устав необоснованно было внесено это изменение.

Решением суда от 12 декабря 2024 года иск удовлетворен, абз.2 п.44 Устава Палаты юридических консультантов города Алматы признан недействительным [166].

Несогласованность между решениями общего собрания и итоговой редакцией Устава свидетельствует о дефиците прозрачности в деятельности вышеназванной палаты юридических консультантов. Данные обстоятельства позволяют прийти к выводу о целесообразности рассмотрения возможности повышения контролируемости саморегулируемых организаций со сторон уполномоченного, а также координирующего органа.

При этом следует отметить, что проведенное исследование не выявило подобных фактов в адвокатских сообществах, что может свидетельствовать о более устойчивом и действенном существующем механизме внутреннего и внешнего контроля указанных организаций.

Учитывая, что адвокатская деятельность подлежит лицензированию, при ее приостановлении или прекращении лицензиар (МЮ РК), в соответствии с п.6 ст.43 и п.6 ст.44 Профильного закона, уведомляет об этом уполномоченный орган, ответственный за организационно-материальное обеспечение деятельности судов, центральные аппараты правоохранительных органов и коллегия адвокатов [7].

Согласно сведениям РКА, численность адвокатов свидетельствуют об устойчивом росте [49; 240]. В 2020 году количество адвокатов составляло 5474, в следующем году их число достигло 5555. Значительный рост наблюдался в 2022 году, когда клятву принесли 360 граждан. По состоянию на 2023 года адвокатское сообщество насчитывало 6119 представителей, а в 2024 году их численность увеличилась до 6344 членов, входящих в состав юридических консультаций, адвокатских контор и практикующих самостоятельно (Приложение 6).

В разрезе форм осуществления адвокатской деятельности можно отметить, что в 2024 году число адвокатов, состоящих в юридических консультациях, снизилось по сравнению с 2019 годом (с 2590 до 2257). Снижение количества адвокатов также наблюдается в адвокатских конторах (в 2023 году был рост с 501 до 671, однако на 2024 год число снизилось до 590). Данные показатели повлияли на увеличение числа адвокатов, осуществляющих свою деятельность индивидуально, за период с 2019 года по 2024 год число таких адвокатов увеличилось на 1212 (Приложение 7).

Все три формы адвокатских образований находятся под контролем областных территориальных коллегий, которые, в свою очередь, подотчетны РКА. Подобная модель организации деятельности свидетельствует о более высокой степени структурной упорядоченности, создает условия для эффективного мониторинга качества квалифицированной юридической помощи, оказываемой адвокатами, что затруднительно в случае с юридическими консультантами ввиду множества палат и отсутствия единого координирующего механизма.

В 2024 году РКА столкнулось с инициативами уполномоченного органа по внесению изменений в Профильный закон, которые потенциально затрагивают независимость адвокатской деятельности и предусматривают расширение контроля в отношении адвокатов со стороны государства. В частности, в итоговой редакции законопроекта предлагается дополнить ст.23 пп.15-3), наделяющим МЮ правом осуществлять государственный контроль в форме внеплановой проверки адвокатов и профилактического контроля адвокатов с посещением субъекта (объекта) контроля [49, с.28]. Таким образом, МЮ пытается получить расширенные контрольные функции за деятельностью адвокатов, в то время как юридические консультанты, по-прежнему, остаются вне сферы такого контроля, что создает явный дисбаланс в регулировании профессиональной юридической деятельности.

На основании результатов исследований, представленных в данном параграфе и предыдущих главах, возникает необходимость определить

оптимальный путь развития профессионального представительства по поручению в гражданском процессе.

По мнению Научно-консультативного совета РКА, мировая практика свидетельствует о целесообразности поэтапного перехода к единой профессиональной организации юристов на базе адвокатуры, с едиными унифицированными стандартами и этическими требованиями. Представители экспертного сообщества отмечают, что единая, проверенная временем форма организации юридической деятельности в конечном итоге обеспечит действительно квалифицированную юридическую помощь [237].

Комиссия по правам человека при Президенте РК, поддерживая рекомендации РКА, указывает на необходимость укрепления правозащитной функции адвокатуры, разработки Закона РК «О статусе адвокатов и адвокатской деятельности», обеспечения равенства адвокатов и прокуроров в суде и расширения круга лиц, привлекаемых к ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности [15].

Поддержку предложенного варианта реформирования выразил М.К. Сулейменов, который, подводя итоги круглого стола «Единая организация профессиональных судебных представителей», отметил, что введенная в 2018 году реформа не установила единообразия в профессиональном поведении юристов, вследствие чего представители в судебном процессе не достигли ожидаемого уровня развития [11; 238, с.9].

За объединение адвокатов и юридических консультантов в единую профессию высказался Ж.С. Елюбаев, предложив разделить коллегии адвокатов на две палаты, в одну из которых по уголовным и административным делам войдут нынешние адвокаты, в другую – по гражданским делам – юридические консультанты. Однако данное мнение является спорным, так как не все практикующие адвокаты сосредоточены только на уголовном процессе, и многие специализируются на гражданском судопроизводстве, что затрудняет жесткое разделение компетенций [12; 238, с.78].

Таким образом, адвокатское сообщество демонстрирует активное стремление к упразднению существующей системы юридических консультантов и предлагает разнообразные вариации их постепенного объединения с адвокатурой. Указанную меру можно признать обоснованной ввиду недостаточности регулирования и отсутствия единого регламентирования деятельности юридических консультантов.

Представители Палат юридических консультантов в равной мере выражают несогласие с подобным объединением и внедрением так называемой адвокатской монополии, приводя в поддержку своей позиции доводы о необходимости сохранения института юридических консультантов. В контексте данной полемики уместно вспомнить цитату Декарта: «В любом из споров возникает одна ошибка – истина находится где-то посередине между мнениями двух спорщиков, но чем сильнее они спорят, тем больше они отдаляются от нее» [239].

Представляется, что при столь заметной поляризации взглядов критерием объективной истины должна выступать не амбиция адвокатуры по

формированию единой профессиональной касты и не стремление юридических консультантов сохранить собственный «статус-кво», а то, насколько существующие институты представительства реально способствуют воплощению государственной политики в сфере предоставления гражданам квалифицированной юридической помощи.

Для принятия государством волевого решения недостаточно только желание одной из сторон: требуется наличие объективных оснований, указывающих на то, что введенный институт представительства не соответствует возложенным на него задачам, не позволяет достичь поставленных целей и порождает злоупотребления, затрагивающие права людей, обращающихся за юридической поддержкой. В этой связи возникает необходимость в проведении системного анализа, сборе статистических данных и изучении объективных показателей деятельности юридических консультантов, а также в выявлении причин негативных результатов их работы – с целью определить, обусловлены ли они недостатками правового регулирования или имеют более глубокий, системный характер.

Несомненно, что законодательные послабления в отношении юридических консультантов (отсутствие требования о прохождении стажировки для вступления в профессию, единых положений для вхождения в палату и требований об аттестации) позволяют допускать лиц, которые не прошли, в сравнении с адвокатами, строгий отбор для оказания квалифицированной юридической помощи.

Различие между адвокатами и юридическими консультантами обнаруживается и в системе внутреннего контроля. Так, дисциплинарные дела в отношении адвокатов рассматриваются специальными комиссиями с участием представителей общественности и судей в отставке, назначаемых по предложению МЮ РК [7]. В случае юридических консультантов аналогичный состав для такой процедуры не предусмотрен, что может способствовать проявлению со стороны палат либеральности к нарушителям для сохранения численности их членов.

Этические нормы и стандарты оказания юридической помощи представляют собой ключевой инструмент, регламентирующий исполнение профессиональных обязанностей субъектами, подпадающими под их действие.

Статья 12 Профильного закона предписывает соблюдение стандартов качества юридической помощи, обязывая руководствоваться лучшими практиками и нормами отечественного законодательства [7]. Однако единый Стандарт качества разработан лишь для адвокатов, тогда как у юридических консультантов отсутствуют унифицированные требования, поскольку каждая палата разрабатывает собственные стандарты.

Разработка стандартов оказания юридической помощи и критериев качества каждой палатой юридических консультантов в индивидуальном порядке вызывает определенные опасения, поскольку такое разнообразие стандартов затрудняет сопоставление уровня предоставленной юридической помощи, а также может привести к расхождениям в этических нормах профессиональной деятельности. Множественность палат и в результате этого затруднительность

их контроля со стороны уполномоченного органа повышают вероятность ошибок, способных привести к пропуску важных аспектов правовой помощи.

Острой полемикой сопровождаются обсуждения в отношении отсутствия законодательного требования о наличии у юридических консультантов гражданства, что позволяет иностранным гражданам и лицам без гражданства не только участвовать в судах, но и возглавлять палаты юридических консультантов, принимать решения о допуске к профессии, регулировать деятельность палат, рассматривать жалобы в отношении юридических консультантов и т.д.. Как указывает А.Ж. Бикебаев, доступ иностранных лиц к праву занимать руководящие должности в палатах относится к вопросу национальной безопасности [238, с.24]. Данная проблема указывает на необходимость установления законодательного требования о наличии гражданства Республики Казахстан для принятия в члены палаты юридических консультантов. Тем более, что такое требование предъявляется к профессиональным представителям во многих иностранных государствах.

Несмотря на недостаточность регламентирования юридических консультантов, принятие кардинального решения о ликвидации данной категории профессиональных представителей представляется преждевременным ввиду относительной новизны законодательного появления данного института (с 5 июля 2018 года). Для формирования правильного вывода о целесообразности нахождения указанных лиц в числе судебных представителей, внесения поправок в законодательство и совершенствование механизмов регулирования необходимо время. Кроме того, введение дополнительно строгих, аналогично применяемых к адвокатам, требований и порядка вступления в профессию может привести к тому, что не все юридические консультанты смогут получить лицензии, что может повлечь увеличение числа лиц, осуществляющих юридическую помощь нелегально, что отрицательно скажется на репутации юридического сообщества.

В этой связи юридические консультанты не должны оставаться вне единой координации, так как отсутствие унифицированных правовых регламентаций может негативно отразиться на реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. В качестве решения данного вопроса представляется систематизация их деятельности посредством обязательного членства палат юридических консультантов в Республиканской палате юридических консультантов, аналогично функционированию Республиканской коллегии адвокатов.

Согласно действующей редакции п.1 ст.78-1 Профильного закона, членство палат в РКЮК не является обязательным, при том, что п.3 на РКЮК возложены обязанности по координации деятельности палат, защите их интересов в органах государственной власти, негосударственных, зарубежных и международных организациях; участию в разработке законодательных актов и нормативно-правовых актов по вопросам предоставления юридической помощи [7]. С учетом возложения на РКЮК вышеперечисленных функций, координирующая роль данной организации должна распространяться на все существующие палаты, что позволит обеспечить единые правила и стандарты.

При этом по аналогии с одноименным названием палат целесообразно заменить РКЮК на Республиканскую палату юридических консультантов (РПЮК).

Попытки законодательного закрепления обязательного членства в единой республиканской организации встретили активное сопротивление, и согласительная комиссия палат Парламента в 2021 году настаивала, что членство в РКЮК и оплата взносов должны производиться в добровольном порядке [240]. В результате чего изначально (14 июля 2021 года) данная организация была создана представителями 15 палат юридических консультантов, а к 2024 году в ее составе находятся только 13 из 48 действующих палат [8].

Тем не менее, обсуждение вопроса необходимости объединения в единую профессиональную организацию не утратило свою актуальность. На значимость данной инициативы неоднократно указывают представители палат юридических консультантов.

Председатель Палаты юридических консультантов города Нур-Султан А. Скаков указывает, что некоторые юридические консультанты высказывают опасения, что обязательное членство приведет к повышению взносов и избыточной бюрократии, а также административному вмешательству в деятельность местных палат. Однако, им отмечается, что многие юристы считают, что подобные аргументы выглядят скорее популистскими и не подтверждаются фактами [241].

Член Президиума Палаты юридических консультантов города Нур-Султан и почетный юрист Казахстана С.Н. Беркамалов считает, что в условиях ограниченности финансовых ресурсов значительная часть палат юридических консультантов сталкивается с трудностями в обеспечении базовых потребностей: аренда помещений, оплата труда минимального числа сотрудников. Многие из палат не исполняют требования ст.89 Профильного закона в части наличия обязательного информационного интернет-ресурса. В таких условиях говорить о полноценной реализации функций палат по повышению квалификации, методическому сопровождению членов, а также представлению и защите их интересов в органах государственной власти, представляется затруднительным. С.Н. Беркамалов подчеркивает, что создание палат, их развитие и усиливающаяся конкуренция между ними должны способствовать формированию общих принципов профессиональной деятельности и единого подхода к регулированию. Однако на практике наблюдается обратная тенденция: перемещение юристов из одной палаты в другую с менее строгими условиями приема и более низкими взносами провоцирует общее снижение стандартов, обусловленное стремлением палат сохранить и увеличить численность своих членов.

В контексте международного опыта и стандартов профессионального регулирования С.Н. Беркамаловым делается вывод о необходимости формирования единой, авторитетной и эффективно функционирующей системы саморегулирования, способной обеспечивать устойчивый рост качества юридической помощи. В этой связи считает, что РКЮК должно стать центром консолидации идей, координации деятельности палат, выработки

предложений по совершенствованию профильного законодательства, а также представления интересов юридического сообщества в органах государственной власти и Парламенте [242].

Аналогичной позиции придерживается член палаты юридических консультантов города Алматы А.Н. Тулебаев, который обращает внимание также на наличие системных проблем в реализации требований законодательства об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности юридических консультантов. Он утверждает, что, несмотря на прямое установление данной обязанности законом, на практике выявляются случаи отсутствия у действующих юридических консультантов страховых полисов. При этом палаты, в юрисдикции которых фиксируются подобные нарушения, не принимают мер реагирования, что свидетельствует о недостаточном уровне контроля за соблюдением установленного правового режима.

Кроме того, А.Н. Тулебаев указывает на наличие существенных замечаний, касающихся процедур приема в члены палаты юридических консультантов, реализации механизмов дисциплинарной ответственности, а также порядка подтверждения статуса юридического консультанта. С учетом этих обстоятельств, им обоснованной представляется позиция о необходимости укрепления системы управления через создание централизованного координирующего органа – Республиканской палаты юридических консультантов, способной обеспечить оперативное и системное реагирование на возникающие проблемы, а также обеспечивающей более успешную адаптацию профессионального сообщества к условиям цифровизации [243].

Член палаты юридических консультантов Акмолинской области М. Саурбаев, настаивая на объединение палат под РКЮК, обосновывает это необходимостью предотвращения как произвольного толкования законодательных норм, так и нарушений этических стандартов в профессиональной деятельности. Обеспокоенность этого автора вызывает факт несоответствия уровня профессиональной практики отдельных юридических консультантов установленным требованиям. Аналогично другим юристам М. Саурбаев считает, что РКЮК создаст унифицированный подход в ключевых вопросах, таких как дисциплинарная практика, организация повышения квалификации, проведение праворазъяснительной работы, установление единых процедур аттестации при приеме в палаты и других аспектах, критически важных для обеспечения качества и устойчивости системы [244].

Приведенные мнения демонстрируют ограниченность существующей модели функционирования палат, что подчеркивает настоятельную необходимость системной координации их деятельности. Отсутствие согласованного механизма взаимодействия между палатами ведет к разобщенности нормативного регулирования и разнонаправленности профессиональных подходов как в вопросах стандартов оказания юридической помощи, так и в аспектах этики, дисциплинарной ответственности. Такая несогласованность порождает правовую неопределенность, снижает уровень доверия к институту юридического консультанта и свидетельствует об

объективных предпосылок для укрепления профессионального сообщества юридических консультантов на базе единой организации.

В связи с этим предлагается скорректировать п.1 ст.78-1 Профильного закона, заменив Республиканскую коллегия юридических консультантов на Республиканскую палату юридических консультантов и исключив положение о добровольном членстве палат. Таким образом, данная норма могла бы выглядеть следующим образом: «Республиканская палата юридических консультантов – некоммерческая организация, основанная на обязательном членстве палат юридических консультантов областей, городов республиканского значения и столицы, ...».

С учетом множественности палат, по аналогии с областными коллегиями адвокатов, которые успешно координируют деятельность своих членов на местах, необходимо сократить количество палат юридических консультантов. По этой причине в ст.78 Профильного закона следует внести изменение, дополнив ее п.3 следующего содержания: «На территории области, города республиканского значения, столицы образуется и действует одна палата юридических консультантов, которая не вправе создавать свои структурные подразделения (филиалы и представительства) на территории другой области, города республиканского значения, столицы.» [7].

Следует учитывать, что членство в соответствующих палатах должно быть обязательным для всех физических лиц, оказывающих юридическую помощь, а не только для тех, кто занимается судебным представительством. В связи с этим предлагается внести поправки в Профильный закон, исключив из ст.20 п.3, который допускает деятельность физических лиц по оказанию юридической помощи без членства в некоммерческих организациях (палатах юридических консультантов) [7].

Исследуя разницу в регулировании профессионального представительства в гражданском процессе, немаловажным видится вопрос гарантий деятельности юридических консультантов, которые, по сравнению с адвокатами, недостаточно законодательно защищены.

Государство постепенно принимает меры к обеспечению равных возможностей субъектов оказания квалифицированной юридической помощи. К примеру, в ранее действовавшей редакции ст.668 КОАП, административная ответственность предусматривалась исключительно за воспрепятствование адвокатской деятельности [245], однако Законом РК №155-VIII от 10 января 2025 года в Кодекс внесены изменения, в соответствии с которыми запрос юридического консультанта приравнен по юридической силе к адвокатскому запросу. Наряду с этим, за воспрепятствование деятельности юридических консультантов установлена ответственность в виде штрафа [246].

Тем не менее, не все нормативно-правовые акты содержат гарантии деятельности юридических консультантов. Так, вследствие законодательных ограничений юридические консультанты при осуществлении деятельности не могут получать в полном объеме информацию для оказания правовой помощи лицам, к ним обратившимся [160]. К примеру, юридические консультанты не указаны в перечне лиц, перечисленных в ст.17 Закона РК «О государственной

регистрации прав на недвижимое имущество» [247] и п.6 Приказа МЮ РК «Об утверждении правил предоставления информации из правового кадастра» [248], имеющих право получить информацию о зарегистрированных правах на недвижимое имущество. При этом вышеуказанные нормы вступают в противоречие с ч.2 ст.60 ГПК РК, согласно которой лица, являющиеся членами палаты юридических консультантов, вправе запрашивать справки или другие документы у государственных органов, общественных объединений и юридических лиц. С учетом того, что в силу ст.10 Закона РК «О правовых актах» [163] нормы Кодекса по иерархии выше положений Закона РК «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» и Приказа МЮ РК, предусмотренные в них ограничения в доступе юридических консультантов к запрашиваемой информации, необходимой для оказания квалифицированной юридической помощи, подлежат приведению в соответствие с ГПК РК.

В свою очередь А.Ж. Бикебаев считает, что предоставление юридическим консультантам привилегий, характерных для публично-правового статуса, противоречит их предпринимательской деятельности. Доступ к служебной информации государственных органов, свободный проход их в помещения и другие специфические права и гарантии будут существенно отличать их от иных предпринимателей. Поэтому автором предполагается, что многие предприниматели проявят повышенный интерес к получению статуса юридического консультанта из-за упрощенной процедуры вступления в палату [238, с.44].

Тем не менее, юридические консультанты уже действуют в качестве представителей по поручению и оказывают юридическую помощь, и имеющиеся ограничения препятствуют эффективному выполнению их обязанностей, что негативно сказывается на представительстве граждан и организаций.

В целях обеспечения деятельности юридических консультантов при оказании квалифицированной юридической помощи представляется целесообразным обратиться к Правительству РК с инициативой о внесении соответствующих законодательных изменений в Парламент. Для этого необходимо организовать последовательную и централизованную работу, предполагающую всестороннее изучение по выявленным в данных сфере правовых пробелов и противоречий с участием не только практикующих юристов, но и научного сообщества. В рамках указанной деятельности ключевая роль может быть отведена предлагаемой к созданию Республиканской палате как профессиональному объединению, обладающему потенциалом для эффективной, оперативной и системной работы по защите прав и интересов юридических консультантов.

Вместе с тем, с учетом важности профессионализации судебного представительства, необходимой для повышения качества правосудия, уровня судебной защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, представляется правильным введение разграничения допуска к гражданскому судопроизводству, при котором участие адвокатов может быть предусмотрено во всех судебных инстанциях, тогда как юридические консультанты и другие

лица, указанные в ч.1 ст.58 ГПК РК, могли бы представлять интересы сторон преимущественно в судах первой и апелляционной инстанции.

Дифференцированный подход к судебному представительству в зависимости от стадии судопроизводства, не является уникальной мерой и находит отражение в зарубежной практике, что выяснено путем анализа в предыдущем параграфе настоящего исследования. Основная функция вышестоящих судов заключается в пересмотре решений суда первой инстанции с целью проверки их законности и обоснованности. Такой пересмотр направлен на выявление ошибок в оценке доказательств и применении правовых норм, что обеспечивает значимый механизм защиты прав и способствует унификации судебной практики и установления единообразного применения законов всеми судами страны.

Необходимо обратить внимание на мнения Е.Б. Абдрасулова, Г.С. Рысжановой, А.Б. Сактагановой, которые подчеркивают, что судебная практика представляет собой результат деятельности судов по конкретизации и дополнению законодательства в процессе его применения. В более широком понимании она выступает механизмом выявления системных проблем правоприменения, включая пробелы и внутренние противоречия в нормативных правовых актах [249, с.52]. В этой связи, с учетом роли судебной практики как индикатора состояния законодательства, участие квалифицированных представителей в гражданском процессе приобретает особую значимость. Оно не только обеспечивает защиту прав и законных интересов сторон, но и способствует формированию устойчивых правовых позиций в условиях изменяющейся и развивающейся правоприменительной практики.

Ограничение участия отдельных категорий представителей при рассмотрении дел в определенной судебной инстанции уже нашло отражение в гражданском процессуальном законодательстве. В частности, представители из числа соучастников допускаются к участию лишь в производстве в судах первой и апелляционной инстанций, тогда как возможность их участия в кассационном производстве исключается, что вытекает из пп.2 ч.3 ст.57 ГПК РК.

В соответствии с этим рекомендуется внести изменения в пп.2 ч.3 ст.57 ГПК РК: «Представителями лиц, указанных в частях первой и второй настоящей статьи, являются:

2) в судах кассационной инстанции и Верховном Суде Республики Казахстан, лица, указанные в подпункте 1) части первой статьи 58 настоящего Кодекса.».

А.В. Цискаришвили считает, что существующая в мире практика свидетельствует о том, что введение условной монополизации адвокатской деятельности не сужает рынок юридической помощи, а обеспечивает равный доступ к качественной юридической помощи и улучшает правосудие. Унифицированные стандарты юридической помощи рассматриваются как общая цель государств, придерживающихся принципа верховенства права и стремящихся к созданию единого рынка юридической помощи [250, с.143].

Л. Ригестав указывает, что термин «монополия» часто ассоциируется с подавлением конкуренции, однако, в отдельных сферах (например, медицине и юриспруденции) подобная форма регулирования направлена на устранения «сбоев внутреннего рынка», мешающих потребителям принимать осознанные решения [251, с.2690].

А. Селкова обращает внимание, что жесткие квалификационные требования к кандидатам в адвокаты функционируют как фильтр, отсеивающий непрофессионалов и оставляющий в системе только достойных специалистов [252].

Как отмечает Ю. Пилипенко, адвокатскую монополию следует характеризовать как «самую естественную», сопоставляя ее с медицинской сферой: несмотря на страх перед существующими опасениями, граждане предпочитают обращаться к стоматологам, а не к сапожникам, чтобы устранить проблемы полости рта [253, с.75].

Основные возражения противников идеи исключительного права адвокатов на участие в судебном представительстве основаны на строгой дисциплинарной ответственности и возможном увеличении ежемесячных адвокатских взносов, что может привести к удорожанию прейскуранта на юридическую помощь. Относительно первого основания к несогласию, необходимо учитывать, что лишение лицензии производится лицензиаром либо судом и только в случаях, строго установленных законом. Что касается мнения об увеличении взносов, то, как отмечает А.Ж. Бикебаев, их размер утверждается общим собранием, а расходование средств контролируется Президиумом и проверяется независимой ревизионной комиссией, что исключает искусственное завышение взносов [238, с.69].

С точки зрения рыночного механизма ценообразования, стоимость юридической помощи определяется не только численностью лиц, имеющих доступ к судебному процессу, но и конкуренцией среди адвокатов, поскольку количество адвокатов достаточно велико, это создаст естественную конкуренцию и предотвратит необоснованный рост цен. Кроме того, важным фактором является экономическая обоснованность и доступность правосудия: доверители, как правило, имеют ограниченные финансовые возможности, и адвокаты вынуждены устанавливать адекватные рыночные цены, чтобы сохранить клиентуру. Любое существенное повышение расценок ведет к снижению спроса и, в итоге, становится невыгодным для самих адвокатов.

Немаловажное значение имеет государственное регулирование и профессиональная этика адвокатов, поскольку адвокатура регулируется как нормами законодательства, так и этическими стандартами, направленными на пресечение необоснованного завышения цен. Более того, существует возможность установления предельных тарифов на адвокатскую помощь, что дополнительно ограничивает риски спекулятивного роста расценок.

Кроме того, обоснование монополии адвокатов (пусть и условной) заключается не только в защите граждан и юридических лиц, но и в достижении общественно значимой цели по поддержанию доверия к судебной ветви власти и верховенства закона. Наличие неквалифицированных

представителей, не владеющих процедурными аспектами, в особенности при судебном представительстве в вышестоящих инстанциях, в условиях отсутствия достойной и надлежащей состязательности представителей сторон способно подорвать авторитет судебной системы.

технологиями, такими как облачные вычисления и т.д. В результате не всегда ясно, какие виды рисков на самом деле могут возникать на стыке таких технологий, поскольку не существует общей структуры для разработки и внедрения единой практики управления безопасностью для блокчейна и децентрализованных приложений.

Из-за децентрализации затруднена идентификация организации, ответственной за сеть или за действия, происходящие в сети, а также создаются сложности в определении законодательства, применимого для возникшей правовой ситуации, что может препятствовать компетентным органам исполнять правовые и регулирующие функции [263, с.59].

Существуют стандарты и нормативно-правовая база, которые относятся к технологии блокчейн, но не были разработаны специально для нее. Так, например, «Общий регламент Европейского союза по защите данных» (GDPR), разработанный взамен «Директивы о защите данных» 1995 года, вступивший в действие в 2018 году, устанавливает рамки обработки персональных данных, направленных на защиту неприкосновенности частной жизни, а также содействует свободному перемещению данных между государствами-членами ЕС [266, с.63]. Организации, работающие с персональными данными граждан или резидентов ЕС, должны соблюдать ряд протоколов, включая четкое изложение политики конфиденциальности сведений, получение согласия перед их сбором, обеспечение возможности отзыва согласия, надежную защиту информации, соответствие стандартам при передаче данных за пределы ЕС и соблюдение права на пересмотр или удаление полученной информации («право быть забытым»). Нарушение этих требований влечет за собой штрафы до 20 миллионов евро или 4% от годового дохода в зависимости от того, какая сумма окажется больше [267].

Особые затруднения вызывает протокол «право быть забытым», поскольку он противоречит принципам функционирования блокчейн-технологий, основанных на неизменяемости данных. Данный протокол предусматривает возможность не только изменения, но и корректировки персональных данных, тогда как блокчейн допускает лишь добавление новых записей, не затрагивая уже внесенные. В результате возникают объективные сложности с соблюдением предписаний GDPR.

Этот анализ подтверждается экспертными мнениями, в том числе Д. Фрагейл считает, что GDPR позволяет гражданам ЕС контролировать свои персональные данные, что, с одной стороны, соответствует духу децентрализации, а с другой – противоречит неизменяемому реестру блокчейна и децентрализованной архитектуре хранения данных [268].

Ш. Бретт признает конфликт, отмечая, что интерпретация требований GDPR варьируется в зависимости от национальных подходов [269].

Географическое рассредоточение участников сети представляет собой еще одну значительную проблему. Даже при возможности редактирования, поскольку идентичные копии информации хранятся у множества участников сети по всему миру, отсутствует гарантия своевременного исправления или удаления персональных данных по запросу. При этом, в случае несоблюдения

такого запроса, правовая защита может потребовать судебного разбирательства в юрисдикции каждого участника, что потенциально приводит к коллективным международным искам [268].

Архитектура узлов блокчейна также накладывает ограничения: GDPR предполагает хранение персональных сведений в пределах ЕС, тогда как децентрализованные узлы могут быть распределены по всему миру. Кроме того, GDPR возлагает ответственность на руководителей корпораций за соблюдение нормативных стандартов, в то время как блокчейн-проекты зачастую управляются свободным сотрудничеством разработчиков и предпринимателей, что усложняет применение традиционных регуляторных механизмов [269].

Несмотря на эти противоречия, смарт-контакты и другие решения на базе блокчейн-технологий уже применяются в правовой сфере для оцифровки юридических документов и автоматического исполнения обязательств.

Смарт-контракты удовлетворяют основные требования традиционных договоров и предусматривают автоматическое инициирование оплаты, что исключает необходимость услуг третьих лиц, таких как агенты эскроу (посредники, удерживающие и регулирующие платежи между двумя сторонами в процессе сделки) [270].

А. Райт и М. Коэн подчеркивают, что блокчейн может содействовать открытости, уменьшению затрат и демократизации доступа к правовой помощи, что определяет необходимость разработки правовых механизмов для регулирования взаимодействия новых технологий с традиционными правовыми институтами [262, с.10, 15].

В контексте вышесказанного может сложиться впечатление, что цифровизация отменяет значимость адвоката и юридического консультанта, однако, это абсолютно не соответствует действительности.

Юридическая помощь часто требует индивидуального подхода, личной коммуникации, способности анализировать большие объемы доказательств и разбирать тонкие процессуальные детали, что недоступно чат-ботам или онлайн-платформам. При наличии многослойных правовых коллизий участие квалифицированного специалиста остается необходимым, поскольку никакая программа не способна проанализировать комплекс законодательных норм так же точно, как профессионал. Вследствие этого предсказания о полном вытеснении профессии судебного представителя цифровыми технологиями выглядят чрезмерными.

В то же время, грамотно используемые IT-решения, включая блокчейн, способны упростить сбор доказательств и снизить издержки представителей. Автоматизация рутинных задач – от получения документов до взаимодействия с контрагентами – повышает скорость и прозрачность, особенно в финансовых и иных хозяйственных спорах [271]. Онлайн-платформы также способствуют дистанционным консультациям, устраняя затраты на аренду офисных помещений и повышая доступность правовой помощи доверителям из отдаленных районов.

Несмотря на перечисленные преимущества, применение цифровых технологий сопровождается рисками для кибербезопасности, особенно в сфере судебного представительства, где затрагиваются интересы доверителей и возникает необходимость применения дополнительных мер защиты.

С 2020 года, после объявления Всемирной организацией здравоохранения чрезвычайной ситуации, многие субъекты перешли на дистанционный формат работы, активно обмениваясь сведениями и документами через цифровые каналы, включая социальные сети. Такой массовый переход значительно повысил уязвимость граждан и юридических лиц перед угрозами информационной безопасности.

Несмотря распространенное мнение, что большинство платформ сохраняют конфиденциальность и не допускают «утечки» данных, на практике случаи нарушения безопасности остаются неизбежными по целому ряду причин. В этих условиях защита конфиденциальности доверителя становится сложной и многогранной задачей, требующей детальной правовой регуляции.

Соблюдение профессиональной тайны остается ключевым принципом деятельности представителя. Срок ее сохранения не ограничен во времени, поэтому адвокат или юридический консультант обязан обеспечивать ее сохранность как в ходе оказания юридической помощи, так и после завершения выполнения принятых обязательств.

Профессиональные представители, оказывающие квалифицированную юридическую помощь, не вправе применять информацию доверителя в личных целях, однако сложно достоверно определить грань, когда доверитель считает раскрытие информации выгодным для себя, если понимание некоторых юридических тонкостей ему недоступно.

В связи с этим адвокатским сообществом при разработке и утверждении Кодекса профессиональной этики предусмотрены основные параметры, подпадающие под адвокатскую тайну, с отнесением к ней конфиденциальной информации, которая охватывает: факт заключения договора и его условия, включая финансовые расчеты; собранные доказательства и документацию; содержание юридических консультаций и детали адвокатского разбирательства; информацию о доверителе, полученную в процессе оказания юридической помощи; содержание общения с доверителем; любую другую информацию, связанную с оказанием юридической помощи [119].

Для защиты конфиденциальной информации от несанкционированного доступа третьих лиц представители должны принимать меры предосторожности. Если бумажные документы можно хранить в металлическом сейфе, то цифровые носители и компьютеры требуют особых методов защиты. Информация, образующая тайну, может передаваться в незашифрованном виде и случайно (например, из-за информационной неграмотности) стать доступной посторонним. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, когда представитель получил письмо с рекламной ссылкой, содержащей предложение о прохождении курсов повышения квалификации, необходимых для выполнения законодательных требований, а открытие ссылки на поступившую информацию привело к установке

вредоносной программы. В результате этого, программы, проникая в устройство, предоставляют третьему лицу доступ ко всем файлам, содержащимся на компьютере, и такие действия могут долгое время оставаться незамеченными. Этим, сам того не подозревая, представитель нарушает как условия договора, который был им заключен с доверителем, так и нормы законодательства.

С целью оказания методической поддержки и защиты адвокатского сообщества от попыток подорвать доверие к нему Совет Федеральной палаты адвокатов РФ разработал рекомендации по обеспечению конфиденциальности и независимости адвоката, включая практические меры по защите информации, составляющей адвокатскую тайну. В этих рекомендациях приводятся простые, но действенные советы, такие как избегание использования громкой связи во время телефонных разговоров с доверителем [272; 273, с.53].

В профессиональных сообществах Республики Казахстан аналогичные рекомендации отсутствуют, хотя их принятие представляется актуальным и целесообразным. Дополнительно к упомянутым мерам соседнего государства, регуляторы нашей страны могут предложить иные способы защиты электронных данных: шифрование устройств с помощью встроенных инструментов (Bitlocker для Windows, FileVault для MacOS, Kaspersky, PGP); использование уникальных паролей длиной более двенадцати символов с прописными и строчными буквами и специальными символами; игнорирование электронных писем от неизвестных отправителей с подозрительными вложениями и ссылками и т.д. Подобные цифровые тонкости необходимо прописывать с участием соответствующих IT-специалистов, разбирающихся в программных тонкостях. Например, встроенные средства защиты MS Office и Adobe PDF менее надежны, поэтому уместнее пользоваться криптографическим программным обеспечением VeraCrypt [274].

Приведенные рекомендации в целом несложны для молодых представителей юридической профессии, однако не все обладают знаниями в этой сфере и способны самостоятельно подобрать методы защиты от кибератак. Из этого следует, что РКА и РКЮК, как организациям, сформированным для представления и защиты интересов своих членов, координации их деятельности и обеспечения высокого уровня юридической помощи, следует разработать и утвердить единые рекомендации по обеспечению тайны, ставшей известной в рамках оказания юридической помощи. Кроме того, уместно проводить регулярные тренинги, привлекая специалистов в области высоких технологий, и рассмотреть возможность создания IT-отделов при коллегиях и палатах.

Для обоснования таких инициатив важно проанализировать существующую практику применения цифровых решений в поддержке адвокатов и юридических консультантов в Республике Казахстан. В условиях современности и развития технологий необходимость использования этими лицами, обладающими правом реализовывать конституционное право на получение юридической помощи, становится весьма актуальной.

В соответствии со ст.24 Профильного закона [7], АО «Национальные информационные технологии» разработало «Единую информационную

систему юридической помощи» («Е-Заң көмегі») созданную в рамках Государственной программы «Цифровой Казахстан». Данная система ориентирована на онлайн-оказание юридической помощи и автоматизацию работы адвокатов и юридических консультантов, преимуществами которого являются:

1. Оказание эффективной правовой помощи на этапе консультации через ввод данных о лицах в систему;
2. Снабжение адвокатов и юридических консультантов инструментами для проверки информации о лицах в ходе судебных процессов;
3. Ускорение сбора доказательств при исполнении обязанностей защитника или представителя;
4. Автоматизация предоставления и учета государственной юридической помощи онлайн;
5. Возможность для судов и правоохранительных органов проверять статус и полномочия адвокатов и юридических консультантов в режиме реального времени;
6. Ведение реестра и получение выписок;
7. Информационное взаимодействие с государственными и частными организациями;
8. Управление веб-порталами территориальных коллегий адвокатов и палаты юридических консультантов;
9. Доступ к справочно-правовой системе для быстрого решения юридических вопросов и анализа большого объема данных [275].

В результате проведенного анализа функциональных и технических характеристик «Е-Заң көмегі» были выявлены определенные особенности архитектуры системы и взаимодействия с пользователем. В частности, доступ к ней осуществляется через стандартные браузеры, интерфейс реализован с использованием типовых веб-технологий (HTML, CSS, JavaScript), а процесс авторизации и работы с данными строится по классической централизованной модели через форму ввода и взаимодействие с внешними базами данных осуществляется посредством центрального сервиса. Все это позволяет сделать предположение, что система не основана на технологии блокчейна. Отсутствие признаков децентрализации, таких как распределенное хранение данных, неизменяемость записей или использование смарт-контрактов косвенно подтверждают, что «Е-Заң көмегі» опирается на классические веб-технологии.

«Е-Заң көмегі» как технологическое решение не в полной мере соответствует современным стандартам, требованиям практики и специфике юридической деятельности, что вполне вероятно создает барьеры как для правоприменителей, так и для граждан, которые нуждаются в квалифицированной юридической помощи. Так, в ходе ознакомления с сайтом «Е-Заң көмегі» возникли технические проблемы при попытке зайти как физическое лицо, то есть как лицо, которое в том числе вправе получить квалифицированную юридическую помощь. После регистрации, введенный и принятый системой пароль, в последующем оказался неправильным для входа, и была инициирована процедура сброса. Впоследствии на указанную почту

получено письмо от eur.info@nites.kz с прикрепленной ссылкой «Сменить пароль», однако переход по ней возвращал пользователя на главную страницу, не предлагая опции ввода нового пароля. Попытка использования ИИН при входе привела к повторной ошибке «Логин или пароль неверны». При этом, судя по содержанию ответа, система уже зафиксировала введенные данные, но «не признавала» их.

В 2024 году к сотрудничеству в рамках «Е-Заң көмегі» были готовы 6007 специалистов: 3618 адвокатов и 2389 юридических консультантов, а к началу 2025 года их число увеличилось на 260 адвокатов (3878), 355 юридических консультантов (2744) [275]. При таком количестве профессионалов у пользователя наблюдается широкий выбор лиц, к которым можно обратиться за юридической помощью. Тем не менее, в профилях ряда юридических консультантов отсутствуют ключевые сведения, такие как реестровый номер, специализация, язык, режим работы, стаж и т.д.. Аналогичные пробелы обнаруживаются и в профилях адвокатов.

Дополнительным элементом «Е-Заң көмегі» является раздел «Обращения», действующий как форум открытого типа. Он предоставляет возможность пользователям задать интересующий их правовой вопрос и получить ответ специалиста. Подобный формат можно рассматривать как образовательный ресурс, поскольку раздел не только облегчает доступ к правовой информации, но и позволяет изучать опыт разрешения схожих правовых ситуаций за счет открытого архива вопросов и ответов.

Однако в ходе исследования выявлено, что ряд ответов не соответствует существу поставленных вопросов, что снижает эффективность ресурса. В связи с этим данный раздел нуждается в более жесткой модерации и предварительном одобрении публикуемых ответов со сторон разработчиков платформы или ответственных кураторов системы.

В качестве примера заслуживают внимания обращения лиц, опубликовавших вопросы для получения юридической помощи. К примеру, в обращениях №2021-0000001052, №2022-0000002256, №2023-0000003026, №2024-0000003384, №2024-0000003383, №2025-0000004895, №2025-0000005027, №2025-0000005038 и многих других, помимо ограниченного количества кратких содержательных ответов, которые могли бы помочь пользователю без юридического образования и квалификации разобраться в правовой ситуации, также содержат рекомендации адвокатов и юридических консультантов напрямую связаться с ними, в том числе на платной основе. Следует отметить, что часть обращений, размещенных на платформе, остается без ответов со стороны специалистов (№2021-0000001251, №2021-0000001258, №2022-0000001284, №2022-0000001287, №2023-0000003027, №2025-0000005021). Об изложенных фактах также свидетельствуют и отзывы, что вызывает обоснованные сомнения в доступности и безвозмездности юридической помощи, которые декларируются как основная цель ресурса.

Анализ пользовательских отзывов о работе «Е-Заң көмегі» также выявляет ряд системных проблем. Прежде всего, значительное количество пользователей указывает на технические сбои: неактивные кнопки, ошибки при заполнении

форм, невозможность открыть вкладки или прочитать ответы. Некоторые жалуются на исчезновение ранее размещенных обращений, что ставит под сомнения стабильность функционирования системы и надежность хранения информации. Пользователи отмечают, что платформа не предоставляет возможности отвечать на комментарии, вести диалог с конкретным специалистом, оценивать качество полученной консультации или оставлять обратную связь, в профилях адвокатов и юридических консультантов отсутствует информация о специализации и количестве успешно завершенных дел. Отдельное беспокойство вызывает автоматическое искажение текста после публикации обращения, что негативно сказывается на смысловой точности и понимании сути вопроса. В целом, отзывы пользователей отражают неудовлетворенность как технической реализацией платформы, так и организацией процесса консультационной поддержки.

Несмотря на обозначенные недостатки, стоит отметить, что некоторые пользователи выражают благодарность за оказанную правовую консультацию, что подтверждает потенциал платформы.

«Е-Заң көмегі» разработан за счет средств АО «НИТ», частично формируемых из взносов адвокатов и юридических консультантов в размере 3600 тенге ежемесячно. С учетом количества зарегистрированных судебных представителей в 2024 году бюджет платформы в месяц составляет 21 625 200 тенге, а в 2025 году – 23 839 200 тенге. Принимая во внимание технические ошибки и небрежность заполнения требуемых сведений, данная платформа не представляется отвечающей базовым требованиям, несмотря на первоначальные амбиции в рамках программы «Цифровой Казахстан». Кроме того, «Е-Заң көмегі» создан на основании ст.24 Профильного закона РК [7], а выявленные недоработки свидетельствуют о халатности со стороны уполномоченного органа в отношении обеспечения контроля за выполнением государственных задач по обеспечению информатизации и технологического обеспечения правовой системы.

Таким образом, видится целесообразным предложить теоретическую модель платформы на основе блокчейн-технологий, способной повысить эффективность юридической помощи и судебного представительства, что особенно актуально в условиях стремительного внедрения цифровых технологий и роста потребности в модернизации правовой инфраструктуры. Разработка подобных решений соответствует современным тенденциям цифровизации, включающим использование искусственного интеллекта, блокчейна и других инновационных инструментов в сфере права.

Предполагается, что проектируемая платформа должна объединить не только профессионалов (адвокатов и юридических консультантов), но и предоставлять полезный функционал для граждан и организаций.

Аналог платформы «СпросиВрача» [276], используемый в Российской Федерации, может стать основой для предлагаемой платформы, который предполагается к функционированию следующим образом: пользователь осуществляет предоплату на счет системы при помощи криптовалютной транзакции, формулирует правовой вопрос, а специалисты предлагают

различные ответы по заявленной теме. По завершению дискуссии пользователь определяет ответ, удовлетворяющий изначальный запрос, и направляет оплату выбранному профессионалу. Если данная процедура не реализуется самостоятельно, то блокчейн на основании смарт-контракта использует специальный алгоритм для автоматического получателя вознаграждения.

Схожая схема, за исключением оплаты, существует на сайте СпросиЮриста [277] при Информационной системе «Параграф». В данном случае экспертами выступают специалисты юридических клиник КИМЭП, Каспийский университет, КазГЮУ и Нархоз. Однако отсутствуют данные, позволяющие установить конкретных лиц, предоставляющих ответы от имени обозначенных юридических клиник.

Поскольку адвокаты и юридические консультанты обладают большей компетенцией и правом оказания юридической помощи, их участие в таком форуме повышает доверие пользователей и способствует формированию базы доверителей, которые в последующем могут обратиться к ответившему специалисту за комплексным правовым сопровождением.

Для решения иных правовых задач, включая создание договоров, написание исковых заявлений и т.д., целесообразно учитывать опыт сайта Studlance.ru [278]. На этой платформе заказчик формулирует задачу, определяет сроки и бюджет, а исполнители, если имеются совпадения по специализации, получают уведомления. Поверенный, в свою очередь, может выдвинуть собственное предложение, указывая ожидаемую сумму и обозначая сроки исполнения, при этом доверитель вправе отклонить такое предложение.

В целях соблюдения тайны обращения к представителю полезно предусмотреть анонимность доверителя на этапе выбора исполнителя. Личные данные становятся доступными только после принятия поручения лицом, оказывающим квалифицированную юридическую помощь, путем подписания смарт-контракта. Подобная мера способствует защите сведений об обращении за правовой помощью, что полностью корреспондируется с профессиональной тайной.

Пользователь может указывать сроки исполнения заказа, а в случае, если сроки пропускаются, затягиваются либо работа выполнена некачественно, то заказчик оспаривает заказ, привлекая к разрешению спора руководителей сайта. В рамках рассматриваемого проекта платформы целесообразно возложить ответственность за рассмотрение жалоб на РКА и РКЮК, которые оперативно перенаправят указанные претензии в областные коллегии и палаты. На уровне этих организаций необходимо решать вопрос об обоснованности жалобы.

На основании оказанной юридической помощи у представителей будет формироваться рейтинг, предусматривающий в определенной отрасли права, например, в сфере налогообложения.

Предлагается добавить новостной блок, содержащий анонсы и уведомления о тренингах для повышения квалификации, проведении круглого стола, изменениях в законодательстве и т.д.. Кроме того, важно предусмотреть корректно сформированный Реестр адвокатов и юридических консультантов, доступ к заполнению которого будут иметь исключительно РКА и РКЮК.

Такой Реестр позволит фиксировать сведения о статусе, специализации, результатах прохождения аттестации, дисциплинарных взысканиях, поощрениях и наградах и т.д. Регулярно обновляемый Реестр позволит судам получать доступ к статусу представителей в режиме реального времени.

Немаловажным представляется синхронизация платформы, основанной на блокчейн-технологии, с внешними системами, а именно: органами исполнительного производства (МЮ РК) (данные о ходе исполнительных процедур, ограничениях и электронных торгах); Комитетом административной полиции МВД РК (сведения о штрафах, нарушениях, текущих задолженностях); базой нотариальных действий (записи о юридически значимых операциях); базой ЦОН (государственные услуги); налоговыми реестрами (перечень задолженностей, прочая налоговая информация) [14]; базой Верховного суда (решения, иски, обобщения и анализ судебной практики); ChatGPT 4o.

Преимущество блокчейн при получении статуса адвоката или юридического консультанта заключается в объективности и открытости процедуры аттестации, а также предотвратить предоставление недостоверной информации, например, в отношении трудового стажа. Стажер, претендующий на получение права заниматься адвокатской деятельностью, сможет прикреплять необходимые документы по установленному перечню и получить доступ к отслеживанию процесса закрепления за конкретной коллегией или практикующим адвокатом. В личном кабинете в период стажирования будет возможность поэтапно подтверждать выполнение плана, обязательного к прохождению стажировки и отправлять руководителю электронные версии документов на проверку.

Формат блокчейна достаточно обширен и надежен, позволяя зафиксировать в личном деле стажера процесс защиты перед Президиумом коллегии адвокатов, подтверждающийся решением об утверждении либо отказе в утверждении заключения о прохождении стажировки. Это обеспечит неизменяемость и прозрачность информации, что повысит доверие к процессу со стороны всех участников. Аналогичный подход уместен и для лиц, намеревающихся вступить в палату юридических консультантов.

Таким образом, предлагаемая блокчейн-платформа может включать:

1. Регистрацию пользователя с фиксацией личных данных без возможности подделки и с аутентификацией каждого действия;
2. Личный кабинет, не допускающий внесения неавторизованных изменений в профиль (статус, стаж, дисциплинарная история), а в случае попытки модифицировать информацию в обход механизма, блокчейн отразит попытку взлома;
3. Модуль аттестации в рамках которого смарт-контракты фиксируют защиту стажировки, решения о допуске или недопуске к деятельности, что будет препятствовать недобросовестному редактированию сведений;
4. Модуль приема и оформления заказов, предусматривающий возможность автоматизированной фиксации информации о взаимодействии между доверителем и представителем. В случае подачи жалобы все сопутствующие

документы, включая цифровые доказательства, сохранятся в блокчейн-системе, обеспечивающей их неизменяемость и достоверность. Территориальные коллегии и палаты оперативно получают доступ к этим материалам для рассмотрения ситуации, а принятое ими решение подлежит регистрации в распределенном реестре;

5. Журнал смарт-контрактов, заключаемых для оказания юридической помощи, с возможностью автоматического исполнения обязательств;

6. Интеграцию с внешними системами для получения сведений в отношении доверителей, освобождая представителей от ручного сбора документов;

7. Новостной модуль, предоставляющий информацию об актуальных событиях. Смарт-контракты могут автоматически записывать представителей на курсы повышения квалификации с осуществлением криптографической транзакции.

Применение описанной блокчейн-модели дает преимущества в судебном представительстве, включая: надежность удостоверения статуса представителей (суды и иные участники вправе проверять актуальность статуса адвоката или юридического консультанта, не полагаясь на устаревшие или поддельные реестры); ускоренный процесс разрешения споров о качестве оказанной помощи (блокчейн содержит полную хронологию электронных взаимодействий, позволяя быстро выявить недобросовестные действия); повышение уровня конфиденциальности (при правильном криптографическом дизайне частная переписка и документы хранятся в распределенном реестре под доступом только у владельца ключей, а любые изменения контролируются механизмом валидации).

В заключение, отметим, что интеграция информационно-коммуникационных технологий на базе блокчейна в судебное представительство может решить ряд проблем, начиная от повышения прозрачности и безопасности данных, завершая корректным и надежным подтверждением статуса представителей.

Между тем эффективное использование цифровых инструментов и информационно-коммуникативных ресурсов может существенно повысить производительность и результативность деятельности судебных представителей. Предполагаемая модель (смарт-контракты, децентрализованная база данных, интеграция с внешними системами) станет существенным шагом на пути к усовершенствованию представительства по поручению в гражданском процессе, что согласуется с вектором цифровой трансформации Республики Казахстан и способствует реализации целей, связанных с формированием качественной и доступной юридической помощи.

Таким образом, цифровизация юридической помощи становится не только технологической задачей, но и элементом формирования современной правовой среды, ориентированной на человека и его права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенной исследовательской работы сделаны следующие выводы:

1. Историю становления и развития института представительства в суде можно разделить на пять этапов:

- 1) Возникновение и развитие судебного представительства в римском праве;
- 2) Расцвет института судебного представительства в Российской империи;
- 3) Появление и эволюция представительства в казахском обычном праве с последующим реформированием с учетом влияния Российской империи;
- 4) Этап институционализации и нормативного оформления судебного представительства в Советский период;
- 5) Развитие судебного представительства в Республике Казахстан.

Современный институт судебного представительства и формирование рынка юридической помощи ознаменовано принятием в 2018 году Закона РК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи».

Данным Законом введен институт юридических консультантов, установлены дефиниция «юридическая помощь», принципы оказания юридической помощи, предусмотрены система повышения квалификации, требования об обязательном страховании ответственности и т.д.

2. Исследование института представительства по поручению показало, что судебное представительство, сохраняя фундаментальную связь с материально-правовой природой представительства, отличается от него целями, характером правоотношений, составом участников и юридическими последствиями.

Комплексный анализ этого института, рассматривающий его как совокупность процессуальных действий, правовых отношений и правового института, позволяет глубже понять роль и сущность представительства в суде в целях реализации конституционного права на судебную защиту.

Роль судебного представительства выражается в функциональной стороне этого института, когда представитель формирует позицию доверителя с учетом актуального законодательства и правоприменительной практики, осуществляет сбор и подготовку доказательств, участвует в судебных заседаниях, при необходимости обжалует судебные акты.

Сущность судебного представительства определяется его фундаментальной правовой природой, обеспечивает доступ к правосудию посредством передачи процессуальных прав представителю, обладающему знаниями и навыками для квалифицированной защиты интересов доверителя. Данный институт позволяет преодолевать объективные и субъективные препятствия, которые могут помешать самостоятельному участию в суде лиц, участвующих в деле.

Несмотря на наличие в ГПК РК отдельной главы, посвященной представительству, единое определение данного понятия отсутствует, что порождает разнообразие научных интерпретаций. Вследствие этого предложено авторское определение «представительство в суде по поручению».

2.1. Выделение основных видов представительства на добровольное и обязательное (законное), а также определение дополнительных форм, таких как

консульское, общественное и уставное, подчеркивают сложность и многообразие этого института. Наличие более широкой классификации объясняется тем, что указанные формы не вписываются в классическое понимание базовых видов. Общественное представительство не следует отождествлять с добровольным, поскольку уполномоченные представители действуют в интересах членов объединения, но не состоят с ними в договорных отношениях. Уставное представительство сочетает элементы как законного, так и добровольного представительства, что затрудняет его однозначную классификацию.

Иная классификация представительства, разделяющая его на профессиональное и непрофессиональное приобретает особое значение для выявления слабых и сильных сторон форм представительства, что, в свою очередь, способствует совершенствованию механизма судебного представительства в условиях современного правового регулирования.

3. Классификация участников гражданского судопроизводства с разграничением их функций от роли представителя по поручению позволила выявить особенности правового статуса и полномочий последнего. Судебные представители не могут считаться носителями правосудия, так как только суд уполномочен на данную функцию. Представители не могут быть отнесены и к лицам, участвующим в деле, поскольку, несмотря на «замещение» доверителя, у них не формируется идентичный набор прав и обязанностей, а решение по делу не затрагивает его личные интересы. Представителей также нельзя причислить к лицам, содействующим правосудию, из-за отличающихся функций и объема полномочий.

Несмотря на разнообразие научных точек зрения к определению статуса судебных представителей в гражданском судопроизводстве, представляется обоснованным рассматривать их в качестве самостоятельной категории субъектов. В связи с этим в работе углубленно проанализирован субъектный состав представителей по поручению, а также лиц, чьи интересы они представляют.

3.1. В соответствии с ч.2 ст.57 ГПК РК представитель – это дееспособное лицо, обладающее полномочиями на ведение дел в суде, которые основаны на доверенности, законе, судебном постановлении или административном акте.

Исходя из ч.1 ст.58 ГПК РК, правом выступать в роли судебных представителей обладают различные субъекты – адвокаты, работники юридических лиц, уполномоченные профессиональных союзов, уполномоченные организаций, Уполномоченный по правам человека, соучастники и члены палаты юридических консультантов.

Каждый из перечисленных лиц наделен свойственными им индивидуальными характеристиками, заслуживающими отдельного научного внимания.

3.2. При анализе правовых норм, регулирующих деятельность адвокатов и юридических консультантов, следует отметить, что, несмотря на их равные функции по оказанию квалифицированной юридической помощи в гражданском судопроизводстве, в Законе РК «Об адвокатской деятельности и

юридической помощи» предусмотрены различные условия обретения ими профессиональных статусов, а также особенности организации и координации деятельности этих субъектов.

В частности, стать адвокатом не может лицо, уволенное с государственной службы по негативным основаниям; совершившее административное коррупционное либо уголовное правонарушение; лишенное лицензии или исключенное по отрицательным поводам из реестра палаты юридических консультантов в течение трех лет со дня наступления вышеперечисленных событий. Для вступления в палату юридических консультантов установлены более мягкие требования и единственным препятствием является исключение в течение трех лет из реестра палаты за нарушение законодательства, правил и стандартов предоставления юридической помощи или Кодекса профессиональной этики.

Существенное отличие в правовом положении указанных субъектов заключается в требовании к адвокатам о наличии гражданства Республики Казахстан, которое не предусмотрено в отношении юридических консультантов. Указанное свидетельствует не только о разном закреплении правосубъектности данных представителей, но и о предоставлении иностранным лицам и лицам без гражданства права на оказание юридической помощи.

При анализе объема полномочий адвокатов и юридических консультантов прослеживается определенная схожесть, выражающаяся в предоставлении им права на осуществление юридической помощи в рамках гражданского, административного судопроизводства, а также в делах об административных правонарушениях. Существенное различие заключается в том, что исключительно адвокаты обладают правом выступать в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, тогда как юридическим консультантам данное полномочие не предоставлено.

Значительным отличием является наличие законодательных запретов адвокатам на занятие коммерческой деятельностью, государственной и иной оплачиваемой должности, тогда как юридические консультанты не связаны такими ограничениями, что повышает риск возникновения конфликта интересов между ними и доверителями.

3.3. При исследовании процессуальной правосубъектности представителей, указанных в ч.1 ст.58 ГПК РК, особый интерес вызвало регулирование допуска к участию в суде Уполномоченного по правам человека, на которого не распространяется требование ч.2 ст.58 ГПК РК о представлении доверенности для участия в гражданском процессе.

Несмотря на наличие отдельных процессуальных норм, касающихся участия Уполномоченного по правам человека в качестве судебного представителя, в процессуальном законодательстве не предусмотрена возможность привлечения данного лица для дачи заключения по делам, связанным с нарушением прав человека. В соответствии со ст.56 ГПК РК такими полномочиями наделены государственные органы и органы местного самоуправления, тогда как Уполномоченный по правам человека не относится к

таковым, поскольку согласно Конституционному Закону он является должностным лицом, выполняющим функции содействия восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина. В связи с чем, представляется целесообразным дополнить ст.56 ГПК РК нормой, допускающей привлечение судом Уполномоченного по правам человека для дачи заключения по рассматриваемым делам.

Затрагивая вопрос привлечения Уполномоченного по правам человека для дачи заключений по гражданским делам, невозможно не обратить внимание на пределы процессуальных полномочий лиц, перечисленных в ст.56 ГПК РК. Частью 3 названной статьи они наделены правами, предусмотренными ст.46 ГПК, включая правом на обжалование судебных актов, в то время как согласно ч.1 этой же статьи данные субъекты привлекаются судом для дачи заключений по делу и не имеют собственный интерес в исходе дела. Вследствие этого, усматривается противоречие в обозначенных процессуальных нормах, которое не получило широкого отражения в судебной практике и требует дополнительно научного осмысления и теоретического обоснования.

3.4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан не только определяет круг лиц, допускаемых к представительству, но и устанавливает категории лиц, которым запрещено выступать в качестве представителей (к примеру, судьи, прокуроры и т.д.). В отдельных случаях предусматривается возможность участия в качестве представителей прокурора, к примеру, в случае законного представительства.

Помимо этого, имеется ограничение на участие в суде представителей по иным основаниям, например, в случае отсутствия у адвоката или юридического консультанта договора страхования профессиональной ответственности, либо конфликта интересов, если ранее представитель оказывал юридическую помощь противоположной стороне. При этом законодательное регулирование порядка обжалования определения суда об отстранении представителя от участия в деле отсутствует, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования процессуальных норм.

4. При анализе научных мнений по вопросу возникновения представительства выявлены различные подходы к его правовой природе. Одни считают, что представительство возникает на основании отдельных юридических фактов, таких как договор или судебное определение, другие утверждают о необходимости комплекса оснований, включая волеизъявление доверителя, согласие представителя, наличие доверенности и заключение договора. Последняя точка зрения представляется более обоснованной, так как представительство возникает при совокупности юридических фактов, обеспечивающих его легитимность и эффективность.

4.1. Объем полномочий представителя в судебном процессе должен быть четко определен в доверенности, отсутствие которой лишает его права на участие по гражданскому делу.

Доверенность является односторонней сделкой, устанавливающей права представителя в отношении третьих лиц, но не регулирует его обязательства перед доверителем. Регламентируя объем прав представителя, доверенность не

заменяет договор об оказании юридической помощи. В отличие от доверенности договор является двусторонним соглашением, регулирует отношения между представителем и доверителем, предусматривает права и обязанности сторон, определяет возмездность поручений и другие правовые регламентации взаимоотношений сторон.

Таким образом, каждый из обозначенных документов играет свою определенную роль в урегулировании отношений между доверителем, представителем и третьими лицами и не может подменять друг друга.

4.2. Особый интерес вызывает содержание термина «полномочия», которыми доверитель наделяет своего поверенного путем выдачи доверенности.

Полномочия представителя – это юридически значимые действия, которые он вправе совершать от имени доверителя в суде. Полномочия подразделяются на общие и специальные, что позволяет разграничить их объем и предотвратить возможные злоупотребления.

Современные научные исследования указывают на сложный характер полномочий представителя, сочетающий субъективное право и обязанность действовать в интересах доверителя. При этом дополнительная ответственность (перед судом, законом, профессиональной этикой и т.д.) трансформирует классическую модель «доверитель уполномочил – представитель выполнил» в более комплексное правовое взаимодействие, где представитель не всегда может слепо следовать воле доверителя. Следовательно, содержание полномочия зависит не только от воли доверителя, но и от конкретных условий представительства, что делает его гибким инструментом правового регулирования.

4.3. В свете актуальности внедрения института коллективных исков, направленных на защиту широкого круга лиц, представительство в гражданском процессе становится еще более значимым.

Проектом Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам конкуренции» инициированы дополнения ГПК РК, предусматривающие исключение необходимости оформления доверенности от каждого истца при подаче в суд коллективного иска. При этом, участие в коллективном иске одного истца-инициатора не исключает возможность привлечения представителя, что повышает востребованность профессиональной юридической помощи.

4.4. Анализ правовой природы договора об оказании юридической помощи позволяет выявить в его содержании элементы различных договорных конструкций, в частности, договора поручения и договора возмездного оказания услуг, что дает основание квалифицировать этот договор в качестве смешанного типа договора.

Несмотря на различные подходы ученых к определению предмета договора (одни авторы считают таковым сам процесс оказания помощи, другие – конкретный результат, например, составление процессуальных документов), большинство мнений сходится в невозможности включения в предмет договора

благоприятного исхода судебного дела, поскольку он не подлежит гарантированию.

Для определения условий оплаты при оказании юридической помощи законодательство не установило единые критерии для расчета стоимости. Имеющиеся рекомендации РКА лишь ориентируют на принятие во внимание ряда факторов, таких как сложность и категория дела, объем требований, срочность и т.д.. Закрепление этих критериев на нормативном уровне способствовало бы унификации практики и повышению доверия к институту юридической помощи.

Прекращение договорных отношений в рамках оказания юридической помощи также требует определенности. Анализ положений Кодекса профессиональной этики адвокатов, являющегося обязательным для данных профессиональных представителей, позволил выявить коллизию: с одной стороны, адвокат обязан отказаться от поручения при недостаточной компетентности, с другой стороны – должен предпринять усилия по ее восполнению путем выяснения обстоятельств дела, изучения специальной литературы и судебной практики. Такая неопределенность создает условия для возможности уклонения адвоката от исполнения обязательств по оказанию юридической помощи и ставит под угрозу права доверителя. В связи с этим представляется целесообразным пересмотреть эти нормы с целью исключения субъективных оснований прекращения поручения.

5. Сравнительный анализ процедур присвоения статуса адвоката и юридического консультанта показал наличие существенных различий, свидетельствующих о неоднородности требований к квалификации и подготовке этих категорий представителей.

Система допуска к адвокатской деятельности характеризуется повышенными требованиями о прохождении стажировки, аттестации и получении лицензии. Между тем, юридические консультанты не обязаны проходить стажировку и получать лицензию, а их аттестация проводится палатами на основании внутренних правил. Указанное свидетельствует о наличии императивного регулирования доступа к профессии адвоката и диспозитивности норм в отношении получения статуса юридического консультанта.

Рассмотрение исследуемого вопроса позволило прийти к следующим выводам:

5.1. В отношении адвокатов:

Пилотный проект автоматизированной аттестации кандидатов в адвокаты представляет собой прогрессивный метод проверки знаний, однако не позволяет оценить навыки аргументации и риторики, важные для адвокатской практики.

Изучение норм законодательства и судебной практики о приостановлении или прекращении лицензии на занятие адвокатской деятельности показало, что за аналогичные дисциплинарные нарушения предусмотрены разные меры ответственности: временное исключение из коллегии и лишение лицензии, что создает правовую неопределенность в выборе меры ответственности за

аналогичные нарушения и препятствует формированию единообразной дисциплинарной практики.

5.2. В отношении юридических консультантов:

Определение каждой палатой самостоятельного порядка проведения аттестации, установление собственных требований для вступления в члены палат юридических консультантов, а также дисциплинарных мер ответственности предоставляют возможность субъективного подхода к регулированию юридических консультантов. Кроме того, контроль со стороны уполномоченного органа ограничен: МЮ не имеет права лишать юридических консультантов их профессионального статуса, а вправе лишь направить в палату представление о привлечении к дисциплинарной ответственности.

Положение п.2 ст.75 Закона РК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи», признающее юридических консультантов субъектами частной практики противоречит Налоговому кодексу, который относит к таковым только адвокатов, нотариусов, судебных исполнителей и медиаторов. Для корректности налогообложения юридических консультантов необходимо устранить коллизию между этими нормами.

6.1. В отличие от адвокатов и юридических консультантов, которых законодатель обязывает регулярно повышать квалификацию, иные судебные представители по поручению не имеют такой обязанности, что может снизить качество правовой помощи. В этой связи предлагается создание единого Центра повышения квалификации для всех категорий представителей.

Выданный Центром сертификат, наряду с доверенностью, следует рассматривать как обязательный документ для допуска судом представителя к гражданскому процессу.

6.2. В целях пресечения злоупотреблений процессуальными правами требуется усиление ответственности судебных представителей, для чего представляется целесообразным изложить ч.1 ст.114 ГПК РК в новой редакции, позволяющей применение материальной ответственности за необоснованный иск или спор против обоснованного иска, либо систематическое противодействие правильному и быстрому рассмотрению и разрешению дела. Такая мера будет способствовать повышению качества подготовки к судебному разбирательству и снижению случаев недобросовестного поведения в судебном разбирательстве.

Действующая редакция главы 9 ГПК РК, регулирующая ответственность за неуважение к суду, не охватывает весь спектр правонарушений, возникающих в ходе гражданского судопроизводства. С учетом обеспечения равенства сторон и стабильности функционирования судебной системы, представляется необходимым расширить содержание ч.1 ст.119 ГПК РК, включив в нее ответственность за неуважение к другим участникам процесса.

6.3. Законодательный запрет на получение адвокатами вознаграждения в зависимости от исхода дела не только ограничивает возможность материального стимулирования данных субъектов, но и ставит их в неравное положение с юридическими консультантами, в отношении которых такие требования не установлены.

Внесение изменений в ст.47 Закона РК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» путем введения возможности применения «гонорара успеха» корреспондируется со свободой волеизъявления в установлении правоотношений.

7. Сравнительно-правовой анализ большинства правовых систем свидетельствует о тенденции к профессионализации института судебного представительства. Регламентация допуска к представительству в делах особой категории, в частности в вышестоящих судебных инстанциях, как правило, ограничивается участием адвокатов, что подчеркивает значимость профессиональной специализации при рассмотрении сложных споров.

Глобальный вектор мирового развития института представительства по поручению в гражданском судопроизводстве демонстрирует движение к унификации критериев допуска. Для Республики Казахстан зарубежный опыт имеет практическое значение в контексте обсуждения перспектив введения профессионального фильтра при допуске к судебному представительству, а также поиска оптимального баланса между правом на защиту и квалифицированными требованиями к представителям.

8. Качество юридической помощи определяется не только профессиональной компетентностью, сформированной путем получения образования и практического опыта, но и совокупностью личностных характеристик представителя. Упорство, инициативность, стратегическое мышление, коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект, способность к поиску и принятию обоснованных решений – все это формирует облик квалифицированного профессионала. Все эти качества должны соотноситься с соблюдением этических норм, личностными характеристиками, которые в совокупности формируют образ квалифицированного специалиста в области оказания юридической помощи.

8.1. Законодатель трактует понятие «юридическая помощь» как деятельность, направленную на реализацию конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи. Однако данное толкование представляется недостаточно корректным с точки зрения его точности и нормативной согласованности. Так, статья 20 Закона РК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи», озаглавленная «Лица, оказывающие юридическую помощь», наряду с адвокатами и юридическими консультантами, уполномоченными оказывать именно квалифицированную юридическую помощь, включает также государственные органы, нотариусов, частных судебных исполнителей и физических лиц, не являющихся членами палаты юридических консультантов, которые не обладают соответствующим профессиональным статусом, необходимым для оказания квалифицированной помощи. В результате формируется терминологическое и содержательное несоответствие в законодательной конструкции понятия юридической помощи.

Для устранения противоречия предлагается разграничить дефиниции «юридическая помощь» и «квалифицированная юридическая помощь».

8.2. Адвокатское сообщество предлагает упразднение института юридических консультантов с его интеграцией в адвокатуру, что мотивируется

недостаточностью регулирования и отсутствием единого регламентирования деятельности юридических консультантов. Однако для принятия такого решения необходимы объективные основания, подтверждающие несоответствие данного института поставленным целям и наличие систематических злоупотреблений, затрагивающих права граждан, обращающихся за юридической поддержкой.

Несмотря на слабоурегулированность юридических консультантов, принятие кардинального решения о ликвидации этой категории профессиональных представителей представляется преждевременным ввиду относительной новизны их законодательного появления. Для формирования правильного вывода о целесообразности нахождения указанных лиц в числе судебных представителей, внесения поправок в законодательство необходимо время. Кроме того, введение дополнительно строгих, аналогично применяемых к адвокатам, требований и порядка вступления в профессию может привести к тому, что не все юридические консультанты смогут получить лицензии, что может повлечь увеличение числа лиц, осуществляющих юридическую помощь нелегально, что отрицательно скажется на репутации юридического сообщества.

В то же время юридические консультанты не должны оставаться вне единой координации, так как отсутствие унифицированных правовых регламентаций может отразиться на реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. В качестве решения данного вопроса предлагается систематизация деятельности посредством обязательного членства палат юридических консультантов в Республиканской палате юридических консультантов, аналогично функционированию Республиканской коллегии адвокатов.

8.3. С учетом важности профессионализации судебного представительства, необходимой для повышения качества правосудия, уровня судебной защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, представляется правильным введение разграничения участия в судебном представительстве, при котором участие адвокатов может быть предусмотрено во всех судебных инстанциях, тогда как юридические консультанты и другие лица, указанные в ч.1 ст.58 ГПК РК, могли бы представлять интересы сторон преимущественно в судах первой и апелляционной инстанций.

Целесообразность дифференцированного подхода к судебному представительству в зависимости от стадии судопроизводства подтверждается опытом большинства зарубежных стран.

Кроме того, ограничение участия отдельных категорий представителей в рассмотрении дел в участии в определенной судебной инстанции уже нашло отражение в гражданском процессуальном законодательстве Республики Казахстан. В частности, представители из числа соучастников допускаются к участию лишь в производстве в судах первой и апелляционной инстанций, тогда как возможность их участия в кассационном производстве исключается.

9. Особое внимание требует развитие цифровизации юридической помощи, которая способна повысить эффективность деятельности судебных представителей.

Эффективное использование цифровых инструментов способствует результативности и качеству юридической помощи путем внедрения предложенной модели платформы на базе блокчейн-технологии, которая соответствует курсу трансформации Казахстана и направлена на совершенствование института представительства по поручению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (Дата обращения: 01.02.2025)
2. Верховный Суд подвел итоги работы судов республики за 1 полугодие 2024 года // Верховный суд Республики Казахстан. – Режим доступа: <https://sud.kz/rus/news/verhovnyy-sud-podvel-itogi-raboty-sudov-respubliki-za-1-polugodie-2024-goda>
3. Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858_ (Дата обращения: 12.02.2025)
4. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (Дата обращения: 20.02.2025)
5. Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2014 года № 254-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшего упрощения отправления правосудия, снижения бюрократических процедур» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z14000002546>. (Дата обращения: 01.03.2025)
6. Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года №377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (Дата обращения: 07.02.2025)
7. Закон Республики Казахстан от 5 июля 2018 года №176-VI «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000176> (Дата обращения: 05.02.2025)
8. Республиканская Коллегия Юридических Консультантов // Официальный сайт Республиканской Коллегии Юридических Консультантов. – Режим доступа: <https://rcla.kz/ru>
10. Позиция Научно-консультативного совета Республиканской коллегии адвокатов по вопросу законодательного закрепления Республиканской коллегии юридических консультантов в качестве единой централизованной организации с обязательным членством в РКЮК всех палат юридических консультантов от 16 февраля 2023 года // Республиканская коллегия адвокатов. – Режим доступа: <https://advokatura.kz/ru/pozicii/pozicia-naucno-konsul-tativnogo-soveta-respublikanskoj-kollegii-advokatov-po-voprosu-zakonodatel-nogo-zakreplenia-respublikanskoj-kollegii-uridiceskih-konsul-tantov-v-kacestve-edinoj-centralizovannoj-organizacii-s-obazatel-nym-clenstvom-v-rkuk-vseh-palat-uridiceskih-konsul-tantov?ysclid=lwmusm8z74431881684>

11. Круглый стол: «Единая организация профессиональных судебных представителей» (5 октября 2024 года) // Youtube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=0hpa17x4ilY>

12. Елюбаев Ж.С. Видение по принципиальным вопросам юридической профессии в Казахстане // Kazakhstan Law Review. – Режим доступа: <https://kazlawreview.kz/videnie-po-principialnym-voprosam-razvitiya-yuridicheskoy-professii-v-kazahstane/?ysclid=m6xc7mpjaw474900657>

13. Нурсеитова Т. Адвокатура должна быть полностью отделена от государства // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34653739

14. Концепция развития казахстанской адвокатуры на 2022-2025 годы «Новый Казахстан – новая адвокатура» от 18 апреля 2022 года // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36293611 (Дата обращения: 02.02.2025)

15. Комиссия по правам человека при Президенте Республики Казахстан рекомендует принять Конституционный Закон «О статусе адвоката и адвокатской деятельности», кассационные ходатайства адвокатов рассматривать, как и протесты прокуроров // Республиканская коллегия адвокатов. – Режим доступа: <https://advokatura.kz/ru/news/komissia-po-pravam-celoveka-pri-prezidente-respubliki-kazahstan-rekomenduet-prinat-konstitucionnyj-zakon-o-statuse-advokata-i-advokatskoj-deatel-nosti-kassacionnye-hodatajstva-advokatov-rassmatrivat-kak-i-protesty-prokurorov?ysclid=m6um1xdjwk578416318>.

16. Chroust A.H. Legal Profession in Ancient Republican Rome / A.H. Chroust // Notre Dame Law Review. – 1954. – №97. – Режим доступа: <https://scholarship.law.nd.edu/ndlr/vol30/iss1/5>.

17. Боровков П.С. Судебная власть понтификов в римском гражданском праве V-IV вв. до н.э. / П.С. Боровков // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2007. – №49, вып. 13. – С. 19-27.

18. Жамбурбаева С. Правовое регулирование представительства в рамках гражданского права и процесса в Древнем Риме / С. Жамбурбаева // Научные исследования и инновации. – 2021. – №2. – С. 204-210.

19. Томсинов В.А. Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества: ист.-сравнит. юрид. исслед.: дис. на соиск. уч. степ. д-ра юр. наук: 12.00.01 / В.А. Томсинов. – ГрГУ: Гродно, 1993. – 352 с.

20. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский / Вступит, статья, переводы с лат., научн. ред. и коммент. Л.Д. Рудокваса. – Спб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1998. – 560 с.

21. Римское частное право: учебник / коллектив авторов; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: КНОРУС, 2016. – 608 с.

22. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1-2. Очерк всеобщей истории адвокатуры / Е.В. Васьковский. – СПб., Н.К. Мартынов, 1893. – 396 с.

23. Crook J.A. Legal advocacy in the Roman world / J.A. Crook. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1995. – 225 p.

24. Metzger E. An Outline of Civil Procedure in Roman Law / E. Metzger // Roman Legal Tradition. – 2013. – №9. – Pp. 1-30.

25. История адвокатуры. Адвокатура в Независимом Казахстане // Республиканская коллегия адвокатов. – Режим доступа: <https://advokatura.kz/ru/istoria-advokatury>
26. Mousourakis G. Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition / G. Mousourakis. – Switzerland: Springer International Publishing, 2015. – 339 p.
27. Краткая история становления и развития института адвокатуры в мировом и казахстанском масштабах // Алматинская городская коллегия адвокатов. – Режим доступа: <https://www.agka.kz/ru/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%B8-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82/>
28. Бычихин А.В., Рубанов С.А. Исторический аспект развития института судебного представительства / А.В. Бычихин, С.А. Рубанов // Актуальные исследования. – 2019. – №1(1). – С. 24-28.
29. Геваргиз А. А. К вопросу об истории судебного представительства в России // Проблемы экономики и юридической практики. – 2008. – №3. – С. 207-209.
30. Адвокатура в России: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / Г.Б. Мирзоев и др.; под ред. Г.Б. Мирзоева, А.А. Власова, Н.Д. Эриашвили. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИДАНА: Закон и право, 2010. – 367 с.
31. Зеленин А.А., Гаврилов С.О. Генезис института судебного представительства: римские традиции и феномен Советской адвокатуры / А.А. Зеленин, С.О.Гаврилов // Современная научная мысль. – 2019. – №5. – С. 104-110.
32. Реформирование институтов обвинения и защиты в советском судопроизводстве в 1920 г. // Издательство «Проблемы науки» – Режим доступа: <https://scienceproblems.ru/reformirovanie-institutov-obvinenija-i-zashchity-v-sovetskom-sudoproizvodstve-v-1920-g/2.html>
33. Жунусканов Т.Ж. Становление и развитие адвокатуры в Казахстане: предпосылки возникновения. Нынешнее состояние / Т.Ж. Жунусканов // Адвокатская практика. – 2014. – №6. – С. 47-50.
34. Гражданского процессуального кодекса РСФСР от 1923 года (Утратил силу) // Сайт университета НИУ ВШЭ. – Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/10_grazhd_kodeks?ysclid=lvv60osjmb302957932
35. Положение об адвокатуре СССР (СП СССР 1939 г. №49) (Утратил силу) // Исторические материалы – Режим доступа: <https://istmat.org/node/24232?ysclid=lvv750pu6x259763461>
36. Гражданского процессуального кодекса РСФСР от 1964 года (Утратил силу) // Сайт университета НИУ ВШЭ. – Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/16_grazhd_proc_kodeks?ysclid=lvv77ru250354774780

37. Ахметова Н.С. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Учебное пособие / Н.С. Ахметова. – Караганда: Изд. КарГУ, 1990. – 136 с.
38. Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система / С.З. Зиманов. – Алматы: Алтын мұра, 2008. – 224 с.
39. Кенжалиев З.Ж. Духовно нравственные и мировоззренческие истоки института биев / З.Ж.Кенжалиев // Известная Национальной академии наук РК. – Вып. 5, №303 (2015). – С. 27-35.
40. Алимжан К.А. Суд биев как обычно-правовое учреждение и институт обычного права / К.А. Алимжан // «Право и государство». – 1998. – №3. – С. 59-63.
41. Ученые труды Казахского государственного университета имени С. М. Кирова. Серия юридическая. Том 8 / Министерство высшего и среднего специального образования Казахской ССР; ответ.-й ред. М.А. Ваксберг. – Алма-Ата, 1967 г. – 304 с.
42. Евразийский юридический портал // Сайт Eurasian legal portal. – Режим доступа: <https://www.eurasialegal.info/index.php/legal-articles/2-right-of-the-countries-cis/948-2012-01-13-04-08-52.html>
43. Ахметова Н.С. Право кочевого казахского общества / Н.С. Ахметова. – Караганда: ТОО «Арко», 2007. – 192 с.
44. Бакирова А.М. Роль института биев как органа по урегулированию и разрешению конфликтов правового характера / А.М. Бакирова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – №4. – С. 409-423.
45. Гражданский процессуальный кодекс Казахской ССР от 1963 года (Утратил силу) // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004274
46. Газдиева З.А. Вопросы расширения роли адвокатуры в Республике Казахстан / З.А. Газдиева // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2007. – №1(5). – С. 173-177.
47. Закон Республики Казахстан от 5 декабря 1997 года №195-І «Об адвокатской деятельности» (Утратил силу) // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000195_
48. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 июля 1999 года №411 (Утратил силу) // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000411_
49. Национальный доклад о состоянии адвокатуры и деятельности адвокатов по защите прав и свобод граждан в 2024 году // Республиканская коллегия адвокатов. – Режим доступа: <https://advokatura.kz/files/9ed18ea796ac35319bba9359c328f1cd.pdf>
50. Голубцова Д.Д. Институт представительства в материальноправовых и процессуальных аспектах: сравнительная характеристика / Д.Д. Голубцова // Вопросы права. – 2023. – №1. – С.27-29.
51. Савелкова А.С. Представительство в гражданском процессе: дип.раб. на бак. права: 44.03.04 / А.С. Савелкова. – Екатеринбург, 2017. – 57 с.

52. Аналитическая справка: «О статусе, роли и правовом регулировании представителя в суде по гражданским делам» // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37971200
53. Масликова К.А. Понятие и виды представительства / К.А. Масликова // Молодой ученый. – 2020. – № 38(328). – С. 115-116.
54. Королева С.О. Представительство сторон и третьих лиц в арбитражном процессе: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.15 / С.О. Королева. – Москва, 2007. – 23 с.
55. Семенова А.Е. Представительство в суде как институт гражданского процессуального права РФ: дип.раб. на бак. права: 40.03.1 / А.С. Савелкова. – Томск, 2017. – 82 с.
56. Шарапова Л.С. Актуальные проблемы представительства в арбитражном процессе / Л.С. Шарапова, А.А. Мовсесян // Молодой ученый. – 2023. – № 48(495). – С. 456-458.
57. Козлов А.Ф. Представительство в суде / А.Ф. Козлов. – Москва: БЕК, 1995. – 262 с.
58. Карпина Т.А. Представительство как необходимый элемент достижения правовой определенности / Т.А. Карпина // Право и суд в современном мире: Материалы XV ежегодной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Редколлегия: К.А. Волков (отв. редактор) [и др.]. – 2022. – С. 80-83.
59. Агаева А.А., Семенова Е.Ю. Представительство в гражданском процессе / А.А. Агаева, Е.Ю. Семенова // Глобус: экономика и юриспруденция. – 2019. – №3 (33). – С. 24-28.
60. Гражданское процессуальное право России: учебник / О.В. Исаенкова, А.А. Демичев; под ред. О.В. Исаенковой. – Москва: Норма, 2009. – 448 с.
61. Саттарова З.З. Представительство по назначению суда в гражданском судопроизводстве: теоретические аспекты / З.З. Саттарова // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2022. – С. 54-61.
62. Гражданский процесс: Учебник / под ред. М.К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2014. – 960 с.
63. Зайков Д.Е. Судебное представительство в цивилистическом процессе: учебник / Д.Е. Зайков. – Москва: Юридический институт РУТ (МИИТ), 2021. – 156 с.
64. Абрамов С.Н. Гражданский процесс: Учебник для юридических школ / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР; С.Н. Абрамов. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946. – 232 с.
65. Розенберг Я.А. Представительство по гражданским делам в суде и арбитраже / Я.А. Розенберг. – Рига: Зинатне, 1981. – 147 с.
66. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / А.Х. Гольмстена. – 5-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: тип. М. Меркушева, 1913. – 411 с.

67. Лисневский В.С. Институт представительства в гражданском процессе Российской Федерации: автореферат дис. на соиск. уч. степ.канд. юрид. наук: 12.00.03. / В.С. Лисневский. – Томск, 2017. – 35 с.

68. Гаппаров К.М., Салимова И.М. Понятие, значение и виды представительства в гражданском процессе. – 2022. – Режим доступа: <https://cdn.uza.uz/2022/06/24/07/53/kYNJVzQPIRKO0NoOjZrj4XU20U403ear.pdf>

69. Шигорина А.Е. Представительство в суде общей юрисдикции / А.Е. Шигорина // Молодой ученый. – 2024. – № 42 (541). – С. 204-205.

70. Кублов Р.М. Сравнительная характеристика представительства в гражданском и арбитражном процессе / Р.М. Кублов // Актуальные вопросы современной науки. – 2011. – №18.

71. Шерстюк В. М. Судебное представительство по гражданским делам / В. М. Шерстюк. – Москва: Изд-во МГУ, 1984. –115 с.

72. Гриценко Д.В. Проблемы определения понятия судебного представительства в гражданском процессе / Д.В. Гриценко // Научный журнал «Эпомен». – 2021. – №55. – С. 121-130.

73. Баймолдина З.Х. Гражданское процессуальное право Республики Казахстан: В двух томах. Т.1. Общая часть (Темы 1-15). Учебник / З.Х. Баймолдина. – Алматы: КазГЮА, 2001. – 416 с.

74. Халатов С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе / С.А. Халатов. – Москва: НОРМА, 2002. – 205 с.

75. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 4 июня 2021 года №1 «О проверке на соответствие Конституции Республики Казахстан Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам адвокатской деятельности и юридической помощи»» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2100000001>

76. Талапова Г.Т., Якушкин С. Принципы гражданского судопроизводства: понятие и значение // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2020. – №1 (59). – С. 136-141

77. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия / Е.В. Васьковский. – Москва: Статут, 2016. – 624 с.

78. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 12 марта 1999 года №3/2 «Об официальном толковании пункта 7 статьи 61 и пункта 1 статьи 28 Конституции Республики Казахстан» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S9900000003_ (Дата обращения: 15.02.2025)

79. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 20 апреля 2004 года № 3 «О соответствии Конституции Республики Казахстан подпункта 5) пункта 1 статьи 23 Закона Республики Казахстан «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» и подпункта 1) пункта 4 «Правил осуществления пенсионных выплат из пенсионных накоплений, сформированных за счет обязательных пенсионных взносов, добровольных профессиональных пенсионных взносов из накопительных пенсионных

фондов», утвержденных постановлением Правительства Республики Казахстан от 4 июля 2003 года, № 661» // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1047608 (Дата обращения: 13.02.2025)

80. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 29 апреля 2005 года №3 «О проверке конституционности статьи 13 Закона Республики Казахстан «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье»» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S050000003_ (Дата обращения: 16.02.2025)

81. Гордон А.М. Представительство в гражданском праве: Исслед. А. Гордона, присяж. поверенного при С.-Петерб. судеб. палате / А.М. Гордон. – Санкт-Петербург: тип. Шредера, 1879. – 435 с.

82. Байгушева Ю.В. Представительство: монография / Ю.В. Байгушева. – Ярославль: Филигрань, 2015. – 220 с.

83. Гражданское право. В 4 т. Т.1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В.С. и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб и доп. – Москва: Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.

84. Гражданский процесс: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп./ Под ред. М.К. Треушникова. – Москва: ОАО «Издательский Дом «Городец»», 2007. – 784 с.

85. Мальченко А.А. Виды представительства в гражданском и арбитражном процессе / А.А. Мальченко // Молодой ученый. – 2021. – №47 (389). – С. 243-245.

86. Казиханова С.С. Представительство по назначению суда как самостоятельный вид судебного представительства / С.С. Казиханова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2015. – №9. – С. 52-62.

87. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 // Информационная система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=lwmjzmailg847184548 (Дата обращения: 03.02.2025)

88. Нешатаева Т.Н. Международное частное право и международный гражданский процесс: Учебный курс в трех частях / Т.Н. Нешатаева. – Москва: Городец, 2004. – 619 с.

89. Гладкий А.Ю. Судебное представительство в гражданском и арбитражном процессах: маг. дис. по направлению: 40.04.01 / А.Ю. Гладкий. – Белгород, 2017. – 92 с.

90. Указ Президента Республики Казахстан от 25 апреля 2016 года №240 «Об утверждении Консульского устава Республики Казахстан» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000240> (Дата обращения: 25.02.2025)

91. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Казахстан (Астана, 2016 год) // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32469410

92. Закон Республики Казахстан от 31 мая 1996 года № 3-І «Об общественных объединениях» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z960000003_ (Дата обращения: 25.01.2025)

93. Закон Республики Казахстан от 27 июня 2014 года №211-V ЗРК «О профессиональных союзах» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000211> (Дата обращения: 22.02.2025)

94. Ответ Министра юстиции РК от 12 мая 2022 года на вопрос от 27 апреля 2022 года № 737396 (dialog.egov.kz) // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32726907

95. Пустовалов Б.Б. Уставное представительство как самостоятельный вид судебного представительства / Б.Б. Пустовалов // Вопросы российской юстиции. – 2020. – №5. – С. 243-248.

96. Алоян Э.С. Институт представительства в цивилистическом процессуальном праве: дис. на соиск. уч. степ.канд. юрид. наук: 12.00.15 / Э.С. Алоян. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. – 163 с.

97. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 года №2 «О некоторых вопросах применения законодательства о товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P08000002S_ (Дата обращения: 01.02.2025)

98. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Информационная система «КоснсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=m3owgsls59873221664 (Дата обращения: 16.02.2025)

99. Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики / А.В. Егоров, Е.А. Папченкова, А.М. Ширвиндт. – М.: Статут, 2016. – 383 с.

100. Закон Республики Казахстан от 7 марта 2014 года №176-V ЗРК «О реабилитации и банкротстве» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000176> (Дата обращения: 10.02.2025)

101. Банкротный, реабилитационный управляющий – представитель конкурентного бизнеса // zakon.kz. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/ekonomika-biznes/4973917-bankrotnyy-reabilitatsionnyy.html?ysclid=m3owk1s7e3676007514>

102. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2022 года №178-VII ЗРК «О восстановлении платежеспособности и банкротстве граждан Республики Казахстан» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000178> (Дата обращения: 27.02.2025)

103. Закон Республики Казахстан от 27 марта 2023 года № 216-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования процессуального законодательства и реформирования судебной системы» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000216> (Дата обращения: 14.02.2025)

104. Ядрышников А.А. Представительство в гражданском процессе: дип. раб. на бак. права: 44.03.04 / А. А. Ядрышников. – Екатеринбург, 2019. – 59 с.
105. Сидоров Р.А. Представительство в гражданском процессе: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.15 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Тверь, 2003. – 27 с.
106. Гуськова М.В. Проблемы представительства в гражданском праве и гражданском процессе Российской Федерации: дип. раб. на бак. права: 44.03.01 / М.В. Гуськова. – Тольятти, 2017. – 59 с.
107. Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс: учебник / С.Н. Абрамов. – М.: Госюриздат, 1952. – 420 с.
108. Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу: пособие для студентов-заочников / М.А. Гурвич; под ред. В.Н. Бельдюгина; Всесоюзный юридический заочный ин-т, Каф. гражданского процесса. – Москва: Тип. «Красная звезда», 1950. – 194 с.
109. Колоколова Э.Е. Адвокат – представитель в российском гражданском процессе: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.15 / Э.Е. Колоколова. – Саратов, 2005. – 33 с.
110. Евстифеева Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения: монография / Т.И. Евстифеева; М-во образования Российской Федерации, Саратовский гос. соц.-экон. ун-т. – Саратов: СГСЭУ, 2002. – 115 с.
111. Алоян Э.С. О некоторых аспектах правового положения представителя в цивилистическом процессе / Э.С. Алоян // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – №4. – С. 152-158.
112. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданский процесс / И.В. Решетникова, В.В. Ярков. – 7-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 303 с.
113. Гражданское процессуальное право: учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажеев [и др.]; под ред. М. С. Шакарян. – М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2004. – 584 с.
114. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. Д. Х. Валеев и М. Ю. Чельшев. М.: Статут, 2010. 572 с.
115. Ласкина Н. В. Судебные представители-лица, участвующие в деле, или лица, содействующие правосудию? // Современное право. 2010. № 3. С. 94-98.
116. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 784 с.
117. Жамбурбаева С., Ильясова Г.А. Некоторые вопросы законодательного регулирования института судебного представительства в Республике Казахстан / С. Жамбурбаева, Г.А. Ильясова // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». – 2022. – №1 (105). – С. 140-149.
118. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года №268-ХІІІ // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (Дата обращения: 11.02.2025)
119. Кодекс профессиональной этики адвокатов Республики Казахстан от 26 сентября 2014 года // Республиканская коллегия адвокатов. – Режим доступа:

<https://advokatura.kz/ru/document/182?ysclid=lwml96qw41947001566> (Дата обращения: 15.02.2025)

120. Закон Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года №91 «О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000091_ (Дата обращения: 20.02.2025)

121. Сизинцев С. Могут ли иностранные адвокаты оказывать юридическую помощь в Казахстане? // Сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – Режим доступа: <https://fparf.ru/polemic/opinions/mogut-li-inostrannye-advokaty-okazyvat-yuridicheskuyu-pomoshch-v-kazakhstane/>

122. Климкин С. Исполнительный орган товарищества с ограниченной ответственностью (срок полномочий и ответственность) // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30960821

123. Закон Республики Казахстан от 22 апреля 1998 г. №220-1 «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000220_ (Дата обращения: 13.02.2025)

124. Закон Республики Казахстан от 13 мая 2003 года №415 «Об акционерных обществах» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000415_ (Дата обращения: 14.02.2025)

125. Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 года №2444 «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002444_ (Дата обращения: 17.02.2025)

126. Закон Республики Казахстан от 19 июня 1995 «О государственном предприятии» (Утратил силу) // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002335_

127. Закон Республики Казахстан от 1 марта 2011 года № 413-IV «О государственном имуществе» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000413> (Дата обращения: 20.02.2025)

128. Приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 2 февраля 2015 года №70 «Об утверждении Правил назначения и проведения аттестации руководителя государственного предприятия, а также согласования его кандидатуры» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500010379> (Дата обращения: 11.02.2025)

129. Кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года №414-V ЗРК «Трудовой кодекс Республики Казахстан» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> (Дата обращения: 20.02.2025)

130. Айтбаев С.М. Права и полномочия представителей юридических лиц в судах Республики Казахстан // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38523824

131. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 20 марта 2003 года №2 «О применении судами некоторых норм гражданского процессуального законодательства» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P03000002S_ (Дата обращения: 01.03.2025)

132. Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года №477-IV «О миграции населения» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477> (Дата обращения: 25.02.2025)

133. Конвенция №135 «О защите прав представителей, трудящихся на предприятии и предоставляемых им возможностях (г. Женева, 23 июня 1971 года)» // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1016286 (Дата обращения: 07.02.2025)

134. Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» от 25 декабря 2017 года №120-VI // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120> (Дата обращения: 03.02.2025)

135. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 6 октября 2017 года №9 «О некоторых вопросах применения судами законодательства при разрешении трудовых споров» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P170000009S> (Дата обращения: 15.02.2025)

136. Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года №154-VII ЗРК «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000154> (Дата обращения: 17.02.2025)

137. Скловский К.И. Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав / К.И. Скловский // Хозяйство и право. – 2004. – №11. – С. 99-110.

138. Брагинский С. М. Договор поручения // Хозяйство и право. – 2001. – №4. – С. 3-76.

139. Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по либерализации экономики» от 8 мая 2024 года №542 // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000542> (Дата обращения: 01.01.2025)

140. Бикебаев А. Как будет проводиться либерализация экономики // Капитал. Центр деловой информации. – Режим доступа: <https://kapital.kz/economic/125791/kak-budet-provodit-sya-liberalizatsiya-ekonomiki.html>

141. Досье на проект закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам конкуренции» // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36222928 (Дата обращения: 01.03.2025)

142. Орлов А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания юридических услуг: сравнительно-правовое исследование: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / А.В. Орлов. – Москва, 2009. – 30 с.

143. Кратенко М.В. Договор об оказании юридической помощи в современном гражданском законодательстве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / М.В. Кратенко. – Томск, 2005. – 30 с.

144. Токмаков И.С. Соглашение об оказании юридической помощи: теория и практика адвокатской деятельности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.11 / И.С. Токмаков. – Москва, 2013. – 21 с.
145. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография / Ю. В. Романец. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 2013. – 495 с.
146. Владимирова И.А. Особенности гражданско-правового регулирования оказания услуг адвокатом: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / И.А. Владимирова. – Москва, 2006. – 26 с.
147. Дюкина В.Р. Гражданско-правовое регулирование оказания адвокатских услуг в праве Европейского Союза: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / В.Р. Дюкина. – Москва, 2014. – 27 с.
148. Климова А.Н. Понятие и правовая сущность договора об оказании юридических услуг: теоретико-правовые, законодательные и правоприменительные аспекты // Актуальные проблемы государства и права. – 2018. – №8. – С.40-47.
149. Хачетлова А.А. Особенности определения предмета соглашения об оказании юридической помощи / А.А. Хачетлова // Научные исследования студентов и учащихся: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 187-189.
150. Ярошевская А.М., Бахриева З.Р. Особенности правовой модели договора о предоставлении юридических услуг / А.М. Ярошевская, З.Р. Бахриева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – №1. – С.162-170.
151. Шарапов М.Ю. Договор об оказании юридических услуг: актуальные проблемы / М.Ю. Шарапов // Science Time. – 2016. – №2(26). – С.622-626.
152. Асанова Д.Н. Особенности разграничения понятия юридических услуг и юридической помощи / Д.Н. Асанова // Образование и право. – 2021. – №10. – С. 144-146.
153. Мамиев А.Г., Цаликова М.Б. Юридическая помощь и оказание юридических услуг: соотношение понятий / А.Г. Мамиев, М.Б. Цаликова // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Том 12. – №9А. – С. 222-229.
154. Canestrini N. Spese legali, un vademecum // CanestriniLex. – Режим доступа: <https://canestrinilex.com/risorse/spese-legali>
155. «О средней стоимости услуг адвокатов коллегий (по видам услуг) по результатам мониторинга» от 10 марта 2023 года // Республиканская коллегия адвокатов. – Режим доступа: <https://advokatura.kz/ru/document/225?ysclid=lwmpaulqt7272180409>
156. Кодекс профессиональной этики адвоката Российской Федерации // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/?ysclid=m5x0kyx6yh675550739>

157. Zhamburbayeva S. Improvement of legal acts regulating representation on someone's behalf in civil proceedings / S.Zhamburbayeva // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». – 2022. – №3 (107). – С. 109-117.

158. Орешин Е.В. Этико-правовое регулирование взаимоотношений адвоката и доверителя в США / Е.В. Орешин // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – №29. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiko-pravovoe-regulirovanie-vzaimootnosheniy-advokata-i-klienta-v-ssha>

159. «Положение о порядке прохождения стажировки стажерами адвокатов» от 12 сентября 2022 года // Алматинская городская коллегия адвокатов. – Режим доступа: <https://www.agka.kz/ru/%D0%92-%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D1%8C-%D0%B0%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%82%D1%83/doc-s-rka/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BE-%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BA%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B6-2/> (Дата обращения: 01.01.2025)

160. Сравнительная таблица Республиканской коллегии адвокатов к проекту Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования процессуального законодательства, адвокатской деятельности и оказания юридической помощи, внесудебного и досудебного разрешения споров» (инициированного депутатами Мажилиса Парламента) // Республиканская коллегия адвокатов. – Режим доступа: <https://advokatura.kz/ru/pozicii/sravnitel-naa-tablica-respublikanskoj-kollegii-advokatov-k-proektu-zakona-o-vnesenii-izmenenij-i-dopolnenij-v-nekotorye-zakonodatel-nye-akty-respubliki-kazahstan-po-voprosam-soversenstvovania-processual-nogo-zakonodatel-stva-advokatskoj-deatel-nosti-i-okazania-uridiceskoj-pomosi-vnesudebnogo-i-dosudebnogo-razresenia-sporov-iniciirovannogo-deputatami-mazilisa-parlamenta>

161. Приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 17 сентября 2020 года №371 «Об утверждении Регламента работы комиссии по аттестации лиц, претендующих на занятие адвокатской деятельностью и аттестационной комиссии юстиции на право занятия нотариальной деятельностью, а также их Персональных составов» // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35176907 (Дата обращения: 01.03.2025)

162. Совместный приказ Министра юстиции Республики Казахстан и и.о. Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 26 / 27 мая 2023 года №344 / 115/НК «О реализации Пилотного проекта по оказанию государственных услуг Министерства юстиции Республики Казахстан по проведению аттестации лиц,

претендующих на право занятия профессиональной деятельностью и присвоению квалификации в автоматизированном режиме» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032616> (Дата обращения: 01.02.2025)

163. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК «О правовых актах» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480> (Дата обращения: 13.02.2025)

164. Приказ и.о. Министра юстиции Республики Казахстан от 28 мая 2020 года №61 «Об утверждении Правил оказания государственных услуг по вопросам адвокатской деятельности» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020774> (Дата обращения: 19.02.2025)

165. Закон Республики Казахстан от 16 мая 2014 года № 202-V ЗРК «О разрешениях и уведомлениях» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000202> (Дата обращения: 15.02.2025)

166. Судебный кабинет // Верховный суд Республики Казахстан. – Режим доступа: <https://office.sud.kz/>

167. Нормативно-правовые акты Палаты Юридических консультантов Карагандинской области // Палата Юридических консультантов Карагандинской области. – Режим доступа: <https://palatajuristov09.kz/documents/normative-legal-acts/> (Дата обращения: 01.01.2025)

168. Закон Республики Казахстан от 18 марта 2002 года N 304 «Об органах юстиции» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000304_ (Дата обращения: 12.02.2025)

169. Бердиева А.А. Реформирование института представительства в гражданском судопроизводстве / А.А. Бердиева // Молодой ученый. – 2018. – № 22 (208). – С. 210-211.

170. Почему юристам важно повышать собственную квалификацию? // Национальная академия современных технологий. – Режим доступа: <https://nastobr.com/articles/pochemu-yuristam-vazhno-povyshat-sobstvennuyu-kvalifikatsiyu/>

171. Суюндигова Л.К. Злоупотребление процессуальными правами // Zakon.kz. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/stati/4908812-zloupotreblenie-protssessualnymi-pravami.html?ysclid=lwmwy4hhuw303477347>

172. Гдалевич И.А. Злоупотребление правом и типы правопонимания / И.А. Гдалевич // Философия права. – 2007. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-i-tipy-pravoponimaniya>

173. Денисенко Е.М. Злоупотребление правом и его основные признаки / Е.М. Денисенко // Вестник Университета «Кластер». – 2022. – №3(3). – С.38-51.

174. Лузик А.А. К вопросу о соотношении категорий злоупотребления правом и добросовестности / А.А. Лузик // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – 8(74). – №1. – С.244-251.

175. Boon A. Advocacy (2nd ed.) / A. Boon. – Ontario: Cavendish Publishing, 1999. – 248 с.

176. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (Дата обращения: 16.02.2025)

177. Султанов Р.Р. О роли, правовом регулировании и статусе представителя в гражданском процессе // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32372106

178. Кенжебаева А.Т. Справка к заседанию Международного Совета при Верховном Суде Республики Казахстан «Правовое регулирование профессионального судебного представительства» // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32792900

179. Войтов И.В., Чеботарев Р.А. «Гонорар успеха» в России и зарубежных странах: специфика правового регулирования / И.В. Войтов, Р.А. Чеботарев // Уральский журнал правовых исследований. – 2021. – №4. – С. 19-27.

180. Орешин Е.В. Этико-правовое регулирование взаимоотношений адвоката и доверителя в США / Е.В. Орешин // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – №29. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiko-pravovoe-regulirovanie-vzaimootnosheniy-advokata-i-klienta-v-ssha?ysclid=m9ekyn74ld155065081>

181. Обзор нормативного регулирования и практики применения «гонорара успеха» в различных юрисдикциях // Сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fparf/reviews-of-fpa-of-the-russian-federation/overview-of-the-normative-regulation-and-practice-of-success-fee-in-various-jurisdictions/>

182. Zhamburbayeva S. Agreement on legal assistance: legal regulation of the «success fee» in the Republic of Kazakhstan / S. Zhamburbayeva // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». – 2023. – №4 (112). – С. 112-121.

183. Тальцева Л. Соглашение о гонораре успеха в Германии // Три условия, когда оно допустимо // Zakon.ru. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/12/06/soglashenie_o_gonorare_uspeha_v_germanii__tri_usloviya_kogda_ono_dopustimo

184. Павлова Г.Г., Хадеева А.Р. «Гонорар успеха» в деятельности юриста и адвоката / Г.Г. Павлова, А.Р. Хадеева // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – №4 (23). – С. 27-33.

185. Степанова Д.Н., Емелина Н.А.. К вопросу о правовом регулировании гонорара успеха / Д.Н. Степанова, Н.А. Емелина // Наука. Общество. Государство. – 2020. – №3 (31). – С. 180-186

186. Трезубов Е.С., Розе М.А. «Гонорар успеха»: старая песня на новый лад / Е.С. Трезубов, М.А. Розе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – №2 (14). – С. 177-186.

187. Маслов А.А. Введение гонорара успеха в российское законодательство с 2017 года / А.А. Маслов // Вестник ННГУ. – 2018. – №3. – С. 127-132.

188. Бабкина Е. Развитие теории представительства в коммерческих отношениях // Международное общественное объединение по научно-

исследовательским и информационно-образовательным программам. – Режим доступа: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/1999-4/1999-4-babkina>

189. Аналитическая справка «О статусе, роли и правовом регулировании представителя в суде по гражданским делам» // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37971200

190. Сафиуллина Г.Д. Континентальная концепция представительства / Г.Д. Сафиуллина // Антиномии. – 2009. – №9. – С. 394-409.

191. Момотов В.В. Совершенствование судебного представительства: современный взгляд / В.В. Момотов // Евразийская адвокатура. – 2018. – №3 (34). – С.29-37.

192. Судебное представительство в гражданском процессе: зарубежный опыт и законодательство Казахстана // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34056563&pos=42;-33#pos=42;-33

193. Жамбурбаева С. Положения страны восходящего солнца, регламентирующие представительство в гражданском праве и процессе / С. Жамбурбаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. – 2021. – №1. – С.78-84

194. IBA Global Regulation and Trade in Legal Services Report. – International Bar Association, 2014. – 714 p.

195. Zhamburbayeva S., Gulzhazira I. Advocates and Legal Advisers in Civil Proceedings in Kazakhstan: Is Advocate Monopoly Required? / S. Zhamburbayeva, I. Gulzhazira. – DANUBE, 2024. – vol. 15, no. 1. – pp. 24-46.

196. Адвокатская практика: Учебник / Отв. ред. А. А. Клишин, А. А. Шу гаев; МГИМО (У) МИД России. – Москва: Статут, 2016. – 506 с.

197. Адвокатура. Учебник для вузов / А.Эгамбердиев, Р.Ахмедов, Ш.Мирзаев, И.Никонов, Г.Сайфиева. – Т.: Издательство ТГЮУ, 2016. – 250 с.

198. Comparative review: Procedural and institutional setup of the functioning of lawyers in Armenia, Belarus, Georgia, Moldova and Ukraine / PGG II Regional Project «Strengthening the profession of lawyer in line with European standards». – European Union and Council of Europe Partnership for Good Governance, 2019-2021. – 61 p.

199. Laurel S.T. Putting the legal profession's monopoly on the practice of law in a global context / S.T. Laurel // Dickinson School of Law. – 2014. – №82 (6) – Pp. 2903-2938.

200. Кожевникова Е.О. Сравнительная характеристика гражданского процессуального представительства в странах постсоветского пространства / Е.О. Кожевникова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – №4. – С. 154-164.

201. Пучинский В.К. Гражданский процесс зарубежных стран / под ред. В.В. Безбаха. – Москва: Зерцало, 2008. – 506 с.

202. Kirby T. Piercing the Lawyers' Monopoly // The regulatory review. – Режим доступа: <https://www.theregreview.org/2022/02/09/kirby-piercing-lawyer-monopoly/>

203. Юнусов А.С., Казнаев А.О. Адвокатура Турции / А.С. Юнусов, А.О. Казнаев // Проблемы организации и функционирования адвокатуры. – 2016. –

№ 2 (21). – Режим доступа: <https://www.eurasian-advocacy.ru/problems-organizatsii-i-funktsionirovaniya-advokatury/1898-advokatura-turtsii?ysclid=m6xrbp5ep8379315254>

204. Nathanson S. Non-trial advocacy: a case study approach (1st edition) / S. Nathanson. – Routledge, 2011. – 130 p.

205. R.D.L. 1578/1933 – Ordinamento delle professioni di avvocato e di procuratore // Miolegale. – Режим доступа: <https://www.miolegale.it/norme/rdl-1578-1933-legge-professionale-avvocati/>

206. Chaveron L. French lawyer – Differences between French Avocat and English barrister and solicitor // Chaveron-avocat. – Режим доступа: <https://www.chaveron-avocat.com/en/french-legal-system/17-differences-between-french-avocat-and-english-barrister-and-solicitor>

207. Code of Civil Procedure. With the participation of Yves-Antoine Tsegaye // Dataguidance. – Режим доступа: https://www.dataguidance.com/sites/default/files/code_39_3.pdf

208. Романов А.А. Адвокаты в Австралии И Канаде: краткое исследование института судебного представительства в бывших английских колониях / А.А. Романов // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – №7(58). – С.17-21.

209. Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова от 30 мая 2003 года № 225-XV // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397949&pos=1087;-50#pos=1087;-50

210. Rechtsanwaltsgesetz (RAG) // Liechtensteinisches Landesgesetzblatt. – Режим доступа: https://www.rak.li/application/files/1216/1883/4126/Rechtsanwaltsgesetz_Stand_01.01.2016.pdf

211. Трефилов А.А. Адвокатура в Лихтенштейне / А.А. Трефилов // Адвокатская практика. – 2020. – № 2 – с. 55-62.

212. Акимбекова С.А., Бектурганов М.Ж. Международный совет при Верховном Суде Республики Казахстан и его роль в гражданском процессе / С.А. Акимбекова, М.Ж. Бектурганов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – №4 (62). – С. 66-72.

213. Parasuraman A., Zeithaml V.A., Berry L.L. SERVQUAL: Multiple-item Measuring Perceptions of Service Quality / A. Parasuraman, V.A. Zeithaml, L.L. Berry // Journal of Retailing. – 1988. – №64 (1). – Pp. 12-40.

214. A research report for the Legal Services Board «Quality indicators in legal services» (2021) // Community research. – Режим доступа: <https://legalservicesboard.org.uk/wp-content/uploads/2021/02/LSB-Public-Panel-Quality-Indictors-Research-Report-Accessible.pdf>

215. Гурбанова Н.Х., Распопин С.В., Юртаев Н.С., Бардокин Д.А. Актуальные вопросы квалифицированной юридической помощи на постсоветском пространстве / Н.Х. Гурбанова, С.В. Распопин, Н.С. Юртаев, Д.А. Бардокин // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – №3 (15). – С. 257-269.

216. Polyakova N.V., Polyakov V.V., Baranova Ju.O. Criteria for the quality of legal services provided to citizens / N.V. Polyakova, V.V. Polyakov, Ju.O. Baranova

// Izvestiya Baikalskogogosudarstvennogo universiteta. – 2017. – 27 (4). – Pp. 468-477.

217. Деханов С. Конститутивные элементы адвокатуры и личностные качества адвоката (soft skills). Какие качества присущи идеальному типу адвоката? // Адвокатская газета. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/konstitutivnye-elementy-advokatury-i-lichnostnye-kachestva-advokata-soft-skills/?ysclid=lw6uy4ynl562559459>

218. Chaserant C., Harnay S. The regulation of quality in the market for legal services: Taking the heterogeneity of legal services seriously / C. Chaserant, S. Harnay // The European Journal of Comparative Economics. – 2013. – №10 (2). – Pp. 267-291.

219. Białowolski P., Weziak-Białowolska D. What Does It Take to Be a Good Lawyer? The Underpinnings of Success in a Rapidly Growing Legal Market / P. Białowolski, D. Weziak-Białowolska // Sustainability. – 2021. – №13 (11). – Pp. 1-15.

220. Тутханиян Г.А. О некоторых аспектах определения понятия «Квалифицированная юридическая помощь» в Российской Федерации / Г.А. Тутханиян // Вестник экономической безопасности. – 2016. – №6. – С 147-149.

221. Невская О.В. Что такое квалифицированная юридическая помощь // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/5125329/?ysclid=m8t6s22l3r204079607>

222. Бондарь О.Н. Квалифицированная юридическая помощь – конституционная гарантия прав граждан: монография / О.Н. Бондарь. – Ростов-на-Дону: Профпресс, 2018. – 224 с.

223. Ленкауцан Д.В. Проблемы толкования понятия квалифицированной юридической помощи / Д.В. Ленкауцан // Молодой ученый. – 2018. – № 7 (193). – С. 133-136.

224. Волкова А.В. Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации: маг. раб. на маг.юр.н.: 40.04.01 / А.В. Волкова. – Пенза, 2024. – 60 с.

225. Хопияйнен А.К. Сущность квалифицированной юридической помощи // Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Воронеж: Инновационный центр развития образования и науки, 2014. – Режим доступа: <https://izron.ru/articles/problemy-i-perspektivy-razvitiya-sovremennoy-yurisprudentsii-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh/sektsiya-2-konstitutsionnoe-pravo-munitsipalnoe-pravo-spetsialnost-12-00-02/sushchnost-kvalifitsirovannoy-yuridicheskoy-pomoshchi/?ysclid=lwm6ab1cnc210632106>

226. Как определить квалификацию адвоката? // Адвокатские услуги Жуковой О.С. – Режим доступа: <https://advokat-zhukova.ru/kriterii-kvalificirovannosti-yuridicheskoy-pomoshhi/?ysclid=lwm6nk67nl991536321>

227. Смирнов К.В. О понятии «квалифицированная юридическая помощь» / К.В. Смирнов // Вопросы российской юстиции. – 2021. – №16. – С.84-91.

228. Звягина Н.С., Баев В.Д. Проблемы профессионального представительства в гражданском и административном судопроизводстве

Российской Федерации / Н.С. Звягина, В.Д. Баев // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – №1 (17) – С. 88-95.

229. Панченко В.Ю. О понятии юридической помощи / В.Ю. Панченко // Государство и право. – 2012. – №12. – С. 5-12.

230. Daicoff S. Lawyer, Know Thyself: A Review of Empirical Research on Attorney Attributes Bearing on Professionalism / S. Daicoff // Am Univ Law Rev. – 1997. – №46. – Pp. 1337-1427.

231. Глухова О.Ю., Назаров В.В. Перспективы развития профессионального представительства в арбитражном процессе России / О.Ю. Глухова, В.В. Назаров // Актуальные проблемы государства и права. – 2019. – №11. – С. 385-390.

232. Богомолов М.В. Институт судебного представительства в современном гражданском и арбитражном процессе / М.В. Богомолов // Вестник ПАГС. – 2013. – №2 (35). – С.58-62.

233. Кенжебаева А.Т. Переосмысливая роль и статус профессионального представителя в суде // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34918277&pos=26;-29#pos=26;-29

234. Сизинцев С.В. Международные организации о проекте Закона «Об адвокатской деятельности и юридической помощи»: замечания и рекомендации // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38927870&pos=18;-31#pos=18;-31

235. Автоматизированная информационная система органов исполнительного производства Министерство юстиции Республики Казахстан // Министерство юстиции Республики Казахстан. – Режим доступа: <https://aisoip.adilet.gov.kz/useful-info/legal-advisers?lang=ru> (Дата обращения: 01.01.2025)

236. Почти 30 палат юридических консультантов не оказалось в национальном реестре Казахстана // Tag news. – Режим доступа: <https://kaztag.kz/amp/news/pochti-30-palat-yuridicheskikh-konsultantov-ne-okazalos-v-natsionalnom-reestre-kazakhstana/>

237. Позиция Научно-консультативного совета Республиканской коллегии адвокатов по вопросу законодательного закрепления Республиканской коллегии юридических консультантов в качестве единой централизованной организации с обязательным членством в РКЮК всех палат юридических консультантов от 16 февраля 2023 года // Республиканская коллегия адвокатов. – Режим доступа: <https://advokatura.kz/ru/pozicii/pozicia-naucno-konsul-tativnogo-soveta-respublikanskoj-kollegii-advokatov-po-voprosu-zakonodatel-nogo-zakreplenia-respublikanskoj-kollegii-uridiceskih-konsul-tantov-v-kacestve-edinoj-centralizovannoj-organizacii-s-obazatel-nym-clenstvom-v-rkuk-vseh-palat-uridiceskih-konsul-tantov?ysclid=lwmusm8z74431881684>

238. Бикебаев А.Ж. Объединение профессиональных судебных представителей в составе адвокатуры: исправление ошибок реформы 2018 года / А.Ж. Бикебаев. – Астана: Республиканская коллегия адвокатов, 2024. – 76 с.

239. Биография Декарта Р. // Биография известных людей. – Режим доступа: https://biografytrip.ru/nauka_iskusstvo/biorgafiya-rene-dekarta

240. Вааль Т. Парламент принял закон об адвокатской деятельности, исключив норму об обязательном членстве палат юрконсультантов // Власть. – Режим доступа: <https://vlast.kz/novosti/44481-parlament-prinal-zakon-ob-advokatskoj-deatelnosti-iskluciv-normu-ob-obazatelnom-clenstve-palat-urkonsultantov.html?ysclid=m8yejznopx320199348>

241. Скаков А. О проблемах реализации Закона РК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» в действующей редакции // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38759135&pos=21;-37#pos=21;-37

242. Беркамалов С.Н. Повышение статуса юриста через изменения в Закон «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35117664

243. Тулебаев А.Н. Касательно Республиканской палаты юридических консультантов // Республиканское объединение Казахстанский союз юристов. – Режим доступа: <https://www.jurist-kaz.kz/news/kasatelno-respublikanskoy-palatyiyuridicheskikh-konsultantov/?ysclid=m8ye7iflep227298740>

244. Саурбаев М. Драться нет повода // Казахстанская правда. – Режим доступа: <https://kazpravda.kz/n/dratsya-net-povoda/?ysclid=m8yh550w4365311267>

245. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года №235-V // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399 (Дата обращения: 15.02.2025)

246. Закон Республики Казахстан от 10 января 2025 года № 155-VIII «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000155> (Дата обращения: 15.02.2025)

247. Закона Республики Казахстан от 26 июля 2007 года №310-III «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000310_ (Дата обращения: 05.02.2025)

248. Приказ Министра юстиции Республики Казахстан «Об утверждении Правил предоставления информации из правового кадастра» от 28 марта 2012 года №131 // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1200007586> (Дата обращения: 09.02.2025)

249. Абдрасулов Е.Б., Рысжанова Г.С., Сактаганова А.Б. Судебная практика и ее роль в развитии национального законодательства Республики Казахстан / Е.Б. Абдрасулов, Г.С. Рысжанова, А.Б. Сактаганова // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия Право. – 2023. – 3 (143). – С.51-62.

250. Цискаришвили А.В. Адвокатская монополия: опыт зарубежных стран / А.В. Цискаришвили // Вопросы российского и международного права. – 2016. – №5. – С. 138-146.

251. Rigertas L. The legal profession's monopoly: Failing to protect consumers / L. Rigertas // Fordham Law Review. – 2014. – №82(6). – Pp. 2683-2704.

252. Selkova A. Would online legal services guarantee the availability of justice and legal aid? // SHS Web of Conferences. – 2022. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/358471016_Would_online_legal_services_guarantee_the_availability_of_justice_and_legal_aid

253. Агеева Г.Е., Кокин А.В. О значимости адвокатской монополии в судопроизводстве / Г.Е. Агеева, А.В. Кокин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2017. – №4. – С. 73-79.

254. Послание Президента Республики Казахстан-Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 года «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (Дата обращения: 01.02.2025)

255. Указ Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 года № 611 «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611> (Дата обращения: 10.02.2025)

256. Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 269 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (Дата обращения: 03.02.2025)

257. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 «Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592> (Дата обращения: 04.02.2025)

258. Цифровой юридический центр на базе искусственного интеллекта «NearBy». – Режим доступа: <https://nearby.kz/>

259. Юридический онлайн-сервис Казахстана «Pravosite». – Режим доступа: <https://pravosite.kz/?ysclid=lwmvl8geru242217424>

260. Юридическая консультация онлайн «JurGuru». – Режим доступа: <https://jurguru.kz/?ysclid=lwmvm9dffk206892837>

261. Górski Ł. Technology vis-à-vis law. Research in the area of law representation / Ł. Górski // Studia Iuridica Toruniensia. – 2017 – №18 (63). – Pp. 63-75

262. Blockchain for Lawyers eBook // Legaler. – Режим доступа: <https://www.legaler.com/wp-content/uploads/2018/12/Blockchain-for-Lawyers-eBook.pdf>

263. Blockchain technologies and IP ecosystems / A WIPO white paper. – Switzerland: World Intellectual Property Organization, 2022. – 189 p.

264. Zhamburbayeva S., Ilyassova G.A. The realization of the «Concept of digital transformation, development of the information and communication technologies and cybersecurity industry for 2023-2029» by implementing blockchain in the

technologies of the Republic of Kazakhstan and the problems of its legal regulation / S.Zhamburbayeva, G.A. Ilyassova // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». – 2024. – №4 (116). – С. 137-145.

265. Cekerevac Z. Blockchain and the application of that technology / Z. Cekerevac // MEST Journal. – Vol. 10 No. 2. – Pp. 14-25.

266. Blockchain legal & regulatory guidance report (third edition) // The Law Society, Tech London Advocates (TLA) Blockchain Legal and Regulatory Group, and the Society for Computers and Law (SCL) // Lawsociety. – Режим доступа: <https://www.lawsociety.org.uk/topics/research/blockchain-legal-and-regulatory-guidance-report#download>

267. The General Data Protection Regulation (GDPR). – Режим доступа: <https://gdpr-info.eu/>

268. Blockchain and Data Protection: Rethinking the Essence and Uses of Blockchain // Law Gazette. – Режим доступа: <https://lawgazette.com.sg/feature/blockchain-and-data-protection/>

269. How New EU Privacy Laws Will Impact Blockchain: Expert Take / D. Steinbeck // Cointelegraph. – Режим доступа: <https://cointelegraph.com/news/how-new-eu-privacy-laws-will-impact-blockchain-expert-take>

270. На что способна технология блокчейн в сфере юридических услуг // BlackChainWiki. – Режим доступа: <https://blockchainwiki.ru/tehnologiya-blokchejn-v-sfere-yuridicheskikh-uslug/?ysclid=lmz118vftc857154885>

271. Why blockchain is useful to lawyers? // Blockchain-council. – Режим доступа: <https://www.blockchain-council.org/blockchain/why-blockchain-is-useful-to-lawyers/>

272. Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны // Адвокатская палата Республики Ингушетия. – Режим доступа: <https://www.advokaturari.ru/index.php/advokatam/resheniya-soveta-fpa/43-rekomendatsii-po-obespecheniyu-advokatskoj-tajny>

273. Соловьева Ю.И. Проблема обеспечения сохранения адвокатской тайны в условиях цифровизации / Ю.И. Соловьева // Евразийская адвокатура. – 2019. – №6 (43). – С.51-55.

274. Заблоцкис А., Писемский А. Правила цифровой безопасности. Способы защиты адвокатской тайны в эпоху цифровизации // Адвокатская газета. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravila-tsifrovoy-bezopasnosti/>

275. «Заң көмегі». – Режим доступа: <https://eup.adilet.gov.kz/#/home>

276. «СпросиВрача». – Режим доступа: <https://sprosivracha.com/>

277. «СпросиЮриста». – Режим доступа: https://prg.kz/pravmedia/ask_the_lawyer/vse/

278. Studlance.ru. – Режим доступа: <https://studlance.ru/>

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

«УТВЕРЖДАЮ»

Декан юридического факультета
НАО «Карагандинский университет им.
академика Е.А. Букетова»

 А.М. Серикбаев
« 10 » февраля 2025 г.

АКТ

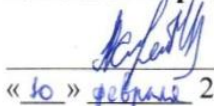
о внедрении результатов НИР в учебный процесс

Мы, нижеподписавшиеся, представители кафедры гражданского и трудового права юридического факультета НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А.Букетова» и докторант образовательной программы «8D04201-Юриспруденция» Жамбурбаева С., составили настоящий акт о том, что результаты диссертационного исследования на тему «Представительство по поручению в гражданском процессуальном праве: теория и практика правоприменения», подготовленное докторантом Жамбурбаевой С., выполненной в НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А.Букетова» приняты к внедрению в учебный процесс и используются при преподавании дисциплин «Гражданское процессуальное право Республики Казахстан», «Международное частное право» студентам Образовательной программы «6B04205-Правовое регулирование предпринимательской деятельности» (бакалавр); «Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел», «Теория и практика применения гражданского законодательства», «Актуальные проблемы международного частного права» магистрантам Образовательной программы «7M04205-Частное право» (магистратура).

Использование результатов диссертационной работы позволяет:

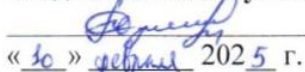
1. Повысить уровень подготовки бакалавров, магистрантов;
2. Разработать кейсы по вопросам гражданского процессуального права;
3. Разработать учебно-практические пособия по дисциплинам «Гражданское процессуальное право Республики Казахстан», «Международное частное право» для обучения по Образовательной программе «6B04205-Правовое регулирование предпринимательской деятельности» (бакалавр), «Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел», «Теория и практика применения гражданского законодательства», «Актуальные проблемы международного частного права» по Образовательной программе «7M04205-Частное право» (магистратура).

Докторант образовательной программы
«8D04201-Юриспруденция»

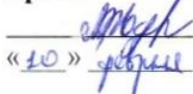
 Жамбурбаева С.
« 10 » февраля 2025 г.

От организации:

Декан юридического факультета
НАО «Карагандинский университет им.
академика Е.А. Букетова»

 А.М. Серикбаев
« 10 » февраля 2025 г.

Зав. кафедрой гражданского и трудового
права

 А.Ж. Обдіжәмі
« 10 » февраля 2025 г.

Ассоциированный профессор кафедры
гражданского и трудового права

 М.Т. Акимжанова
« 10 » февраля 2025 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

«УТВЕРЖДАЮ»

Председатель Президиума
Карагандинской областной коллегии
адвокатов

О.А.Абикенов

«10» февраля 2025 г.

АКТ

о внедрении результатов НИР в деятельность Карагандинской областной коллегии адвокатов

Мы, нижеподписавшиеся, представитель Карагандинской областной коллегии адвокатов и докторант образовательной программы «8D04201-Юриспруденция» Жамбурбаева С., составили настоящий акт о том, что результаты диссертационного исследования на тему «Представительство по поручению в гражданском процессуальном праве: теория и практика правоприменения», подготовленного докторантом Жамбурбаевой С., выполненного в НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова», приняты к внедрению в деятельность Карагандинской областной коллегии адвокатов и используются в правоприменительной практике адвокатов.

Результаты диссертационной работы позволяют:

1. Разработать рекомендации по совершенствованию нормативно-правовых актов в части регулирования института представительства в гражданском процессе, которые могут быть предложены для обсуждения и внедрения на уровне адвокатского сообщества и органов правоприменения.
2. Составить методические материалы для стажеров Карагандинской областной коллегии адвокатов, направленные на изучение процесса возникновения и прекращения правоотношений в судебном представительстве.
3. Использовать аналитические выводы и научные разработки при проведении курсов повышения квалификации для практикующих адвокатов, что позволит совершенствовать их профессиональные навыки в области гражданского процессуального представительства.
4. Подготовить учебно-практические пособия и кейсы для применения в учебных и тренинговых программах коллегии.
5. Организовать семинары и дискуссионные площадки на базе Карагандинской областной коллегии адвокатов для обсуждения актуальных проблем представительства в гражданском процессе, обмена опытом и повышения профессионального уровня адвокатов.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах, имеющих равную юридическую силу, один из которых хранится в Карагандинской областной коллегии адвокатов, а второй – у автора исследования.

Председатель Президиума
Карагандинской областной коллегии
адвокатов

О.А.Абикенов

«10» февраля 2025 г.

Докторант образовательной программы
«8D04201-Юриспруденция»

Жамбурбаева С.

«10» февраля 2025 г.

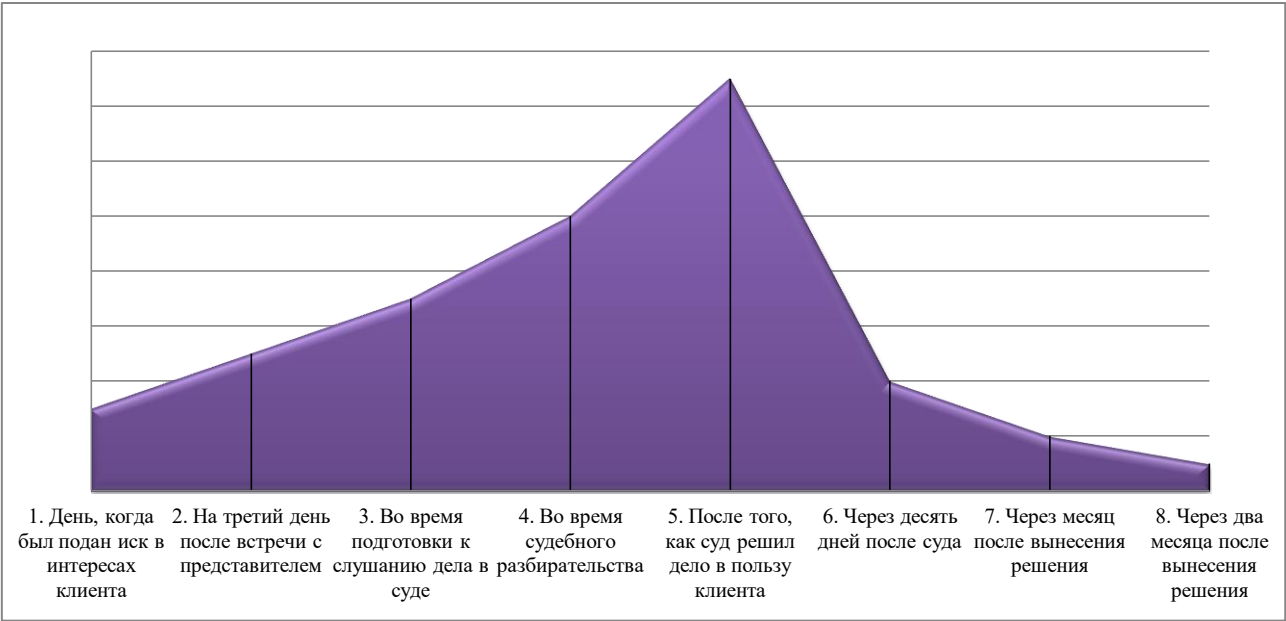
Декан юридического факультета
НАО «Карагандинский университет им.
академика Е.А. Букетова»

А.М. Серикбаев

«10» февраля 2025 г.

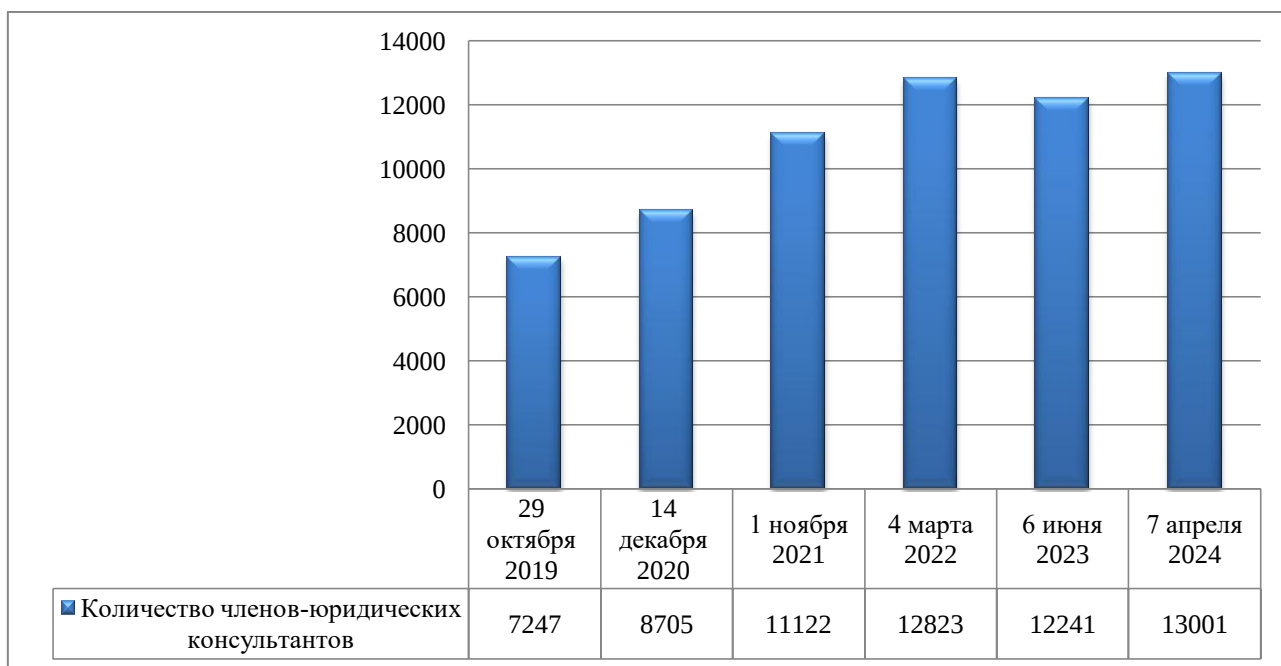
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Диаграмма 1. Кривая «прямой благодарности» доверителя своему представителю

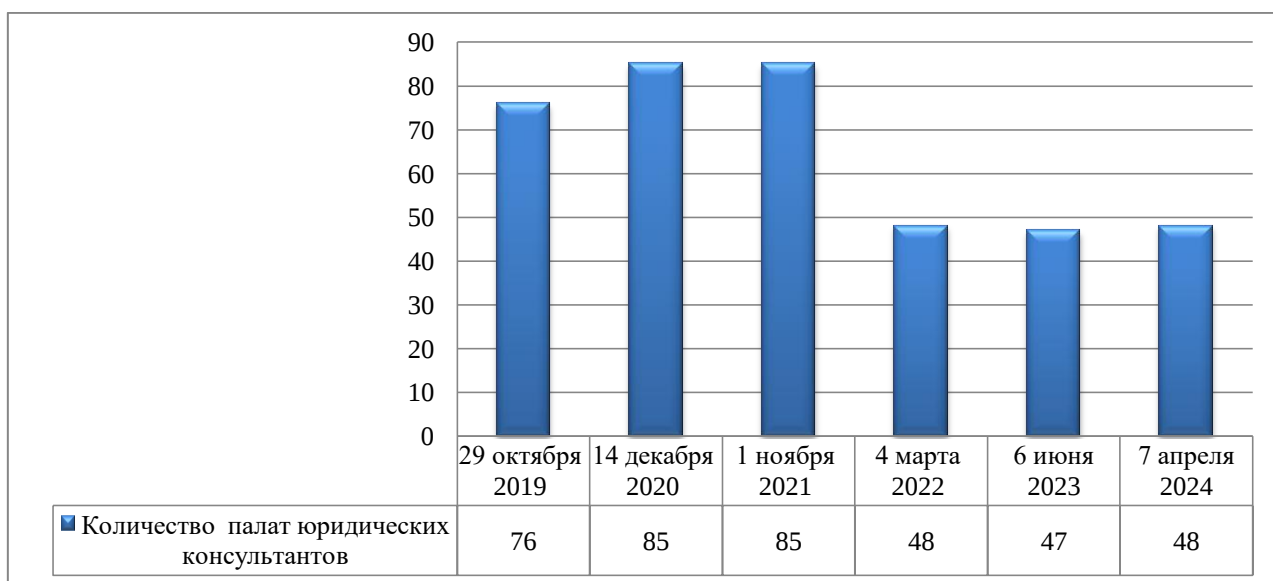
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Диаграмма 2. Количество юридических консультантов с 2019 по 2024 гг.

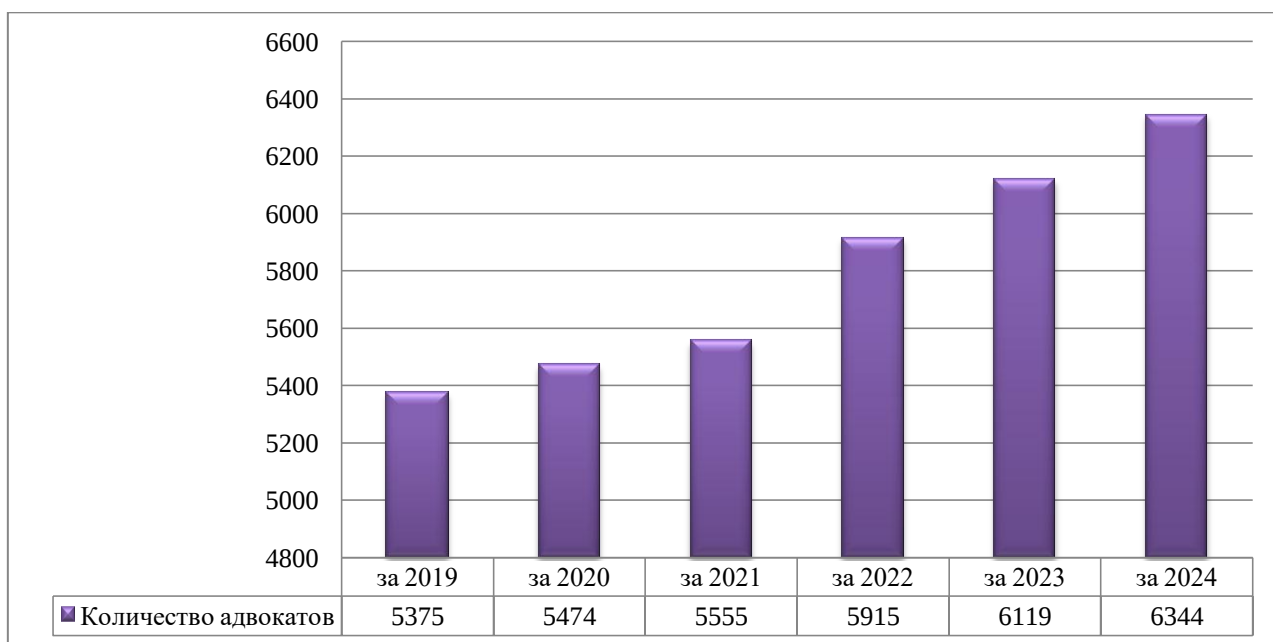
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Диаграмма 3. Количество палат юридических консультантов с 2019 по 2024 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

Диаграмма 4. Количество адвокатов с 2019 по 2024 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7.

Диаграмма 5. Формы осуществления адвокатской деятельности с 2019 по 2024 гг.

